

УРАЛЬСКИЙ

Ледопыт

8
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

Полной горстью

Евг. СПЕХОВ

Рисунки Л. Полстоваловой

Однажды он позвонил и сказал: «Приезжай, дело одно есть. Вернее, не дело, а человек».

Я бросил все дела и в тот же вечер сел в поезд.

Доехать до Качканара сейчас очень просто: в полночь садишься в спальный вагон, а чуть свет сходишь в Качканаре, который встречает тебя шумом проходящих составов с агломератом.

Он ждал меня на станции, и мы молча постояли несколько минут на том месте, где познакомились восемь лет назад, — у старой корявой сосны.

Был день, когда, утопая в сыром мартовском снегу, мы пришли сюда с группой проектировщиков будущего комбината. Был жарко пылающий костер, у которого сушились портянки и сапоги, и была холодная бессонная ночь, когда мы наперегонки бегали по тропинке в снегу, чтобы согреться.

Тогда я и познакомился с ним, с Федором Селяниным.

— Помнишь? — сказал, кивая на старую сосну.

— Помню...

— А Рюрика помнишь? Ректора нашего? Плохо у него, письмо прислал...

И тут Федор вдруг протянул мне пачку исписанных тетрадей и блокнотов.

— Дневник? Твой?

— Да, — усмехнулся Федор. — Перечитывал, думал, что ответить Рюрику..

Тогда же, восемь лет назад, Федор признался мне, что пишет дневник. «Забудем ведь, как все было, как Качканар поднимался. А ведь это не просто интересно, это важно знать. Другим важно...» Так я запомнил его слова.

— Почитай, — сказал Федор. — Может, ты ответишь Рюрику?

Вечером я открыл первую тетрадь...

1957 год

«Май.

Пишу у костра. Сырая ночь. В двух шагах от костра — тьма, хоть глаза выколи, Качканар поглотила ночь. А днем «железный утес» возвышался перед нами, гордый и надменный.

Ребята спят сном праведников. Кто где: в палатках, на чердаках старого старательского поселка Валериановского и прямо у костра, подложив под голову телогрейки.

Сегодня началось наступление на Качканар. Первый день стройки. Это же история! И творят ее мои сверстники, ребята с соседних приисков и городов — Иса и Нижней Туры, Красноуральска и Косьи.

Не могу уснуть. Этот день запомнится на всю жизнь.

Утром начальник участка Семен Степанович Мальцев произнес речь перед первыми качканарцами:

— У кого топоры и пилы — выходи вперед!

Все сделали шаг вперед, хотя топоры были не у многих.

— Начинаем строить Качканар, — продолжал Мальцев. — Первое задание — валить лес. Надо пробить дорогу к будущему городу...

— Ребята! Засекайте время! — весело кричит Толя Торопицын. — Первое дерево упало в чащу. На часах десять утра. 27 мая 1957 года...

Удивительно, как иногда ломаются судьбы людей! Я помню, как Федор Селянин приехал в Нижнюю Туру. Приехал после окончания юридического института. Писать диссертацию. Да, решил стать ученым, политэкономом. Даже тему взял в институте: «Сокращение рабочего дня — экономический закон социализма».

Перед отъездом из Свердловска зашел к профессору, посоветоваться.

— Несвоевременно, молодой человек, вы беретесь за эту тему. Очень несвоевременно, — сказал профессор.

Федор настаивал. Профессор качал головой: «Не знаете вы жизни»...

А жизнь Федор, действительно, знал плохо. Десятилетка, институт — вот и все, из чего состояла его биография. «Не знаю жизни?» — Федор — парень горячий: поехал «узнавать жизнь» на Нижне-Туринскую ГРЭС, электриком стал. Электрик с дипломом юриста. «Полезно, — заявил Федор родным. — Жизнь узнаю, материал для диссертации соберу...» Но «собрать материал» ему не удалось. Через полгода избрали комсоргом. А еще через пару месяцев стал Федор секретарем Нижне-Туринского горкома комсомола. И вот вместо того, чтобы заниматься научной работой, сидит Федор Селянин у костра и пишет:

«Июнь.

Наш горком гудел, как улей. Собрались сто комсомольских активистов района. Актив принял решение: всех членов

пленума направить на стройку, в бригады.

Смотрю на Женю Едигарьева. Он комсорг железнодорожного депо, помощник машиниста. Спрашиваю: «Готов!»

— Жалко, Федя, паровоз. Что я без него, нуль без палочки.

— Ты возглавишь комсомольскую организацию на строительстве промбазы и будущей железнодорожной станции.

— А потом я вернусь на паровоз!..

Женька, Женька. Пришел в депо перед отъездом, а голос дрожит — жалко расставаться. Старый машинист подбадривает: «Встретимся на Качканаре».

— Ну, прощай.

И когда Едигарьев уходил, машинист дал длинный прощальный гудок. Женька не выдержал, бросился бежать.

А потом было первое комсомольское собрание.

Вечер. Палатки. Хлещет дождь. Ненастье вторую неделю. Я плохо вижу лица ребят: тускло горит «летучая мышь». Только через неделю заведем походную электростанцию. Повестка дня: «О революционных традициях комсомола». Говорю об эстафете поколений, о том, что Качканар для нас — это Магнитка и Комсомольск. Я очень хочу, чтобы город наш был самым светлым и красивым, чтобы любили люди свои улицы, рощи, будущий комбинат. Я говорю уже час о прекрасных проспектах, которые пролягут в тайге. Я даже фантазирую, вспоминаю «Город солнца» Кампанеллы. Шумит тайга, хлещет дождь. Рядом с палаткой что-то затрещало, грохнуло. Выбегаем под ливень: молнией разбило дерево. Возвращаемся в палатку, продолжаю рассказывать о Кампанелле. Вдруг слышу:

— Хватит трепаться... Врешь!

Не могу разглядеть, темно. Зло взяло.

— Вру, значит! Да! Смотри! — Развертываю генеральный план будущего города. Со всех сторон лучи десятков фонариков направлены на лоскут ватмана. Я ослеплен. Мне кажется, улицы наши уже залиты светом электрических ламп и мрак уползает в горы..

На нашу стройку пришли лучшие.

Николай Иванов. Горком послал Иванова на самый трудный участок — строительство железнодорожной ветки Азиатская — Качканар.

Жил он в совхозе, этот веселый тракторист. Кругом лес, а он решил посадить сад. «Нужны уголки окультуренного ле-

са». Однажды задумал построить пруд и развести карпов. Несколько ночей делал запруду, а потом исчез: уехал в город за карпами.

Вот такого человека и отправил горком на Вагановку, откуда начинается железнодорожная ветка. А там «гастролировал» со своей «капеллой» некий Митяй, темная личность.

Николай, как приехал, сразу пошел в бригаду путеукладчиков и весь день забивал костыли. Вечером решил провести собрание в клубе. Собрались ребята, Люся — библиотекарша — включила радиолу, поставила пластинку с комсомольской песней. И тут ввалился Митяй.

— Кончай петь! Плясать будем!

Пластинку сбросил, Люсю оттолкнул.

— А ну, поставь! — спокойно сказал Иванов.

— Это что за чудо! Катись... — Митяй выхватил из-за голенища нож.

А Коля Иванов — это метр девяносто росту и недюжинная сила — сгреб Митяя в охапку и выкинул на улицу.

Ребята повеселели. А Митяй поорал, покуражился, но рукам волю больше не давал. А потом вдруг «забастовал».

— Не пойдем работать! Какой смысл копать в этой грязи!

— Дорогу тянем.

— Я скоро костыли протяну..

— Так не пойдешь!

— Нет, и остальные отказываются...

Иванов пошел вдвоем с молодым инженером. Работали час, другой, третий. Под вечер один за другим стали подходить ребята. Последним пришел Митяй.

— Других бы агитаторов я в морду. А ты свой парень, — хмуро пробормотал Митяй, берясь за лопату.

А «свой парень» разошелся, как Остап Бендер.

— Братцы! Вагановка будет центром мирового футбола! — заявил однажды Иванов на собрании и повел ребят на покос: строить футбольное поле.

Ничего-то он героического там не сделал. Он просто доказал, что и на Вагановке, этой «мировой дыре», как ее называл Митяй, можно жить интересно.

Я спросил у Митяя — так, в шутку, показывая на Иванова: «Это что за тип!»

— Э, осторожней выражайся! — пригрозил Митяй. — Этот парень из комсомольского горкома!

Николай смеется:

— Митяй помогает мне «сознатель-

Федор Селянин,

ную» молодежь поднимать на общественные дела «несознательными» методами...

Сентябрь.

Ему бросали в лицо:

— Выгнать со стройки!

— Ты опозорил честь качканарца!

Иван Ложко не поднимал головы. Я старался понять, о чем он думает!

Ребята бушевали. Приговор комитета комсомола был суров: Ивану Ложко покинуть стройку.

И тогда Иван закрыл лицо руками:

— Все, что хотите. Дайте любое наказание, но оставьте...

А дело было так. Ивану Ложко, члену комитета комсомола стройки, поручили дежурство в клубе. Поздно вечером в клуб ворвалась ватага подвыпивших парней, только что приехавших на Качканар. Иван подошел к ребятам и попросил их не шуметь. Те не обратили внимания на слова Ложко. Тогда Иван пообещал их выкинуть. Завязалась драка. Подоспел комсомольский патруль. Дебоширов вытолкали за дверь.

Но когда Ложко вышел на улицу, его

там поджидали. Нападающий промахнулся, и нож скользнул над плечом.

Иван запомнил. Нет, Ложко не пошел к участковому, чтобы арестовать хулиганов. Он выломал дубину и пошел «наводить порядок» к тем, вновь прибывшим...

И вот выгоняют.

Я понимаю ребят. Им обидно за Ложко. Он из тех, кого на Качканаре с гордостью называют: «один из первых». Но ошибок здесь не прощают. Член комитета есть член комитета. Спрос вдвойне.

— Оставьте на Качканаре!

Ребята молчат. Курят. Разобраться в человеке — не просто...»

Качканар, Качканар... Железнодорожную ветку строили с двух концов: одна колонна шла со стороны станции Азиатская, другая — от Качканара. В середине октября две колонны встретились, как две армии. Коля Иванов бежал по палатам и орал от радости на всю округу.

Наверное, это был самый счастливейший человек. Он подходил к каждому, заглядывая в глаза: «Ну, как? Здорово мы, а?» Встретил и меня: «Как мои орлы, корреспондент?»

Его «орлы» отпустили бороды. «Распутица, — объяснил Коля. — Разве парикмахер к нам доберется?» Но дело, конечно, не в парикмахере. Трое суток никто не спал — «добивали» последние километры — до бритья ли было? А когда на Качканар пришел паровоз, его сигналы первым услышал Женя Едигарьев. Он бросился навстречу паровозу, размахивая шапкой: «Стой, стой!» Машинист притормозил, и Женя привычно, одним махом, оказался в будке и обнял оторопевших машиниста и кочегара.

— Братцы! Ну, спросите сигнализацию! Экзаменуйте! Не забыл ли чего...

...А топор Толи Торопицына, которым он срубил первое дерево на стройке, поместили за витрину свердловского музея. На топорище Толя оставил свой разухабистый автограф.

А скоро на Качканар началось паломничество туристов, и все просят Толю: «Подарите ваш первый топор». Чтобы их не обидеть, Анатолий закупил в магазине дюжину топоров и наказал жене: «Выдавай по одному».

Однажды жена хватилась — ни одного топора, дров нечем нарубить...

Под Новый год качканарцы въехали в новые дома. Могли бы не ждать зимы, но приехали семейные, и ребята уступили

им свои квартиры. Двадцать холостяков стойко перенесли в палатках декабрьские морозы.

На «палаточной улице» осталась лишь запорошенная снегом танцплощадка с заиндеветой березкой, которую ребята ласково берегут и называют сестрой сосны, срубленной Анатолием Торопицыным в первый день стройки...

1958 год

«Январь.

Диссертацию, конечно, пришлось отложить. До лучших времен. Но год был из тех, которые не забываются. Я работал. Это была моя работа, пусть она и кажется такой далекой и от юриспруденции, и от темы диссертации.

Но все равно осталось чувство неудовлетворенности — можно было бы сделать больше...»

Да, в излишнем оптимизме Федора не обвинишь. Как-то он мне сказал: «А может, счастье и заключается в неудовлетворенности?»

У Веры Кетлинской в романе «Мужество» есть такая фраза: «Мужество рождается в борьбе». Эту книгу, зачитанную до дыр, Федор отыскал в качканарской библиотеке. Библиотекарь сказала, что за книгой — очередь. Может, потому, что строительство Комсомольска-на-Амуре чем-то напоминает Качканар? И там и здесь — тайга, строится новый город. А мужества молодежи, строящей Качканар, не занимать.

«...Есть мужество одной минуты, когда человек словно сдает экзамен за всю прожитую жизнь. В такую минуту все — и волю, и дисциплину человек собирает в кулак и действует так, как подсказывает его гражданская совесть.

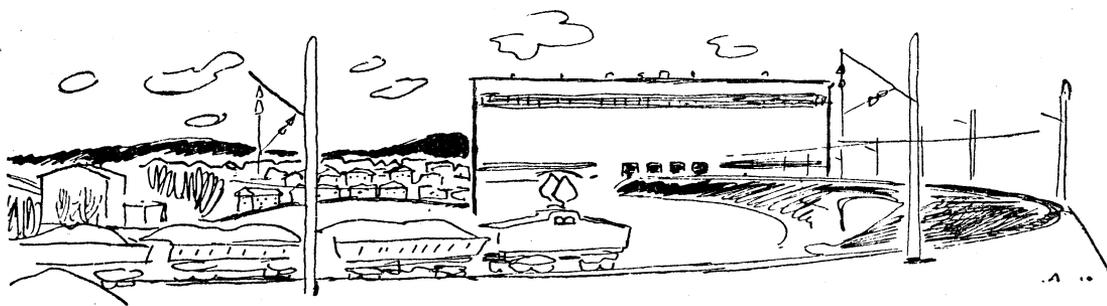
Как это у Фучика! «Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества».

Но есть и мужество ежедневного труда. Аля Швидченко-Удачина не расстается с бульдозером с первого дня стройки. Единственная на Качканаре женщина-механизатор.

Ей было восемнадцать лет, когда она пришла в горком комсомола.

— Пошлите на целину. Я хочу быть механизатором.

Я знал, что вот-вот начнется Качканар, и сказал:

— У нас своя целина начинается. Только железная. И тоже нужны механизаторы...

Она первой повела свой бульдозер в болота у речки Выя. Потом корчевала площадку для первых цехов комбината и строила плотину.

Когда-нибудь мы выьем твоё имя, Аля, золотыми буквами на самой высокой скале Качканара. Навеки!»

1959 год

Один корреспондент спросил Селянина: «Какой самый выдающийся подвиг на Качканаре?» Я был рядом, слышал, как Федя ответил:

— Создание рабочего коллектива.

И это так. Сначала был управляющий, а у него — печать. Вот и весь трест. Теперь пятнадцать тысяч строителей.

«Июнь.

Совершенно неизведанная тема для исследования — становление коллектива. И не вообще коллектива, а вот конкретно — Качканар.

Кажется, Маркс сказал, что у рабочего класса на смену старым потребностям приходит новая — потребность человеческого общения.

Не через потребность ли общения и начинается становление коллектива!..»

Я помню, как Федор «исследовал» это становление.

Шла по улице группа молодых людей. С баянистом. Нет-нет, да резанут слух разухабистая частушка или блатная песня.

Подойти к ним и сказать: «Прекратите!» Возможно, согласятся. Но скроются с глаз и назло споют что-нибудь покрепче. Подошел Федор к ребятам, спросил баяниста:

— А нашу, комсомольскую, можешь?

— Отчего не могу? Все могу.

И рванул за меха:

Забота у нас простая,

Забота наша такая...

Шел Федор с ними по улице и пел песни. Одну, другую спел. Потом пришли на танцплощадку. Оставить их одних? Опять возьмутся за свои «частушечки». Пошел Федор по танцплощадке.

— Комсомольские песни знаешь?

— Знаю.

— Давай к нам!

Через час у них уже был хор. Тысяча голосов.

А потом выяснилось, что парни приехали с Украины. И над притихшей тайгой, над старыми уральскими горами полплыли певучие закарпатские мелодии.

Теперь можно и уйти.

И незаметно Федор уходит.

А дома открывает окно. Поют ребята. «Поют, черти», — говорит он жене осипшим голосом. Жена недовольна: «Опять из колодца пьешь?»

«...Я думаю: если бы начальник участка, прораб видел в своем рабочем не только исполнителя работ, но еще и танцора, солиста, талантливого музыканта, — насколько легче было бы нам строить Качканар. Потребность человеческого общения. Она должна цементировать коллектив. Пусть песней. Пусть дружеской встречей за чашкой кофе. Пусть спорят, соревнуются — важно, что они вместе, важно, что они узнают друг друга...»

А те на танцплощадке пели до рассвета.

1960 год

«Май.

Позвонили из комитета: «Приезжай, Федор! Сегодня в Качканаре комсомольский актив».

Приехал. В зале клуба строителей заседают сотни молодых парней. Обсуждают вопрос о благоустройстве поселка.

Произносят речи. Солидный президиум. Совсем как у Ильфа и Петрова: зачем бороться за чистоту, когда надо взять венник и подмести!

Взял слово: хватит заседать. Пошли на улицы наводить порядок.

Неожиданно все обрадовались, загрохотали скамейками, и комсомольский актив высыпал на улицу: давай лопаты!

Въедливая привычка: любое дело начинать с собрания, бюро, обсуждения.

Сентябрь.

О Саше Пасынкове. Он бригадир плотников. Рассказывает: «Ночью меня словно кто в бок толкнул: проснись! Вскрываю. На черном небе — молнии. Дождя пока нет, но чувствую: будет. И тут я вспомнил, что поздно вечером соседней бригаде привезли машину древесно-волоконистой плиты. Погода стояла хорошая, и плиту сбросили возле дома. Думаю: погибнет же плита. Вот, лодыри, поленились убраться под крышу...»

До строительной площадки — два километра. Никого нет. Саша взваливает плиты на спину и тащит в дом. Теперь он уже слышит раскаты грома. А плит — го-ра. Саша ругается, злится.

Пошел дождь. Саша — бегом. На кой черт нужны были ему эти плиты! Вскочил среди ночи и бросился спасать, а голо-вотяпы преспокойно спали!

— Не знаю,— говорит.— Ну, скажи, ноги на месте не стоят — надо бежать. И не так жалко мне этой плиты. Но я ведь знаю: пропадет плита — дом ребята не сдадут...

1961 год

Июль.

Говорят, у древних инков был такой обычай: с юных лет приучали детей не проходить мимо любого камня, где бы он ни лежал, а снести его на дорогу в общую кучу. Инки славились каменными дорогами, что позволяло им быстро перебрасывать войска для отражения нападения врагов.

А разве строительство коммунизма не требует от нас — не проходить мимо хамства и лицемерия! Ведь это те же камни, только их с дороги выбрасывать надо...

Август.

Качканар! Я представляю его уникаль-ным не столько с точки зрения организа-ции производства, сколько во взаимоотно-шении людей.

Хочу дожидаться, когда здесь будет город. Мой город, город моих друзей. Мы его сами построили.

В нашем городе стоял одинокий ста-рый тополь. Люди брали от него отрост-ки и высаживали на улицах. Сейчас весь наш город — в тополях.

Пять лет назад здесь было только две-сти человек. Сегодня пятнадцать тысяч. А это значит — мы сделаем то, что нам поручили».

Не все дождалось, когда Качканар стал городом...

Был у Федора друг. Лесу весь отда-вался. Не по должности, хотя и числился старшим инженером лесного отдела,— по складу души. «Ребята, не мните, по-жалуйста, поросль». Встанет на колени, расправит деревцо, листья шершавые гладит. «Это же лес, ребята, лес... Жизнь!»

Качканар — в цветах. Маки на клум-бах, как пожар. Дожди, грязь, а он выса-живал цветы, насмешки мимо ушей про-пускал. И звали Мишу Домаренко — «главный лесовод Качканара».

Перед смертью позвал Федора.

— Знаешь,— шепчет,— тюльпаны я не успел посадить...

А глаза у Миши большие, голубые. И все в этих глазах: цветы и небо, жизнь не познанная и не разведанная. «Люблю, чтобы было красиво». Ходил по инстан-циям, робко ругался, когда чего-нибудь не хватало для его цветов, говорил: «Вы разве не любите красоту!» В инстанциях ошалело смотрели на Мишу и выдавали все необходимое. Похоронили Мишу за Качканаром. На могиле посадили цветы и рябину, которую он любил.

И еще один друг был у Федора. С ним он тоже мерз на избитых дорогах, пока горкомовский мотоцикл тащился по рас-путице на стройку. Федор всегда считал его соратником. А тот жить хотел легко, и все ему приятели. В конце концов при-способленец в нем победил. Против ни-кому не скажет, а на собрании выступит — даже проблем накидает.

Раз как-то выпил, разоткровенничался:

— Ты себе, Федя, придумал мир, в котором и живешь. Не верю я в этот твой мир — братство...

Так и пошло: всю жизнь пустил только на то, чтобы создать удобства. Он украшал себя удобствами. Они для него все: земля и солнце. Удобства, удобства...

Это о нем писал Федор...

«Сентябрь»

Мне кажется, что в душе он смеется надо мной. Мы становимся с ним идейными противниками. Где тот оселок, на котором затачивалась наша дружба!

А может, действительно мы чудаки! Может, так и надо жить, как он, мой бывший соратник! Никому не перечить. Ни с кем не связываться.

Не умею приспособливаться. Не хочу разменивать на гривенники свои взгляды и убеждения. К черту приспособленцев!

Если хочешь прожить жизнь честно и красиво — вызывай всегда огонь на себя. Как разведчик, которого окружил враг. «Огонь на себя». Это значит — всегда оставайся революционером.

И еще. Вся моя прожитая до сегодняшнего дня жизнь — это лишь подготовка к любым трудным испытаниям, которые выпадают на долю коммуниста.

Это я так, для себя, чтобы не погрешить против своей совести.

1962 год

Февраль.

Мы здесь бились, вкалывали, а проходимца ставят заместителем директора. Помню, что из комсомола его выгнали за кражу комсомольских взносов. Так, что ж, опять смолчать!

Я говорю одному руководителю:

— Вы же с ним сгорите!

— Ты ему завидуешь, Федя...

Плевать, чтоб я ему завидовал. Противно, когда приятельские отношения перерастают в необходимость устроить дружку на тепленькое местечко. Столько кругом честных молодых инженеров, а жулик будет ими руководить...

Апрель.

Его все-таки посадили. И опять за кражу денег...»

Я замечал, что Федора порой мучает чувство товарищества. Многих руководителей он знает слишком хорошо. Когда он работал в горкоме комсомола, они подбадривали его: «Давай, Федя! Честно, по-комсомольскому». Когда же Федор перешел на стройку, «честно, по-комсо-

мольски» для них стало как ком в горле. Мол, и «слабости людские надо прощать», и «сор не всегда следует выметать из избы». А иногда и более откровенно: «Уж больно ты беспокойный, Федор...»

«Июнь»

Спокойная жизнь. Что такое 20 руководителей! Это ведь тревоги сотен людей. За каким чертом, спрашивается, было строить, к примеру, все три школы рядом! Детишки ходят за пять километров — Качканар разбросан. Зато одному из руководителей спокойно: не ругался, не добивался изменения проекта, хотя и видел головотяпство...

Август.

Развивать и воспитывать у молодежи потребность борьбы — вот что меньше всего удается комсомольским организациям. Другу правду сказать в глаза — это борьба. Сломить в себе эгоизм, приспособленчество — борьба, да еще какая! Преодолеть внутреннюю инерцию и равнодушие — тоже борьба.

Воспитывать именно потребность борьбы, ничего общего не имеющей с критиканством — вот, по-моему, одна из благородных задач комсомола.

Другое дело — ребята не находят порой правильных путей и форм борьбы. А у нас «науку борьбы» преподает часто какой-нибудь дядька, который свою главную «ценную» мысль обычно высказывает так: «В этой жизни правды не найдешь». Да вот хотя бы тот случай на бетонном...»

Однажды ночью раздался звонок: бетонный замер, ребята отказываются грузить песок. В таких случаях применялся «испытанный метод» — расформировать бригаду, и дело с концом. Мол, надо развести бузотеров. Селянин приехал в бригаду. Ребята угрюмые, злые...

— Здравствуйте.

А вместо приветствия выкрики:

— Не пойдём! Плохо зарабатываем!

Селянин попросил принести наряды. Принесли. Заработок неплохой — 5 рублей 50 копеек за смену. Правда, был два месяца назад — 6—7 рублей, — много делали бетонных работ. Опять голоса:

— Монтажники лучше зарабатывают...

Монтажники? Федор приглашает троих сейчас же поехать к монтажникам.

Осень. Ребята крепят панели на стене, крыше. На высоте — холод собачий. Рабо-

тают по очереди. Федор кричит своим спутникам: «А ну, пошли на крышу!..»

Через два часа возвращаются. С ними монтажники. Приехали к бетонщикам «поговорить по душам».

«...А накричи, нашими, сними с работы — разве лучше! Легче! Кто выиграл!

И еще. Учить бороться — это и учить разбираться в людях. Оскорбили Надю Пойкову. Горком направил ее на стройку по комсомольской путевке. Административные ханжи выгнали ее из общежития. По какому-то ложному слуху. Бытсовет согласился.

Не разобрались. Как решали! Словно на поезд торопились...

1963 год

Октябрь.

Говорят, что романтика — удел молодых. Не могу с этим согласиться, хотя и не причисляю себя к пенсионерам. Я бы существенно уточнил: «Романтика — удел зрелых людей».

Юный Алик, с которым я проговорил всю ночь, разочарован. Начитался о целине героического и решил: это то самое, что он ищет. А на целине надо работать.

Он взял для себя из целинной эпопеи лишь романтические бураны в степи, да вообразил себя на «капитанском мостике» комбайна. Спутал романтику с экзотикой. Потому что романтика — это умение работать, присущее как раз пусть и молодым, но зрелым людям. Это то, что любишь, чему готов посвятить не один год своей жизни. Романтика — это обязательно увлеченность своим делом. А увлеченные не боятся любой работы.

Сколько я насмотрелся на таких Аликов. Пришлось с ними и повозиться. Месяц-другой в палатке — это интересно. Первые дни стройки всегда чем-то напоминают революционные баррикады.

Труднее потом, когда каждый день одно и то же, порой скучная, но необходимая работа. «Романтик на час» тут не годится. Глядишь, он уже наострил лыжи на новую стройку...

1964 год

Июль.

Вместо отпуска, который хотел провести у моря, оказался в Киргизии...

Я помню, почему он там оказался. Получил письмо от Володи Моисеева: «Не могу я стать подполком, — писал Володя. — И не буду. Тогда здесь мне не житье. А как быть, не знаю».

Прочитал Федор письмо — расстроился. Володька — это же человек! Такого парня беречь надо. Тогда-то он мне и рассказал про Володькину судьбу.

Трудная у Володьки была жизнь. После войны попал в детскую колонию. Как попал? Умирал отец от чахотки. Врач прописал: усиленное питание, неплохо бы масло. А где взять деньги? Да и карточек нет на масло. Володька ночью залез в сельпо, взял два килограмма. Когда утром вернулся домой, отец был мертв... Много перебрал Владимир профессий, пока не попал на стройку.

На Качканаре Моисеев скоро стал лучшим бригадиром. Вступил в партию, стал студентом-заочником горного института.

Но вдруг дала о себе знать старая болезнь. Врачи предложили срочно сменить климат. Он ответил: «Вот только сдадим комбинат». Федору же говорил: «Жалко бросать бригаду. Как я без нее?..»

Болезнь прогрессировала. Володька не сдавался, пока не слег. А слег — пришлось распрощаться со стройкой. Уехал Володя в Киргизию, поступил прорабом в совхоз. Качканар и тот совхоз — небо и земля. А про дисциплину в том совхозе и говорить нечего. 9 часов утра, а все отправляются в шашлычную.

Моисеев отказался делать в нарядах приписки. Получай за то, что сделал. Ему говорили: «Прежний прораб себе брал и людям давал. Ты же как собака на сене».

Моисеев стоял на своем. Ему недвусмысленно намекнули: можешь рассчитывать. Тогда-то он и написал письмо Федору.

Приехал Федор в совхоз. Первая встреча — с заместителем директора. Федор в атаку:

— Благородный человек — это хорошо или плохо?

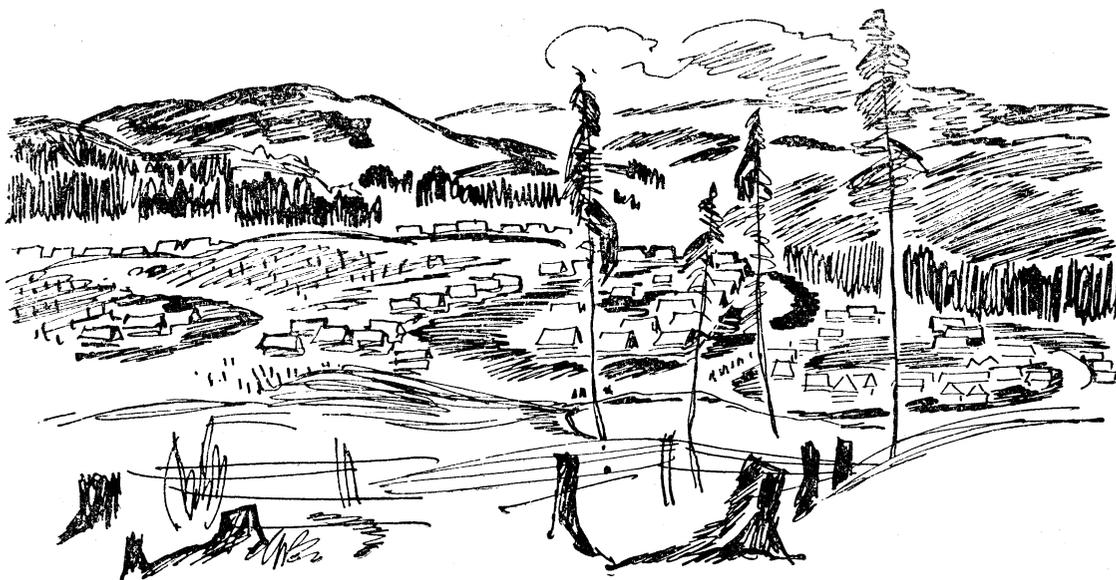
Отвечают, что как будто хорошо.

— Какого же черта вы позволяете издаваться над парнем!

Удивились:

— Так ты за этим и приехал с Урала?

«...Хорошо поговорили. Поняли друг друга. Пригрозил: «В обиду Моисеева не дам. Заберу с собой». Извинялись. Мол, недоразумение.

Неделю рассказывал Володьке о Качканаре, о стройке. А он, чудак, в слезы...»

На обратном пути познакомился Федор с девчонкой. Девчонка злая, сквозь зубы рассказывает, а в глазах тоска и горе: приехала в Киргизию с Украины. С мужем. А он бросил ее с ребенком и исчез. Едет теперь, куда глаза глядят.

Послушал Федор, выругался и давай ей про Качканар рассказывать. «Приезжай к нам, на Урал». А на прощание оставил ей адрес.

Оставил так, на всякий случай.

И вдруг через две недели появляется эта Люся на Качканаре. Да еще сестренку с собой привезла...

Однажды ночью вспыхнул на промбазе пожар. Федор — туда. Лопаты в руки, землю — в огонь. Вдруг кто-то окликает его. Обернулся — Люся! Лицо черное, косынка сбилась. Пожар, а она смеется. Всю ночь сражались с огнем...

Август.

Заходит ко мне Люся редко. Только записки оставляет: «У меня все хорошо». Люся! Люся! Не здесь ли начало твоего счастья!

Комсомольский работник не всегда может помочь человеку, потому что комсомольский работник не бог. Но в любом деле он должен проявить максимум человеческого внимания.

Иной, смотришь, и помог. Но как! Словно одолжение сделал. Другой ничего не дает, а только поговорил по душам — и как дорогой подарок сделал.

Люди должны знать, что ты идешь к ним с открытым сердцем. Разделить с людьми их тягости — это дороже всего.

Не таким ли был Ленин!

Мы еще мало стремимся походить на него, хотя бы незначительными черточками. Пусть один возьмет у Ильича его скромность, другой — ленинскую простоту, третий — революционную убежденность. А вместе у всех — ленинский характер.

Сентябрь.

Был пожар. На стосорокаметровой недостроенной трубе аглофабрики от искры электросварки вспыхнул лак. Огонь перекинулся на монтажные площадки и преградил нескольким монтажникам отступление.

В считанные минуты на площадку прибыли пожарные. На высоте 70 метров шланги под напором воды лопались, как детские воздушные шары.

Что делать! Кто-то предложил: сбить пламя паром (специальные трубы подавали пар на стометровую отметку для прогрева бетона). Но сначала надо было прорваться сквозь пламя.

Смельчаков не было. Я взялся за ско-

бы, но тут кто-то положил мне на плечо руку. Женя Борисов.

— Я пойду.

Рядом с ним стоял Алик Лаптев, бригадир.

Они медленно поднимались по монтажной лестнице. На одной из площадок обмотали лица рубашками, шагнули в огонь... Видно, им удалось открыть вентиль. Клубы пара и дыма поднялись к небу. Огонь исчез. Рушилась опалубка.

Потом мы лазили с Борисовым по черным сугробам и искали его модную шапку. Он смеялся надо мной и грозил представить Карлюкову счет на 45 рублей».

Я знаю Борисова. Женя — парень с виду суровый. Неподступный. Вечно чем-то недоволен, мрачноватый. При каждом удобном случае кроет начальство, не стесняется. Зато одевается изысканно, даже, я бы сказал, вызывающе. Когда ему говорят об этом, он усмехается:

— А вам, что, нравятся телогрейки?

На стройке он появился так: пришел в управление, носком остроносого ботинка пнул дверь кабинета управляющего трестом Карлюкова, небрежно сунул в карман широкую, как блин, кепку и, переступая порог, дерзко бросил:

— Тут есть подобие управляющего?

— В чем дело? — насторожился Карлюков.

— Что на стройке творится? Какая-то анархия! Куда вы смотрите?

— А ты откуда, собственно?

— Я Борисов, прораб «Спецжелезобетонстроя». Пришел представиться.

Карлюков расхохотался:

— Рад приветствовать доблестного прораба!

«...Шапку Жени Борисова нашли месяц спустя на стреле башенного крана...

Октябрь.

Когда же я возьмусь за свою диссертацию? Октябрь 1964 года. С чем сравнить эти дни! Последние дни перед пуском аглофабрики. Какая-то лихорадочная жизнь. У людей взрыв энергии. По себе сужу — не спится. Тянет на строительную площадку, в цеха комбината, где уже хозяйничают металлурги и где совсем другая жизнь, чем у строителей: глубокомысленная, обстоятельная.

Как-то еще не могу осознать всей неожиданности финала.

Ищем комбинат!»

...— Помнишь? — сказал Федор, кивая на старую сосну. — Оставили как памятник. Отсюда начинался Качканар...

— А что случилось с Рюриком?

— Прочти его письмо, сам поймешь...

«...Федя! Я все больше и больше убеждаюсь, что совершенно не умею жить. Все время чувствую себя на какой-то зыбкой почве, хотя человек в 30 лет должен уже быть солидным и весомым. У меня получается так: где не нужно, я спорю, а где требуется показать свои знания — я молчу, хотя понимаю, что определенными познаниями и навыками располагаю. С нахальными «мальчиками от науки» спорить не могу. Я вообще теряюсь перед наглостью.

Ты знаешь, комсомол научил меня верить в людей и говорить с ними прямо и честно. Неужели такое отношение к людям действительно считается «несовременным»? Неужели за семь лет таежной жизни мы с тобой безбожно одичали? Я никогда не считал себя лентяем. Думал: нормальный человек, инженер, знаю свое дело. А мне говорят: «Ты не умеешь жить в ногу со временем!». Или: «Держи нос по ветру, если хочешь защитить диссертацию». Сказал бы мерзавец, я бы внимания не обратил. Но говорят честные люди. И такие убеждения!

Ты знаешь, я всегда считал одним из прекрасных качеств в человеке — сделать что-то полезное, хорошее для кого-либо. Я могу драться за кого-то, а за себя не могу...»

— Ты его должен помнить, — сказал Федор. — Это Рюрик.

Да, я его знал.

Рюрик Б. Инженер. Комсорг Исовского техникума. Преподаватель, которому пророчили большое будущее. Но он ушел на стройку, как и Николай Иванов, Женя Едигарьев, Николай Спиркин и еще сто комсомольских активистов Нижней Туры. Он просто не мог, не хотел прятаться за спину других. Он много знал, был начитан, и к нему тянулись люди. Первые дни вместе с другими рубил трассу. Тонул в болоте, заболел.

Ребята называли его: «Самый правильный человек».

Однажды в комитете комсомола ему сказали: «На Качканаре должен быть институт. Пусть пока — филиал. Но нужен. Ты понимаешь?»

Он ответил: «Я могу преподавать начертательную геометрию».

— Ты будешь ректором, Рюрик, — сказал Николай Спиркин, комсорг стройки.

— Так сказать, генерал без армии...

— Армия — это пять тысяч молодых строителей, которым нужен на Качканаре вуз...

Так он стал ректором пока еще не существующего института. Рюрик поехал в Свердловск. В горном институте сказали: «Хорошо, откроем филиал, учебный пункт, если будет двести заявлений на первый курс».

Он вернулся на Качканар и десять дней ходил по бригадам. Он рассказывал, что можно учиться в институте и на Качканаре. Важно захотеть, и побольше смелости.

Через месяц на стройку приехал старый профессор.

— Показывай, ректор, свое хозяйство. Рюрик протянул триста заявлений.

«Я несовременный человек».

Побольше бы таких «несовременных».

Как удалось ему в 1958 году провести первую лекцию, сагитировать десяток инженеров, стать по совместительству преподавателями и вырвать не без скандала комнаты для института — для меня до сих пор остается непостижимым.

Ему говорили: «Ваш институт — авантюризм. Хорошо, если откроем его через десять лет». И говорили справедливо: у комбината еще не было стен, а у города — приличной улицы.

Товарищи его поднимались по службе, становились ведущими инженерами. Он же, не менее их талантливый, создавал институт, в который никто не верил.

Человек из когорты вызывающих огонь на себя. Чем я могу помочь этому человеку?

Федор ждал, когда я кончу читать письмо Рюрика. Потом кивнул на листки.

— А может, мы и в самом деле здесь, в тайге, одичали и ни черта не понимаем в сегодняшней жизни? Ведь, если дрогнул «самый правильный человек», значит что-то не так? Вот ты, много ездешь, много встречал разных людей. Скажи: в ногу мы идем со временем или в самом деле одичали?

Рюрику Федор ответил сам.

«Поклон тебе, Рюрик. Кто-то не понял тебя. Пусть. Есть мы и наши убеждения — это самое главное. Не сдавайся, пусть другие принимают нашу философию — жить как в песне: «Пока я дышать умею, я буду идти вперед...»

В тот последний раз, когда мы встретились с Федором Селяниным, мы опять проговорили всю ночь...

ФОТОТЕКА СЛЕДОПЫТА

ОРЛЕНОК ИЗ КИНОКАДРА

ПЕРЕД вами кадр из экранного журнала «Кинонеделя» № 22 за 29 октября 1918 года. На нем, как указывается в титрах, — Коля Тужилин, десятилетний красноармеец.

Интересно, что Коля Тужилин — единственный юный герой гражданской войны, которого засняли на пленку первые советские кинооператоры.

Возможно, он служил в Чапаевской стрелковой дивизии, так как в журнале его кинопортрету предшествуют кадры, посвященные смотру полков «Пугачев» и «Стенька Разин», входивших в ее состав. А может быть, Коля имел отношение и ко 2-й бригаде Николаевской дивизии! В «Кинонеделе» есть кадры и об этом соединении.

Следопыты! Очевидцы и участники тех незабываемых, далеких лет! Попытайтесь разыскать следы Коли Тужилина, расскажите о боевых делах красного орленка.

Знаешь ли ты, что...

...самая большая плоская равнина земного шара — Западно-Сибирская низменность. На ее огромных пространствах глаз не улавливает никаких возвышений.

...травы Памира имеют замечательную особенность: содержат большое количество сахара и поэтому отличаются

большой питательностью. Скот на этой траве быстро поправляется и жиреет. Откуда сахар? Всякое растение днем накапливает его в своих клетках, а ночью перерабатывает в крахмал. На Памире же ночи холодные, растение цепенеет, замирает, сахар превращается в крахмал лишь в незначительном количестве, а с восходом солнца снова начинается процесс накопления.

...ледники на горах находятся в постоянном движении, но скорость этого перемещения различна. Так, кавказские делают от 10 до 130 метров в год, альпийские немного больше, а некоторые ледники Гималаев движутся со скоростью 700—1300 метров в год.

Интересно, что скорость движения ледника постепенно

уменьшается от середины к краям.

...артезианские колодцы были впервые устроены в XII веке во Французской провинции Артуа, откуда и получили свое название.

...нет в мире реки, которая несла бы в океан такую массу воды, как Амазонка. Вырываясь из Анд, она принимает более двухсот притоков. В нижнем течении Амазонка расширяется в целое море и вливается в Атлантический океан так много воды, что за 500 километров от ее устья можно отличить мутные речные воды. Океанская же волна два раза в сутки поднимается вверх по реке на 1000 километров.

...в Амазонке живет 748 видов рыб — самое большое

ФОТОТЕКА СЛЕДОПЫТА

количество по сравнению с другими реками, вдвое больше, чем в Средиземном море, и больше, чем в Атлантическом океане.

...в самое большое в мире озеро — Байкал — можно влить девяносто Азовских морей и двадцать три Аральских. Оно принимает в себя 336 ручьев и рек и дает начало только одной Ангаре.

...в 1921 году в Екатеринбургском цирке была поставлена пьеса Владимира Маяковского «Мистерия Буфф». Режиссировал спектакль Григорий Александров, ныне народный артист СССР, постановщик фильмов «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Встреча на Эльбе» и другие. ...сейчас на «Мосфильме» снимается кинокартина о вы-

Знаешь Зли ты, Зчто...

дающемся художнике Московской Руси Андрее Рублеве. В главной роли — артист Свердловского драматического театра Анатолий Солоницын.

...памятник воинам Советской Армии в Берлин-Трептове покрыт листовым золотом, отчеканенным до толщины в 12 микрон,

В ВЕРХУ на боевом Красном знамени, под которым сфотографирована эта группа, начертано слово ЧОН. Означает оно — Часть Особого Назначения. Сформирована она в Кунгуре в двадцатых годах из молодых коммунистов, комсомольцев, передовых членов профсоюза. В те тревожные годы у бойцов ее был девиз: «Войны мы не хотим, но в бой готовы».

В кунгурской Части Особого Назначения насчитывалось сто бойцов — рабочих, студентов, служащих. Боевую и политическую подготовку проводили красные командиры из городского военного комиссариата.

Готовясь к пятидесятилетию Великого Октября, Кунгурский краеведческий музей приступил к изучению истории Части Особого Назначения по этой единственной сохранившейся фотографии. Уже нашли двадцать бойцов. А где другие? Может быть, они откликнутся и расскажут интересные эпизоды из истории ЧОНа!

П. ТОЛСТИКОВ

Светлана КУЗНЕЦОВА

Лирический дневник

* * *

Все льются и льются
За окнами ливни.
Разбить разве блюдец,
Чтоб стать счастливей?
Любимое блюдо
С фамильною метой...
Пусть люди смеются,
Не веря в приметы,

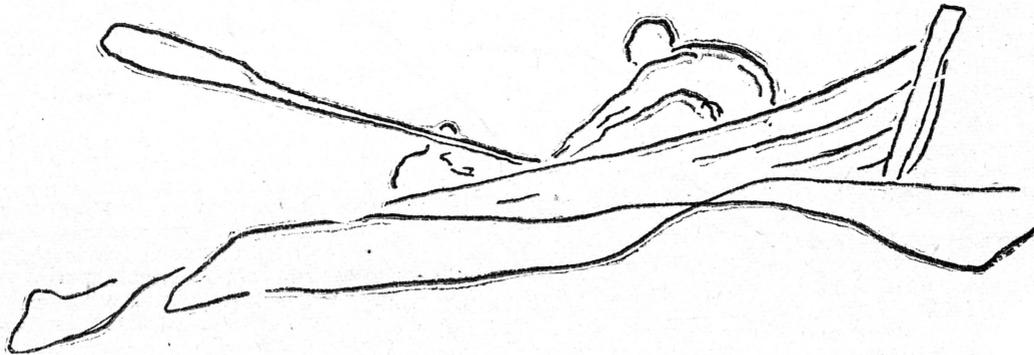
Пусть люди не верят,
Пусть люди хохочут,
Пусть хлопают двери,
Приходит, кто хочет.
Пусть стены смеются,
Пусть кошки смеются.
А ливни все льются.
А ливни все льются.

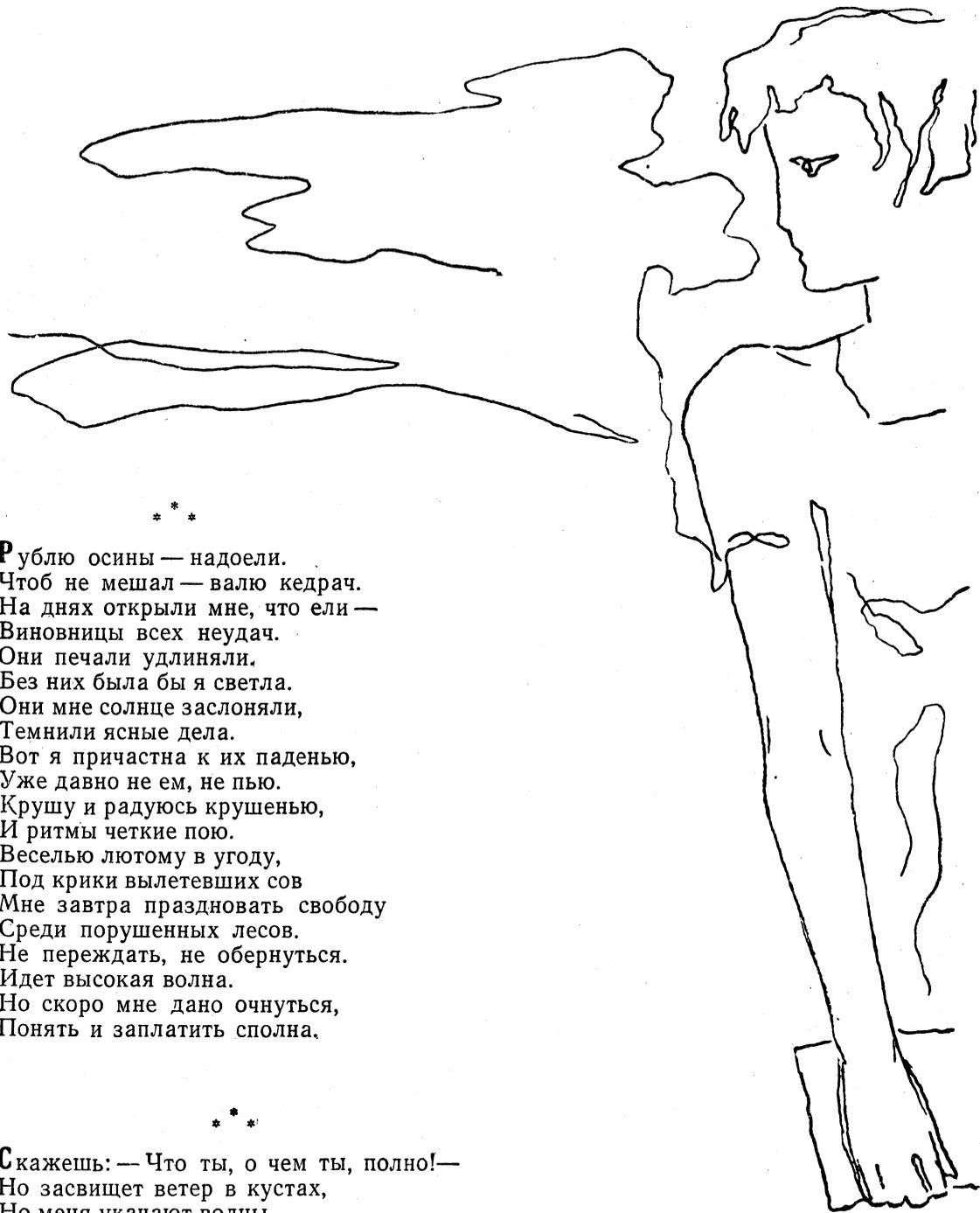
* * *

* * *

Каждый глаз сейчас — сутки сна.
Двое суток спать без просыпа.
Двое суток — совсем одна,
Только ветер дожди просыпал.
Только выпала доля доль —
Серой птицей о стекла биться.
Собрала дождинки в ладонь —
Не насытиться, не напиться.
Вечер пасмурный и шальной.
Вот руками глаза закрыла я,
И опять шумят надо мной
Самолеты твои синекрылые.

Свела домок в один комок,
Свела и хвастаюсь.
Над крышею плывет дымок,
Плывет за Астрахань.
На рыбный промысел плывет,
Где все соленое,
Где пресной скукою слывет
Житье хваленое.
Я долгий волос обстригу, —
Чтоб ум длиннее.
Я буду жить на берегу
Так, как сумею.
Я буду о любви молить
тех, кто не делится.
Селедку горькую солить,
Всю жизнь надеяться.

* * *

Рублю осины — надоели.
Чтоб не мешал — валю кедрач.
На днях открыли мне, что ели —
Виновницы всех неудач.
Они печали удлиняли.
Без них была бы я светла.
Они мне солнце заслоняли,
Темнили ясные дела.
Вот я причастна к их паденью,
Уже давно не ем, не пью.
Крушу и радуюсь крушенью,
И ритмы четкие пою.
Веселью лютому в угоду,
Под крики вылетевших сов
Мне завтра праздновать свободу
Среди порушенных лесов.
Не переждать, не обернуться.
Идет высокая волна.
Но скоро мне дано очнуться,
Понять и заплатить сполна.

* * *

Скажешь: — Что ты, о чем ты, полно! —
Но засвищет ветер в кустах,
Но меня укачают волны
На отчаянных, злых хребтах.
Но меня укачает воля,
Густогривая, как тайга,
И пойдет опять моя доля
Пересчитывать берега.
Ты следи за моими веслами —
Вот у омута на краю,
Синевой недоброй захлестнутая,
Я, срывая голос, пою.

Ах, как весело здесь и глыбко!
Ты захлопнул свое окно.
Ты не видишь — мою улыбку
Опускает Байкал на дно.

ВТОРАЯ ТРАНССИБИРСКАЯ

Великий путь к океану * Трассы прокладывают изыскатели * Прыжок в трясину * Так начинается Северсиб * Адреса романтики.

Лет тридцать назад, еще до войны, мне пришлось проехать в поезде через всю Сибирь — от Хабаровска до Южного Урала. Давно это было, многое забылось, только сохранилось в памяти безграничное уважение пассажиров к дороге, по которой мы ехали две недели. Полмесяца! Да еще сохранился в памяти Байкал — голубой и сонный. Его волны лениво плескались о берег, а берег начинался сразу за вагоном, и брызги долетали до окон. Поезд шел осторожно, словно на ощупь, и шпалы стонали под колесами, потому что лежали прямо на камне. Песок под шпалами не держался, его мгновенно вымывали волны. Справа от поезда — бездонное озеро, а слева вертикально вверх поднималась каменная стена. Поезд огибал Байкал по террасе, вырубленной в скале.

Давно это было. Теперь поезда по этой террасе не ходят, сквозь Саянские хребты строители пробили туннели, да и все путешествие от Урала до Тихого океана по транссибирской магистрали можно совершить не за полмесяца, а за пять-шесть дней. Магистраль электрифицировали, по ней теперь ходят экспрессы, на всем протяжении «двухпутка», а все же самой загруженной дорогой в Советском Союзе по-прежнему остается этот Великий сибирский путь. Особенно участок между Новосибирском и Омском. Здесь поезда идут друг за другом как трамваи в часы «пик». Бывает так, что машинист видит впереди идущий состав.

Транссибирская магистраль построена в конце прошлого века. Но на ее пути лежал Байкал. Зимой, когда лед на озере был достаточно прочным, по Байкалу наводили времянку, а летом —

пассажиры и грузы переправлялись через озеро на баржах. Уже позже в скалах по южному берегу Байкала вырубали террасу и пустили поезд в объезд.

Вдоль транссибирской магистрали сразу же начали расти крупные города. Но окончательно Сибирь из далекой каторжной окраины стала превращаться в крупнейший экономический район страны только в годы первых пятилеток. Развитие Сибири задержали первая мировая война, потом гражданская, но главным образом косность царских чиновников, продолжавших смотреть на этот край как на место ссылки бунтовщиков.

Первая пятилетка началась с легендарного лозунга: «Даешь Турксиб!». Тогда еще мало кто знал, разве ученые и инженеры-изыскатели, что Турксиб — это только начало, что в следующие годы новые железнодорожные магистрали свяжут Сибирь не только с Казахстаном и Центральной Россией, но и изрежут во всех направлениях всю необъятную равнину к востоку от Уральского хребта.

На юге Западной Сибири уже поднимался Кузбасс, который должен был питать углем Магнитку, в предгорьях Саян геологи открывали все новые и новые месторождения металлов и топлива, гидрологи уже намечали створы будущих великих электростанций на Ангаре, Енисее, Оби. Сибирь задыхалась без железных дорог...

Постепенно вырисовывались контуры будущих магистралей — Средне-Сибирской, которая должна была пройти через Алтай и Северный Казахстан и разгрузить самый напряженный участок между Новосибирском и Омском, и Южно-Сибирской — Южсиб, которая должна была связать Тайшет с Абаканом и выйти в Кузбасс со

стороны Байкала, открыв тем самым кратчайший путь к главным богатствам Южной Сибири — рудам и углю.

На трассы будущих магистралей вышли десятки отрядов изыскателей. Один из отрядов, прокладывавших трассу Тайшет—Абакан, с задания не вернулся... Сейчас имена погибших изыскателей носят станции Южсиба: Кошурниково, Стофато, Журавлево.

Может быть, по аналогии с первой пятилеткой, когда сооружался Турксиб, а скорее всего по традиции, новую транссибирскую магистраль назвали Северсибом. Не ищите эту магистраль на картах, ее еще нет даже на планшетах изыскателей. Пока вторая транссибирская магистраль существует лишь в директивах XXIII съезда партии, и схема, которую мы публикуем, пока лишь предположения и догадки. Предположения хотя бы потому, что трасса новой дороги зависит от того, на каком пороге — Мурском или Кашемском — будет створ второй ГЭС на Ангаре. Пройдет еще год, а может, и два, пока новая транссибирская магистраль прочно ляжет на карты проектировщиков.

Но откуда взялся этот Северсиб? Почему он попал в планы именно нашей новой пятилетки?

Взгляните на карту Советского Союза, на тот район, что лежит к востоку от Урала. Могучие реки, масса озер, еще больше непроходимых болот и бескрайняя тайга, переходящая на севере в тундру. Только южная часть гигантской сибирской равнины обжита человеком, только там вы встретите крупные города, заводы и рудники. А к северу от главной железнодорожной магистрали — дикая тайга. Но так ли уж она пустынна и бесплодна, эта величайшая на земном шаре равнина, покрытая лесами и болотами?

В 1953 году в низовьях реки Оби, недалеко от старинного села Березово, забил первый газовый фонтан. Первый в Сибири. А в 1960, через семь лет, через семь труднейших поисковых лет, там же, на Оби, из скважины ударил мощный фонтан нефти. Это была первая нефть Сибири. А в 1966 году на карте только Тюменской области уже 52 нефтяных и газовых месторождения. И все они сосредоточены в среднем течении Оби.

Сейчас ученые твердо уверены: Западно-Сибирская низменность — один из самых богатых нефтью районов мира. Площадь нефтеносных участков по очень приближенным подсчетам исчисляется тремя миллионами квадратных километров. На этой территории смогли бы разместиться Франция, Англия, Италия и еще пять-шесть европейских стран, вместе взятых.

И это только нефть и газ. А лес? Сибирь — величайшее лесное хозяйство мира. А руды? Их только еще открывают в этих районах, но уже сейчас ясно, что вся Сибирская равнина к северу от главной транссибирской магистрали — кладовая нетронутых, да еще и неразведанных как следует богатств.

Но как взять эти богатства, если там нет ни людей, ни дорог? Главное — нет дорог. А нет дорог — нельзя подвезти буровые вышки, машины, нельзя доставить к местам будущих поселков и городов строительные материалы и массу тех вещей, без которых немислима жизнь современного человека.

Вот так и родилась идея второго великого сибирского пути — от Урала до Тихого океана.

Северсиб действительно начнется от Урала. Он уже начался, уже проложены первые километры насыпи от Тюмени к Тобольску. Правда, специалисты склонны считать, что Северсиб начнется севернее, от Тобольска. 700 первых километров второй транссибирской магистрали будут проложены уже в первые два года нынешней пятилетки. Но какие семьсот!

Северсиб начинается сегодня. От Тобольска дорога пойдет к будущей столице сибирской нефти — Сургуту, а там повернет вдоль Оби на восток. Через Александров и Белый Яр вторая транссибирская магистраль выйдет к Енисею. Здесь ее уже ждут, сюда из Асино тянется на север железнодорожное полотно. Таких «перемычек» между главной магистралью и Северсибом будет много. Одна из них пройдет в районе второй гигантской электростанции на Ангаре — Богучанской. Северсибу придется «перешагнуть» почти через все великие сибирские реки — Обь, Енисей, Лену.

А к востоку за Леной Северсибу, как и первой транссибирской восемьдесят лет назад, преградит путь Байкал. Но на этот раз задача будет решена проще: новая транссибирская магистраль обогнет Байкал севернее. А дальше? Как новая дорога вырвется к Тихому океану? Здесь пока многое неясно. Точно известно только одно: вторая транссибирская магистраль пройдет через Комсомольск-на-Амуре. Именно у этого города Северсиб преодолеет на своем пути к океану последнюю преграду — Амур. И будет этот новый великий путь от Урала к Тихому океану на тысячу километров короче первой транссибирской, проложенной в конце прошлого века.

Северсиб начался! Началось строительство одной из самых гигантских строек пятилетки. Северсиб ждет романтиков!

Ю. СИГИДИН

Григорий МИШКЕВИЧ

63 часа 16 минут, ставшие вечными

Журнал, написанный одним человеком

Вряд ли нужно говорить о том, насколько интересны и важны для воссоздания полной картины подвига документальные данные о нем. Счастье, если история сохранит их для нас.

Я горжусь, что такое счастье выпало и на мою долю. Передо мною штурманский бортовой журнал легендарного самолета N025, на котором Валерий Павлович Чкалов, Георгий Филиппович Байдуков и Александр Васильевич Беляков совершили 18—20 июня 1937 года беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — США.

Весь этот журнал, от первого до последнего слова, написан рукою одного человека — Александра Васильевича Белякова. Разумеется, заполняя страницы, Беляков (равно, как и его друзья) меньше всего помышлял о том, чтобы «попасть в историю»... Нет! Он записывал все, что касалось обстоятельств перелета. Просто работал! Ничего не утаивал из происшествий и трудностей, радовался успехам.

И тем не менее Беляков писал историю! Историю подвига трех крылатых советских богатырей.

В славном перечне свершений нашего народа за полвека существования Совет-

ского государства подвиг этих летчиков занимает одно из почетнейших мест. Подобно следопытам в тайге, экипаж N025 прорубил в небе гигантскую просеку для трасс будущего.

Штурманский бортовой журнал самолета N025 не стал лишь музейной или архивной реликвией. В 1940 году издательство «Искусство» (спасибо ему!) точно воспроизвело и опубликовало в небольшом количестве экземпляров этот документ¹.

Бортовой штурманский журнал воспроизведен до того точно, что, раскрывая его, представляешь, будто прикасаешься к подлиннику! Чуть выгоревшие фиолетовые чернила... Едва стершиеся записи мягким серым карандашом... Характерный беляковский почерк — ровный, неторопливый... Как много нравственного и физического напряжения скрыто за лаконичными служебными записями! Лишь иногда они окрашиваются трудно сдерживаемой эмоцией, когда надолго впечатлений врывался в текст короткими, энергичными эпитетами, тут же, впрочем, уступавшими место спокойному, хладнокровному изложению событий...

Перелистаем сегодня страницы этой реликвии.

¹ Штурманский бортовой журнал самолета N025. Гос. изд-во «Искусство», М.—Л., 1940. Художник С. Телингатер.

Путь к аэродрому

... Теплая июньская ночь над знаменитым испытательным аэродромом под Москвой. Знаменитость этого аэродрома общеизвестна, он вошел в историю авиации как орлиное бетонное гнездо, откуда не раз взмывали в небо самолеты, о которых потом узнавал весь мир. Вот и сейчас над этим гнездом распростерла свои могучие тридцатичетырехметровые крылья ярко-красная птица. Рокочут помпы бензозаправщиков, вместительные баки выпивают последние литры горючего.

Птица еще на земле, но уже появляется первая запись в бортжурнале. Вот разворот начальных страниц. Число — 18-е, месяц — июнь, год — 1937-й... Над типографской разграфкой журнала Беляков записывает: «*Вес самолета при вылете 11 180 кг*». И далее: «*На горке предполагали долить 65 кг (90 литр.) горючего, но не долили. Так что конец горючего будет по показанию 11 460 (Наяда)*»... Наяда — в терминологии пилотов — поплавковый указатель уровня бензина в баках.

Все, заправка окончена.

Завершены и все приготовления к отлету.

Но, строго говоря, закончены они были не в ту памятную июньскую ночь, а гораздо раньше...

* * *

Каждый из авиаторов пришел к этой знаменательной дате своим трудным, полным испытаний и опасностей путем. И в то же время путь к аэродрому был путем победы.

Валерий Павлович Чкалов...

В эту памятную ночь ему было 33 года. Чего греха таить, — разве про Чкалова не ходили рассказы о его будто бы «сплошной недисциплинированности», бесшабашности и ухарстве? Да, это был смелый человек, летчик-новатор, искатель, талант которого порой перехлестывал рамки уставов и инструкций... Но Чкалов — и это мало кто знает — был прежде всего широкообразованным летчиком! За его плечами успешная учеба в Егорьевской, Борисоглебской, Московской и Серпуховской авиашколах. Слава опытного воздушного аса. В 1931 году он осуществил полет на тяжелом бомбардировщике-авианосце (к крыльям

бомбовоза были подвешены истребители). Творец новых фигур высшего пилотажа — восходящего штопора и замедленной «бочки»... Один из основоположников тактики бреющего полета. Испытал лично более семидесяти новых самолетов!

Вот кто был первым пилотом, командиром N025!

Георгий Филиппович Байдуков...

К началу перелета ему исполнилось 30 лет. Это уже сложившийся, опытный летчик-испытатель. Участвовал в перелетах Москва — Варшава, Москва — Париж.

Он был вторым пилотом на N025!

Александр Васильевич Беляков...

Ему сорок — самый «старый» член экипажа. Чкалов знал, кого брать штурманом! Это был «штурманский бог» в авиации, крупный специалист аэронавигации. Ученый, начальник кафедры в военно-воздушной академии.

Вот кто стал лодманом на N025!

Но были не только послужные списки. Были перелеты — генеральные репетиции перед тем броском в небо, который вот-вот должен начаться под Москвой.

* * *

Еще за два года до этой июньской ночи, в августе 1935 года, Чкалов, Байдуков и Беляков замыслили совершить дальний беспосадочный перелет через Северный полюс. Волнуясь, написали о своем проекте в Центральный Комитет партии. И, еще больше волнуясь, стали ждать ответа.

И вот их пригласил в ЦК Серго Орджоникидзе. Улыбаясь, спросил:

— Не сидится вам, все летать хотите? Машину нужно хорошо проверить сначала!

Летчики в один голос заявили: машина в полном порядке, хоть сейчас в полет!

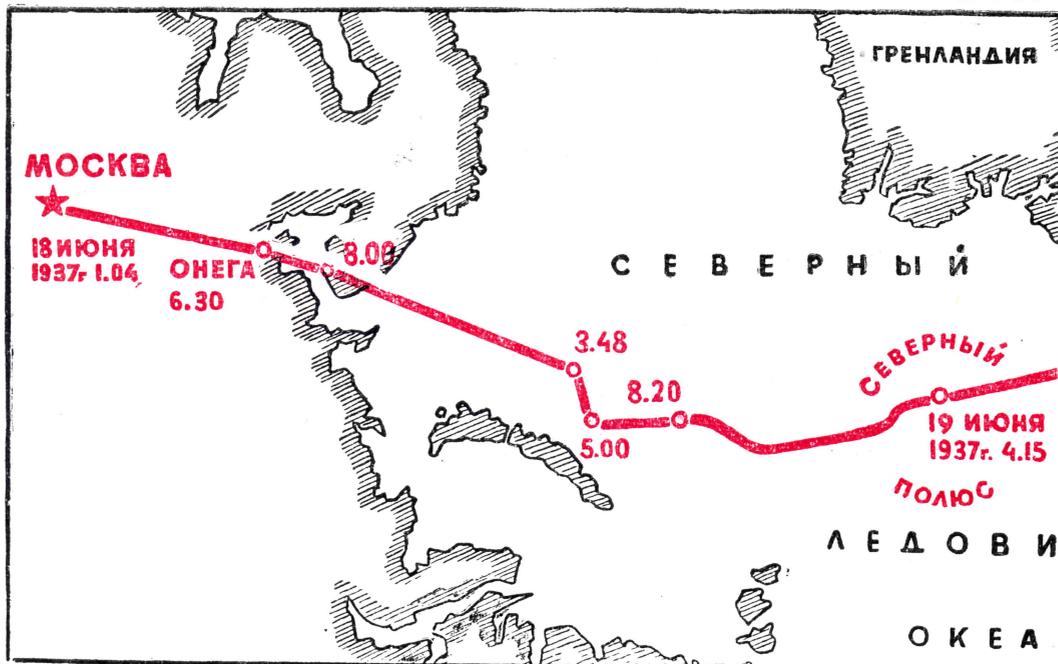
Но пилоты получили другой маршрут: Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

Подобных беспосадочных перелетов тогдашняя авиация еще не знала, и маршрут был действительно трудным, ответственным: он должен предшествовать задуманному перелету через Северный полюс.

Казалось, проще всего проложить трассу перелета на Камчатку по прямой — через Сибирь, Якутию. Но маршрут проложили через... Северный Ледовитый океан, поближе к заветному полюсу!

Самолет, на котором летели тогда, в 1935 году, Чкалов с Байдуковым и Беля-

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ПЕРЕЛЕТА

ПУТЕВАЯ КАРТА

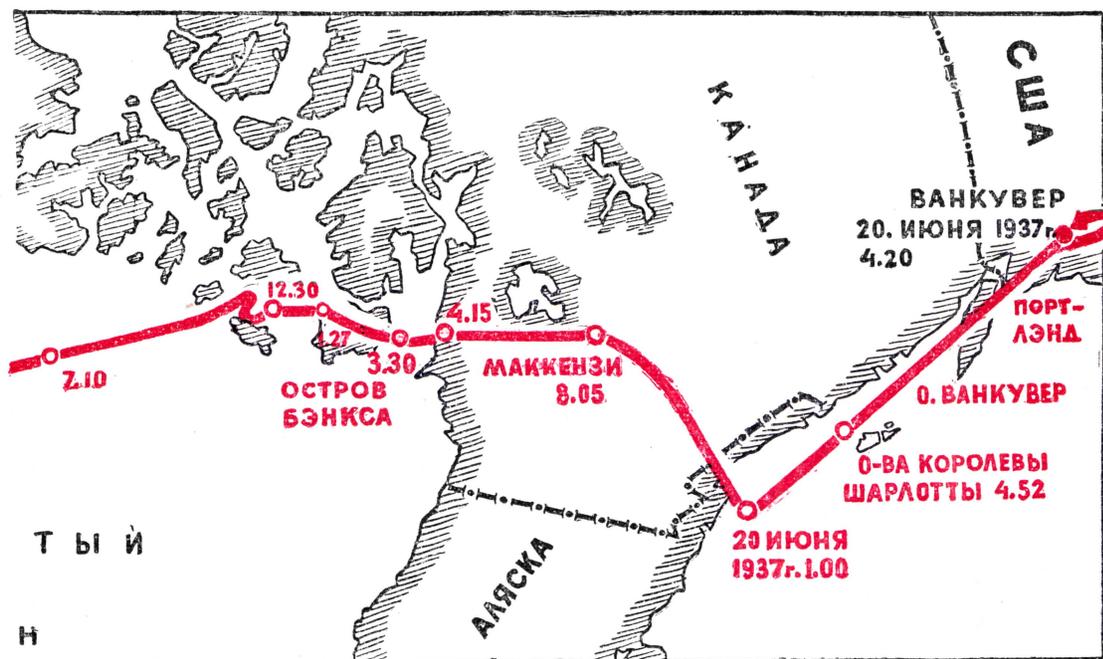
ковым, был однотипным с машиной, стоявшей июньской ночью тридцать седьмого года на аэродроме. Тот «АНТ-25» тоже был приспособлен к полетам в высоких широтах. Вот почему путь Москва — Камчатка пролегал «сторонной» — над Арктикой (а на самом деле это никакая не «сторона»: маршрут проходил по так называемой дуге большого круга, а эта, казалось бы, кривая линия оказывается прямее привычной прямой на карте, — ведь надо учитывать кривизну поверхности Земли!).

Самолет имел громадный для своего времени размах крыльев — 34 метра! В них бензиновые баки. Самолет одномоторный, оборудован приборами для слепого полета. Окраска машины ярко-

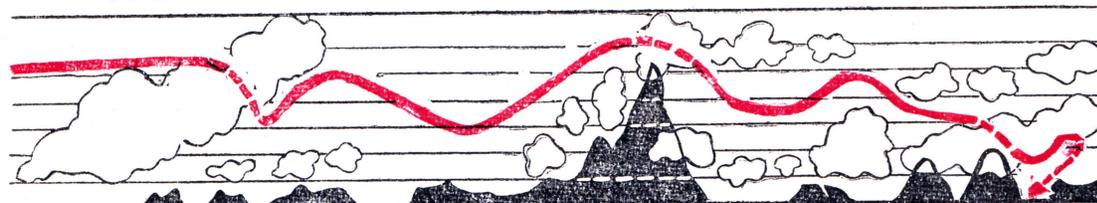
красная; в случае вынужденной посадки на снегу, льду или в лесу самолет будет легко различим с воздуха.

...Двадцатого июля 1936 года пилоты стартовали с аэродрома. Курс на север, точно по меридиану до острова Виктория (западная часть Земли Франца-Иосифа). Потом под крыльями алюминиевой птицы проплыли острова Визе, Ушакова, Шмидта... Началось обледенение самолета — нагрянул циклон, ударили снежные заряды. Но полет продолжался. Показалась внизу и ушла назад Северная Земля. Только здесь Чкалову удалось набором высоты вырваться из объятий ледящего циклона. Снова курс на восток; растаяли за кормой бухта Тикси и мыс Челюскина.

№ 025 МОСКВА - ВАНКУВЕР

ПОЛЕТА

МЕЛВИЛЛЬ О.БЭНКСА ГОРЫ РОКА О-ВА КОР. ШАРЛОТТЫ ВАНКУВЕР

Самый опасный участок пути над Ледовитым океаном был пройден. Потом сверкнула змейкой река Оленек, а за нею вскоре и Лена. Впереди горные, еще малоисследованные хребты Якутии.

Перелетев Пенжинскую губу, пилоты увидели Петропавловск-на-Камчатке и Коряцкую сопку. Над городом сбросили вымпел и взяли курс дальше, к Николаевску-на-Амуре, — благо оставалось еще горячее, а мотор прекрасно тянул.

Над Охотским морем снова жестокая трепка встречного циклона, обойти его не удалось, и снова началось обледенение. Но Чкалов не сдавался, он упрямо летел вперед — уже над Татарским проливом.

Прошли над восточным берегом Са-

халина. А ледовый нарост все увеличивался. Чкалов теперь «брил» пролив на высоте 10—15 метров, стараясь вырваться из нового циклона, освободиться от ледового панциря, все сильнее сковывавшего машину. Казалось, сердитые волны с лохматыми, рваными гребнями, гулявшие в проливе, вот-вот захлестнут ярко-красную птицу. Но самолет, словно буреветник, снова взмывал над волнами...

В этот момент Беляков принял по радио правительственную телеграмму. Серго Орджоникидзе, хорошо зная все, что происходило на трассе перелета, приказал экипажу немедленно прекратить полет и совершить посадку. Ведь цель перелета уже была достигнута!

И Чкалов, повинаясь доброму приказу Москвы, повернул к замеченному ранее островку. Им оказался остров Лангр, близ залива Счастья. Но на Лангре сесть не удалось, — Чкалов не нашел там удобного места для посадки, — и потянул машину еще дальше, к другому соседнему острову — Удд — длинной и узкой полоске земли.

Разворот, заход, посадка на диком берегу никому не известного маленького островка...

Так завершился беспосадочный перелет, длившийся 56 часов и 20 минут. Летчики покрыли расстояние в 9374 километра. На обратном пути в Москву самолет пробыл в воздухе 48 часов 25 минут, пролетев 7670 километров.

Это и была генеральная репетиция Чкалова, Байдукова и Белякова, репетиция перелета через Северный полюс «шарика».

А безвестный ранее остров Удд (его даже на картах ошибочно именовали Ур) стал всемирно знаменитым островом Чкалова.

Двадцать четвертого июля 1936 года В. П. Чкалову, Г. Ф. Байдукову и А. В. Белякову было присвоено высокое звание Героев Советского Союза.

На небосклоне советской авиации взошли три новые золотые звезды первой величины!

Перелет Чкалова и его друзей на Дальний Восток явился составной частью авиационных подвигов той поры — поры великих перелетов.

Летчики Водопьянов и Махоткин на двух самолетах «Н-127» и «Н-128» стартовали 29 марта 1936 года из Москвы. Путь их лежал (с посадками) в Арктику: Архангельск — Амдерма — Мыс Желания — Бухта Тихая. Много было на этом долгом пути в воздухе над Арктикой драматических коллизий и приключений, но летчики преодолели все преграды с честью.

На летающей лодке «Н-2» летчик Молоков стартовал в том же году из Красноярска на восток через Кемжу, Усть-Кут, Нью, Якутск, Крест-Хольджай — к Аяну. Пришлось пилотам не только лететь, но и плыть в самолете по океану...

Пилот Леваневский на самолете «Н-208» 5 августа 1936 года стартовал из Лос-Анжелоса (США) в Якутск, имея целью пересечь Арктику. Он пролетел в воздухе 11 000 километров. После посад-

ки в Якутске Леваневский сказал: «Я по-прежнему считаю, что наиболее короткий путь из Москвы в Америку лежит через Северный полюс... Недалеко то время, когда воздушный путь между Америкой и СССР будет осуществлен...»

Девятого февраля 1937 года летчик Фарих на машине «Н-120», имея на борту брошюры с текстом Конституции СССР и коробки с фильмом «Чапаев», взял курс из Москвы на Иркутск — Якутск и далее через Северный Ледовитый океан к Анадырю. Он пролетел

24 000 километров, побывал на советских арктических зимовках. Десятого июля, спустя пять месяцев после старта, он сел на архангельском аэродроме, а вскоре перелетел в Москву...

Двадцать второго марта 1937 года стартовало сразу пять тяжелых самолетов. На их борту были участники легендарной высокоширотной экспедиции на Северный полюс — Папанин, Кренкель, Федоров, Ширшов, Шмидт... Двадцать первого мая самолет «Н-170», пилотируемый Водопьяновым, первым сел на льдину Северного полюса...

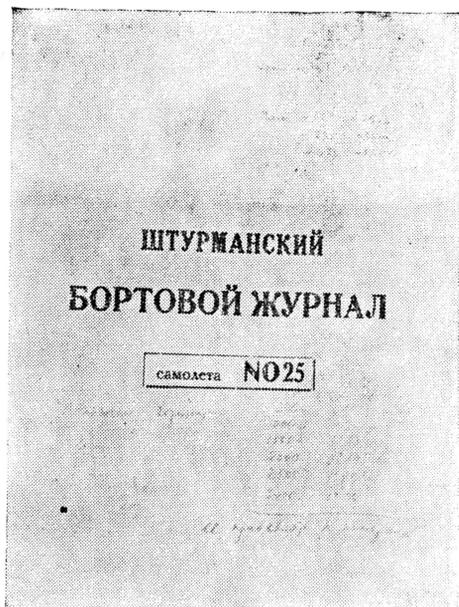
Вот какие свершения советской авиации предшествовали перелету Москва — США, перелету, который вот-вот должен был начаться июньской ночью 1937 года на уже испытанном и проверенном самолете N025.

Вам—взлет!

Итак, аэродром, 18 июня 1937 года. Время гринвичское—ноль часов сорок пять минут.

Перед тем как занять места в машине, экипаж решил сфотографироваться. Вот они стоят обнявшись, около своей ширококрылой птицы: Чкалов в центре, слева — Байдуков, справа — Беляков.

Ноль часов пятьдесят минут. Над аэродромом взвивается первая — красная — ракета: приготовиться к взлету!

Место первого пилота занимает Чкалов.

Байдуков в последний раз сверяется картой.

Беляков в штурманской кабине колдует над приборами. Потом вносит поправки в показания часов. Вот его записи об этом, сделанные на титульном листе бортжурнала: «*Часы № 625+25 сек. № 735+36 сек. № 688—1 м. 04 сек.*» И выше — отметка о показаниях хронометра.

Снова выстрел ракетницы, и в небо взлетает хвостатая зеленая комета: сигнал, разрешающий старт.

Дрогнул трехлопастный винт. Заблестел в лучах аэродромных прожекторов. Отпущены тормоза. Самолет, раскачиваясь, медленно двинулся на взлетную полосу. Наконец, развернувшись, на

мгновение замер, словно собираясь с силами. Громче, почти на полном газу, заработал мотор,—самолет в последний раз проверял ритм и биение своего сердца.

Машина, набирая скорость, покати-лась по взлетной полосе, с ревом взвилась ввысь, прямо над главными воротами аэродрома. Чкаловский почерк!.. Перед нами первая скупая запись: «*Взлет 1,04 м.*»

Высоко над землей машина совершила круг над аэродромом и, взяв курс на север, словно растворилась в июньской ночной темноте.

И тотчас же, обгоняя ее, полетели условные радиосигналы зимовщикам всех полярных станций в советском секторе Арктики. И тотчас же все полярные станции, в том числе и заселенный только что папанинцами Северный полюс, приняв сигналы Москвы, перешли на круглосуточное обслуживание перелета. Регулярно, каждые три часа, передавались по радио метеосводки. Вот когда выявились огромные практические итоги бурного освоения Арктики советскими зимовщиками!

А на борту самолета шла напряженная работа. У штурвала — Чкалов, рядом с ним — Байдуков. Беляков вписывает строку за строкой в бортжурнал. В 2 часа 47 минут под крылом самолета прошла река Молога. Читаем в журнале записи об истинном и магнитном курсах, о скорости — 167 километров в час (сегодня эта скорость может вызвать лишь улыбку, но для той поры и для того перелета это было немало, тем более, что N025 не ставил своей задачей поставить скоростной рекорд), о числе оборотов мотора. Беляков фиксирует увиденное: «*На горизонте высоко перистые облака*». Потом он ищет папиросы, видимо, впопыхах куда-то сунутые. Немного перекусили с Байдуковым. Будни...

Над Онегой, в 6 часов 30 минут, первая неприятность: из трубки ударило масло. И отметка в бортжурнале: «*Не работает масломер. Значит, немного перекачали*». В 7 часов 32 минуты: «*Байдуков лег отдыхать. С маслом спокойно*».

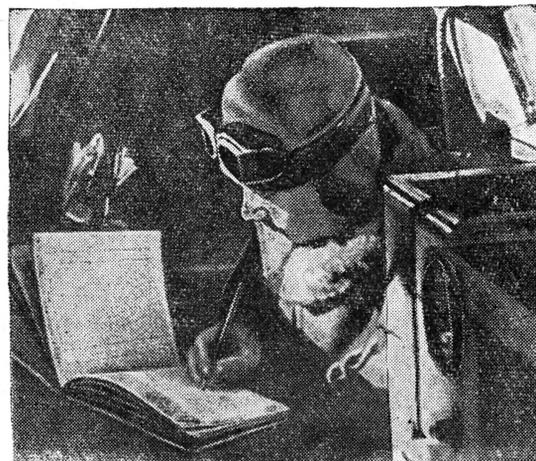
С маслом-то спокойно, но впереди многоярусная облачность, это посерьезнее, ее придется пробивать. И действительно, через час краснокрылая птица оказалась, словно в клетке,— между двух слоев облаков. Высота полета два кило-

Валерий Чкалов.

Георгий Байдуков.

Александр Беляков.

метра. Досрочная смена пилотов: в упорной борьбе с облачностью вахту до конца не додержать, устаешь быстро. Читаем в боржурнале: *«Начался слепой полет в облаках. Удары обледенения...»* В половине одиннадцатого Беляков с сожалением отмечает: *«Жаль, что нет фотоаппарата... Ура, ясно кругом. Под нами темно-синее Баренцево море»*. И тут же, уже спокойно, продолжает: *«Выход на берег Баренц. моря не был виден. Впереди низкие облака хотят закрыть море, но высоких облаков нет»*.

Температура в кабине плюс семь градусов — не очень-то тепло. При перелете над Кольским полуостровом опять было обледенение, и опять летчики преодолели его, вырвавшись из зоны циклона.

Работы экипажу прибавляется все больше и больше. Каждый час, пользуясь проглядывающим солнцем, штурман уточняет курс: ведь никаких земных ориентиров уже нет. В 14 часов 42 минуты штурман точно определяет местоположение: северная широта 74°, долгота 41° 20'. Включен подогрев, температура в кабине быстро поднимается до нормы — плюс двадцать.

Но радоваться некогда, да и преждевременно — облачность опять наваливается отовсюду. Вот она, Арктика! Чкалов — теперь он снова на вахте — начинает обходить облачный заслон. Беляков записывает: *«Слева, как шапкой, накрывает облачность. Вправо — светлее, там Чкалов хочет набрать высоту. Передал по радио свое место: семьдесят шесть градусов сорок четыре минуты северной широты. Идем выше, черт его знает, какого слоя облачности»*.

А Чкалов забирает все выше и выше. 3450... 3550... 4000 метров... В кабине похолодало — минус один градус. Пущен обогрев, становится немного теплее. А вокруг — беспорядочная и бесконечная толча облаков. Снова слепой полет, на этот раз машину ведет Байдуков: Чкалов отдыхает. Обледенение сильное. В 17 час. 37 мин. Беляков записывает: *«На кромке стабилизаторной рамки Ферчайлада, стяжках и кромках крыла блестело, как окрашенное в белую краску, долго держалось. Толщина до 1½ см. Польз. антиобледенителем»*.

«Блестело» — это кора намерзшего льда...

Миновали первые сутки беспосадочного полета.

Все дальше на север

Мотор по-прежнему надежно тянет машину все дальше на север, по намеченному маршруту.

Мотор... В журнале непрерывно отмечается, как ровно и сильно бьется это сердце машины на всех этапах перелета. Обороты — 1500... 1580... 1760... 1800... Все в заданных режимах, словно хорошо налаженный пульс великолепного марафонца-бегуна на дальние дистанции. Только один-два выхлопа («чиха») за все время, остальное в полнейшем порядке!

Да, главный конструктор Александр Александрович Микулин снабдил самолет N025 верным и надежным двигателем — знаменитым «АМ-35»!

Скоро Северный полюс. Там, на дрейфующей льдине, четверка отважных полярников с нетерпением вглядывается в хмурое небо. Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров проклинают низкую, густую облачность. Разве разглядишь в этой каше летящую металлическую птицу?

А под самолетом иногда в разрыве туч мелькнет и тут же скроется ледяная пус-

тыня. И опять упорная борьба с облачностью, ветром, ледяной мглой...

Четыре часа пятнадцать минут, 19 июня. Пролетели над Северным полюсом. Беляков записывает в бортжурнале: *«Видны льды полюса, белые с трещинами, разводьями и торосами»*. Высота 4200 метров.

Четверка полярников на Полюсе не смогла, к сожалению, увидеть своих крылатых друзей: сплошная облачность плотно затянула небосвод. Но хотя папанинцы и не видели самолета, они явственно слышали рокот его мотора. И тотчас же на Большую землю помчалась радиограмма: *«Отчетливо слышали над нами самолет. Папанин, Кренкель»*.

Полюс не замедлил обнаружить себя. В 5 часов 35 минут Беляков отмечает: *«Компас штурмана ходит почти кругом. Идем по СУКу (СУК — солнечный указатель курса.— Г. М.). Трудно. Поправляю вправо-влево. Летчик держит курс по ГМК» (ГМК — главный магнитный компас.— Г. М.)*. И спустя час грозная запись: *«Справа циклон»*. Байдуков, сменивший Чкалова, обходит циклон, набирая высоту. До земли 5750 метров. Слепой полет... *«Трудно»...* Это — единственное при-

знание, и каким же действительно адски трудным было положение, что Беляков при всей его железной выдержке написал это слово — «*трудно!*»

К семи часам утра 19 июня израсходовали 3605 литров горючего.

В 12 часов 30 минут самолет снижается. «*Внизу земля с озерами и заливами*», — фиксирует Беляков. Через десять минут лопается паротводная трубка. Из расширительного бачка выбрасывает немного воды. Треск от лопнувшей трубки был сильный: «*Некоторое время думали, что лопнул расширительный бачок...*»

Определились — самолет над Землей Бенкса. Беляков зорек и наблюдателен: «*Что такое Земля Бенкса? Безжизненный кусок коричневой земли, в канавках лежит снег, так что вид ячеечный, местами поля снега, береговые возвышенности*». И тут же коротко, о том, что наросший на стеклах кабины лед срезали финкой...

Впереди очередная неприятность. Неподалеку от полуострова Бусия в Канадском архипелаге — магнитный полюс Земли. Магнитному компасу больше нет веры в этих местах. Он ведет себя, как ошалелый. Приходится ориентироваться только по астрономическим приборам и карте. Но что компас! Отказало, наглухо замолкло радио: магнитные бури сделали свое дело!

И так длилось двадцать четыре часа! Двадцать четыре часа полета над ледяной пустыней, без всякой связи с землей. Двадцать четыре часа упорной борьбы с бесконечными облаками, циклонами, шквалистыми ударами ветра, снежными зарядами, обледенениями... И опять слепой полет над пустынной белой твердью.

Четыре часа пятьдесят две минуты, 20 июня. В разрывах туч проплыли внизу острова Королевы Шарлотты.

Летчики живут по гринвичскому времени, а тут, в Центральной Арктике, время свое, местное.

Наступила ночь. Вдоль побережья машину ведет Байдуков. Справа тускло светит луна. В 8 часов 22 минуты в кабине изрядно похолодало — минус девять градусов. Беляков записывает: «*Байдуков ведет ночью по верхушкам облаков, иногда в просветы видны звезды. Рассвет ожидается около 12 ч. по Гринвичу. Беляков (я) и Валерий ложимся спать, Байдуков ведет по радиокompасу...*»

Это значит, магнитная буря осталась позади! Теперь можно лететь по сигналам наземных радиостанций.

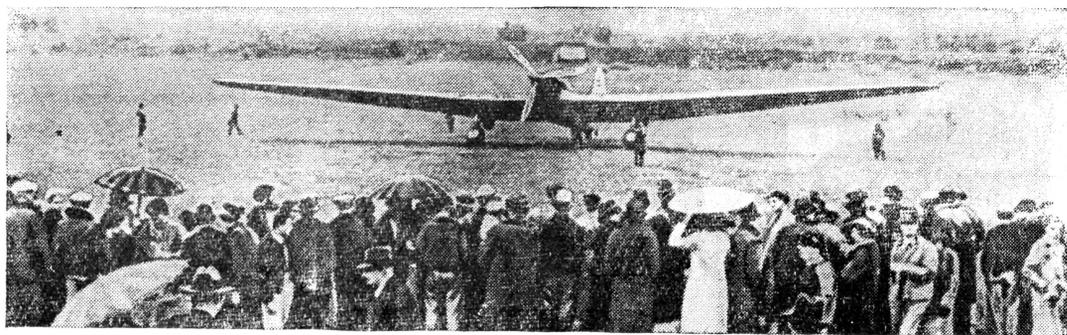
Сели — значит прилетели

В 12 часов внизу показалась земля — горы, бухта. «*По-видимому, Сиатль*, — читаем запись в журнале, — *все далеко слева от самолета. Мигают световые маячки воздушной линии*».

В 13 часов 30 минут 20 июня летчики впервые услышали позывные радиомаяка Портленд в Соединенных Штатах Америки. Беляков сверяется с картой и удовлетворенно кивает головой: все в порядке, ошибки нет! Точка... Два тире... Точка... Тире... Две точки... И рядом со знаками морзянки возникает запись: «*Верно*».

Самолет снижается. Портленд теперь совсем ясно виден. Над аэродромом ровная облачность. Местность вокруг гористая, чего доброго еще «*вмажешься!*» Байдуков набирает высоту. Впереди сплошное месиво туч. Горючее на исходе. Вот что записывает об этом Беляков в 14 часов 33 минуты: «*Нижний слой облаков противный. Крылья уже стали мок-*

Встреча легендарного самолета в Америке.

рые, но сверху видно, что слой не везде сплошной. Снижение идет очень медленно по спирали и заняло 13 минут. Это совсем плохо, внизу рваные облака почти до земли. Портленд видели Н-300 м. Местность далее по пути гористая, поэтому решили набирать высоту. Плохо с водой. Чертик (поплавковый указатель уровня.— Г. М.) понизился. Вылили все, что было, в запасной бачок, но помпа оттуда не забирает. Бензин начал понижаться в расходном баке. Разворот обратно на Портленд...»

Оказывается, сесть не так-то просто! Вот уж что верно, то верно: в авиации — сели — значит прилетели!..

Высота 2500 метров. Пошли на посадку. Но это уже не Портленд. Под машиной город Ванкувер, аэродром Баракс в штате Вашингтон.

И вот она, последняя запись Белякова в бортовом журнале: «16.20. Посадка в Ванкувере. Всего были в воздухе 63 часа 16 м.»

И далее приписано: «Было залито 5735 кг. Израсходовано горючего 7933 литра=5658 кг.» Беляков производит вычитание, как в школьной задачке:

5735
— 5658

Должно остаться 77 кг.

Это называется, по Чкалову, «прилететь тютелька в тютельку»!

Позади более 12 000 километров труднейшего пути, позади Ледовитый океан, канадская безлюдная тундра, циклоны, обледенения, магнитные бури... Но о 63 часах и 16 минутах тревог, опасностей и нечеловеческих усилий скромнейший летописец Беляков только один-единственный раз написал одно-единственное слово: «Трудно»...

— Спать, спать, спать, хотя бы на шесть часов заснуть! — промолвил Чкалов, как только машина остановилась на аэродроме.

Но где там! Аэродром мгновенно был запружен толпой экзальтированных американцев. Беляков на сей раз ничего не записал в бортжурнале (перелет-то окончился!) о циклоне людском, шторме овационном, буре приветственной. Только распорядительность начальника аэродрома генерала Маршалла спасла летчиков

и машину от «олюденения» и угрозы быть «разорванными на память». Полиция, солдаты аэродромной охраны обеспечили, хотя и с громадным трудом, нужный порядок. Летчикам удалось умыться, переодеться и залечь выспаться у гостеприимного Маршалла.

Людской шторм, правда, не миновал героев. Их ждали горячие, сердечные встречи на американской земле. Венки из живых роз украсили летчиков: американцы восторженно встречали своих крылатых гостей.

Потом триумфальный перелет на N025 по стране. И всюду, всюду горячие дружеские овации!

А вскоре родная Москва обняла и радостно поздравила отважных героев. Не снежные штормы, а сотни тысяч листовок с горячими словами приветия падали с московского неба...

* * *

...Шелестят страницы штурманского бортового журнала самолета N025 — летописи отваги и подвига. Журнал — ярко-красного цвета точь-в-точь такого же, как и та металлическая птица, на крыльях которой прославленные летчики прилетели через Северный полюс на землю Америки.

Одного из трех рыцарей авиации — Валерия Павловича Чкалова — сегодня нет в живых. Он жил жизнью героя, погиб, как герой, 15 декабря 1938 года, испытывая новый самолет. Его прах замурован в Кремлевской стене, рядом с Мавзолеем В. И. Ленина. Живы Георгий Филиппович Байдуков и Александр Васильевич Беляков.

Оба — генерал-лейтенанты авиации, оба педагоги.

Много лет прошло с тех незабываемых дней.

Далеко вперед и стремительно шагнула за это время наша авиационная техника. Могучие «ИЛы», «ТУ», «АНы» стали подлинными хозяевами неба, а полеты над полюсом — обычным делом. Но никогда не изгладится в памяти человеческой подвиг экипажа N025.

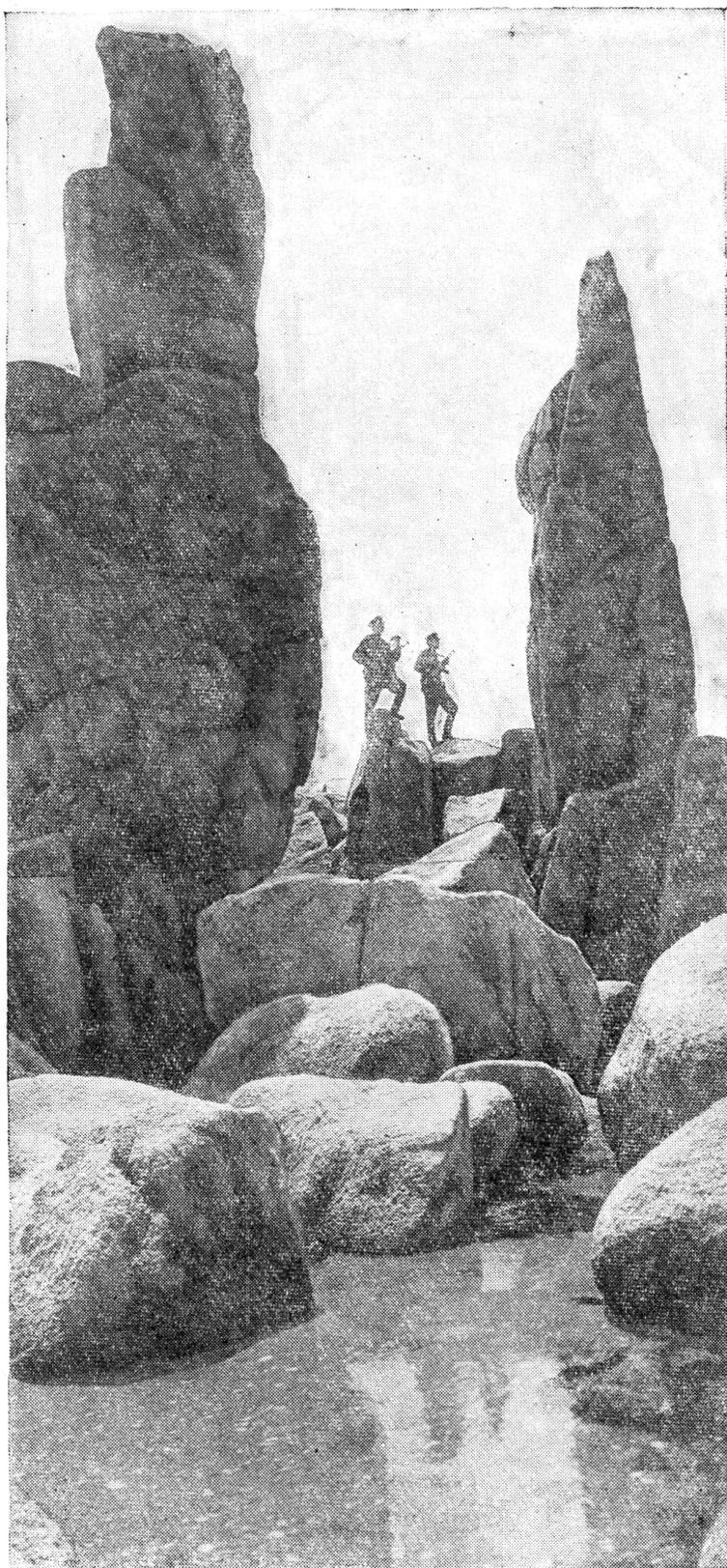
Подвиг Чкалова.

Подвиг Байдукова.

Подвиг Белякова.

Подвиг Советской страны!

НА ГРАНИЦЕ

ЗАТЕРЯВШАЯСЯ в горах застава... Карацупа... Командант птичьего острова... С самого детства в памяти каждого живет именно это несколько романтическое представление о людях границы. А видим мы пограничников, несущих свою службу в малонаселенных местах, обычно на парадах.

Четко держа равнение, прокатываются мимо трибуны зеленые волны. Эта картина известна всем. А что они делают каждый день, эти парни в зеленых фуражках, там, на краю советской земли, называющимся таким тревожным словом — граница!..

Все начинается так: «Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик»...

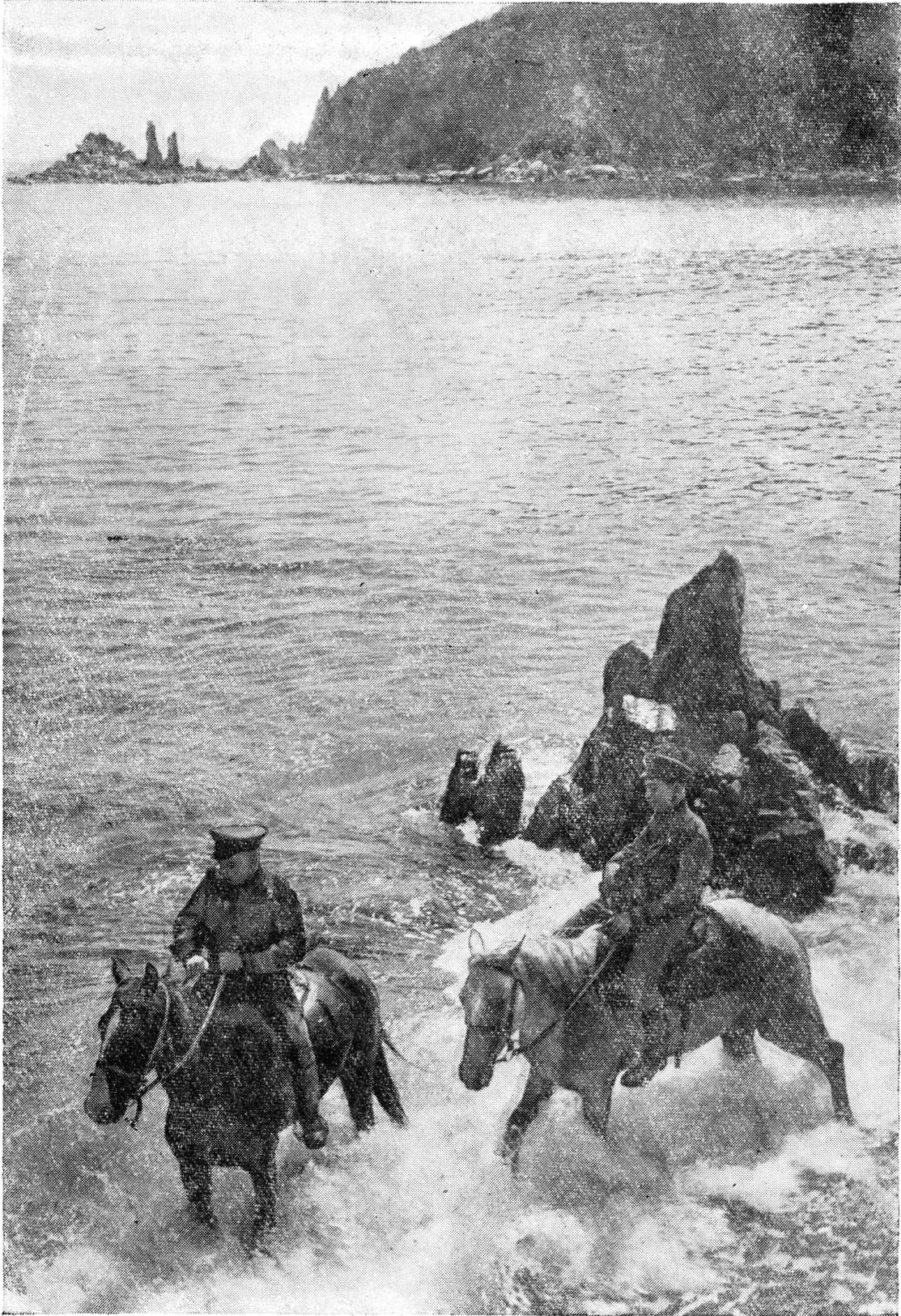
Ну, а потом десятки километров по берегам — там, где встречается земля и океан. Нелегкий путь по склонам, когда пограничник порой превращается в альпиниста.

Конный дозор. Это тоже нелегко — часами трястись в седле, особенно без привычки.

Но все-таки лошадь — это вчерашний день границы. В случае надобности на далекий участок в считанные минуты доставит наряд вертолет.

Море... Для пограничников — это не рыбалка, не пляж, не увлекательные путешествия: служба. По сигналу тревоги немедленно выходят в море пограничные корабли. Готовы к любым неожиданностям командир и командиры-зенитчики, радисты и сигнальщики.

А из другого района мчатся в тревожный квадрат быстроходные катера — здесь тоже все начеку. И на ходовом мостике, и у изготовленных по боевой тревоге орудий.

Текст и фото
Юрия Муравина

Она на замке, эта граница,— в шторм и изнуряющую жару, днем и ночью.

В Москве еще только закончили рабочий день и отправляются в парки, театры, кино. На Дальнем Востоке вышли на охрану Государственной границы наряды. Огненной точкой в ночи вспыхивает глаз прожектора и затухает где-то на гребнях далеких волн. Ночью несет дозор пограничный корабль, на котором служит Юрий Ступиков.

Служба, полная труда, овеванная романтикой каждодневного подвига. Служить здесь сможет далеко не каждый. Это не так уж просто — в постоянном напряжении пробираться сквозь чащу, карабкаться по скалам десяток-другой километров. Несколько недель нести патрульную службу на катере, для которого любое волнение моря — шторм. Не так просто и потому, что на границу приходят служить обычные парни — вчерашние строители, трактористы, студенты, рыбаки. И служба их начинается с учебы, с тренировок.

А сейчас на заставе тихо. Спят хозяева этих немало прошагавших сапог — молодые парни из пограничных нарядов. Приморился даже неутомимый Джульбарс. Тишина. Тревожная тишина границы.

ДВУХЭТАЖНЫЕ

РЕКИ

Г. ВАХРУШЕВ

В южной части Мелеузовского района Башкирской АССР есть речка со странным названием — «Шайтан-елга» (Чертова река). Долгое время я не понимал, почему башкиры дали этой спокойной степной речке столь нелестное название. Но недавно научный сотрудник горно-геологического института Д. Н. Буракаев, уроженец тех мест, сообщил мне интересные данные, проливающие свет на природу Шайтан-елги.

Оказывается, в этой речке, на участке против деревни Верхнее Муталово, много глубоких омутов с сильными водоворотами. Здесь же небольшое, овальной формы озеро со странным названием — «Убыр-куль» (Всепожирающее озеро). Несмотря на то, что через него протекает Шайтан-елга, озеро не заливается, все время остается очень глубоким. Говорят, что груз на трех связанных вожжах (около 30 м) не достал дна. И здесь над омутом заметен водоворот.

В такой коварной речке купаться и ловить рыбу очень опасно. Хотя рыбы, говорят, в омутах Шайтан-елги много, но ловить ее в Убыр-куле ухитрялся только один, ныне покойный Хакимбабай. Ему попадались здесь огромные, до метра длины, щуки с очень грубой и темной чешуей.

Кроме того, в долине и в самом русле Шайтан-елги, а также на восточном склоне горы Таш-тау, находящейся на правом берегу реки, часто происходят провалы в гипсах, особенно за последние пять лет.

Не так давно два провала образовались на глазах у охотника Абдулаха Буракаева. Один из них появился в русле Шайтан-елги, у самого переезда — «Басыр киссу» (Басыров брод) в то время, когда Буракаев проезжал на лошади по этому броду. Над провалом появился сильный водоворот, который чуть было не проглотил охотника с его лошастью.

Шайтан-елга в районе деревни Верхнее Муталово протекает вдоль трещины разлома земной коры. По этой трещине правый берег речки поднялся, а левый опустился на несколько сотен метров. На правом берегу Шайтан-елги возникла гора Таш-тау, сложенная верхнепалеозойскими гипсами, а на левом — впадина, заполненная мезозойскими и третичными отложениями.

То, что вдоль трещины часто возникают карстовые провалы, свидетельствует: здесь в настоящее время продолжают медленные горообразо-

вательные процессы. А существование незаиливающихся глубоких омутов в русле Шайтанки и в озере Убыр-куль говорит о том, что под современной долиной этой речки есть один или несколько мощных подземных потоков, которые растворяют и размывают гипсы. Потолки возникающих при этом подземных пустот часто не выдерживают собственной тяжести и обваливаются, образуя на поверхности земли провальные воронки, а в русле речки — глубокие омуты.

Вот и получилось, что Шайтан-елга на этом участке стала двухэтажной. На какой глубине находится ее подземный этаж, мы пока не знаем, но, вероятно, не глубже 30—40 м. Не знаем также, один или несколько подземных потоков составляют этот этаж.

В Башкирии есть и другие двухэтажные реки. Они, как и Шайтан-елга, находятся в карстовых районах, то есть там, где вода, растворяя гипсы или известняки, образует подземные полости.

Река Белая на участке между устьем Сима и городом Бирском, по-видимому, тоже двухэтажная. Об этом говорят многочисленные современные провалы как на пойменной террасе, так и в русле этой реки. Особенно интересный провал возник несколько лет тому назад на дне реки Белой против города Благовещенска. Первоначальная глубина его была около 5 метров. Местные жители говорят, что яма на этом месте хорошо заметна и до сих пор.

Буровые скважины, пройденные геологами на реках Уфе и Белой, показали, что поддолинные потоки Белой находятся на глубине от 7 до 58 метров, высота подземных пустот здесь колеблется от полуметра до 4 метров. А нижний этаж реки Уфы — на глубинах от 25 до 45 метров.

В Башкирии есть и такие реки, у которых верхний, наземный этаж, существует только весной, в половодье, или летом, во время сильных дождей, когда подземные полости не в состоянии вместить всю поступающую в них воду. Но есть реки, у которых наземный этаж обозначен только цепью суходолов и провальных воронок, иногда частично или полностью наполненных водой.

Двухэтажные и подземные реки имеют большое научное и практическое значение, особенно теперь, когда решается важная народнохозяйственная проблема обеспечения водой населения и промышленности многих районов нашей страны.

Когда этот номер журнала готовился к печати, из Уфы пришло печальное известие: 6 мая, после тяжелой и продолжительной болезни, умер заслуженный деятель науки БАССР, доктор геолого-минералогических наук профессор, Г. В. ВАХРУШЕВ — автор этой статьи. Наши читатели хорошо знали его интересные очерки, статьи и заметки о природе Башкирии. Георгий Васильевич был давним и верным другом журнала, много помогал своими советами, подсказывал новые темы, консультировал предназначенные к печати материалы, вел переписку с читателями. Печатая эту, последнюю из присланных им, статью, мы с грустью прощаемся с нашим другом, одним из замечательных ученых советского Урала.

К О Н Ж А К

АВТОБУС из Карпинска выходит рано утром. Обычно народу в нем бывает не очень много. Но сейчас машина набита до предела. В проходе навалены горы рюкзаков, штабеля лыж и лыжных палок. Гам стоит невообразимый — сошлись сразу три группы туристов: московские студенты из института имени Баумана, свердловские политехники и группа рабочих из Невьянска.

Пока за окнами темно, туристы успевают познакомиться, обменяться значками, сверить свои не слишком подробные маршрутные карты. Потом новость откуда появляется расстроенная гитара. Москвичи вполголоса затягивают песню. Шум вокруг стихает. Все прислушиваются к хорошим словам о смелом парне-альпинисте,

рушечный паровозик во главе нескольких таких же игрушечных вагончиков. Ехали со скоростью резвого пешехода. По бокам тянулись плоские увалы с жидкими остатками леса. Здесь прошли сплошные рубки, и лес был похож на огромное поле после побоища. Кое-где дымились кучи валежника, подожженные искрами, летящими от паровоза. Смолево чернели бесчисленные пенки. Молодые березки, измочаленные траками машин, замерли в скорбном поклоне. Казалось, они не падают лишь потому, что крепко ухватились друг за друга обломками сучьев. А над всем этим хаосом ярко и безмятежно синело небо погожей уральской осени. Глаз не хотел мириться с таким контрастом — земли и неба, покоя и хаоса.

П Р О С И Т

замерзающем где-то на заснеженном склоне Хан-Тенгри. Но вот гитара, словно эстафетная палочка, переходит в руки свердловчан, и уже звучит песня об Урале — туристской стране, о горах Заполярья и хребтах Манараги. Эти песни — тоже обмен сувенирами.

Я прислушивался к голосам ребят и думал, что, может быть, вот и на этом маршруте родится еще одна песня, песня о горном гнезде, жемчужине Среднего Урала — Конжаковском Камне. И ее, как эстафету, будут передавать туристы друг другу, прославляя красоту и богатства нашего горного края.

* * *

ЭТО было лет десять назад. Вместе со студентом-практикантом Валеркой Бухменовым мы пробирались к Конжаковскому Камню. В ту пору путь был значительно сложнее. От Свердловска на поезде мы доехали до станции со странным названием — Выя, а дальше по узкоколейке нас потащил маленький иг-

К концу дня поезд наконец дотащился до Старой Ляли. Отсюда мы добирались уже на попутной машине. За Павдой начинался настоящий лес. Правда, из-за наступившей темноты леса мы почти не видели, но постоянно слышали его могучее дыхание с обеих сторон дороги. Иногда где-нибудь на повороте фары машины выхватывали из темноты резную лапу или мохнатую вершину кедра. И матовый пучок света скользил дальше по могучим стволам, теряясь в глубине очередного распада.

Наутро в Кытлыме мы вышли из гостиницы и остановились потрясенные. Поселок лежал в глубокой чаше, края которой розовыми зубцами врезались в небо. Солнце уже взошло, но скрытое горами, освещало лишь их белоснежные вершины и зеленый бархат кедровников на склонах. Голова Конжаковского Камня была закрыта последней ночной тучей. В горах уже лежал снег.

После вчерашнего пейзажа, казалось, мы попали в заповедное царство тайги и гор. Нигде на Среднем Урале мне не приходилось видеть картину более величественную и впечатляющую.

П О М О Щ И !

День ушел на сборы, а утром вместе с по- томственным охотником Ильей Петровичем Пон- ловниковым мы уже пробрались по каменистым от- мелям небольшой и быстрой горной речки Ты- лай.

Два месяца прожили мы среди гор, изучая животный мир тайги. За это время успели по до- стоинству оценить природное богатство Конжа- ковского горного узла. Мы не уставали восхи- щаться красотой вершин. Сам Конжак, и его меньшие братья — Буртым, Очий Камень, Тылай- ский, Косьвинский, Серебрянский образуют свое- образный горный ансамбль. Недаром их называют «камнями». Каждый из них — совершенно обособленная гора, вырванная из цепи более мелких вершин.

Между камнями лежат глубокие котловины, в которых текут быстрые речки. Здесь берут начало многие реки Волжско-Камской и Обской систем. Тут рождаются и Тылай, и Каква, и Лоб- ва. А по склонам стоят леса — кедровники, луч- шие которых нет на всем Урале. Деревья толщи- ной в три обхвата тянут свои макушки к верши- нам гор. Возраст этих великанов 300—400 и да- же пятьсот лет. Стоишь рядом с таким «дедуш- кой» и кажется тебе, что это уже не дерево, а живой памятник.

В том году был богатый урожай кедровых орехов. Крупные шишки сплошным ковром усти- лали землю. С шумом, криками, посвистами тру- дились над сбором урожая лесные обитатели. Кедровки деловито перепархивали в ветвях, бу- рундуки тащили в норы орехи, и даже сам хозя- ин тайги — медведь — оставлял свои следы на этом пиршестве. Кедровки с криком окружали мохнатого лакомку и старались прогнать по- дальше.

На склоне Буртыма мы нашли огромные рога дикого северного оленя. Уже потом, когда снег запорошил тайгу, нам удалось убедиться, что дикий северный олень и до сих пор обитает в горах Конжаковского узла.

Когда-то он жил по всему горному Уралу, но был выбит человеком. А здесь сохранился. Правда, стадо небольшое, не более 150 голов, но оно никуда отсюда не откочевывает, находя для себя все необходимое по склонам Уральских гор и в гольцах.

Иная картина с лосем. Лосей тут всегда мно- го. Но зимой в особенности. Дело в том, что на западном склоне Урала выпадают слишком глубо- кие снега, а в некоторых котловинах между камнями снега бывает очень мало. Вот и кочуют лоси с западного склона в эти котловины на зим- ний отстой.

В тот раз особенно много лосей ско- пилось в верховьях речки Иов.

За один день мы встречали до двух десятков животных.

В верховьях горных речек нерестятся хариус и таймень. Поймать такую рыбу — мечта каждо- го рыболова. Для многих — мечта уже не осу- ществляемая, потому что большинство горных рек у нас загрязнено, и никакая рыба в них больше не живет.

Два месяца прожили мы в тайге, и за все время лишь однажды встретили след охотника. Глухие в ту пору были здесь места, почти запо- ведные. Вернувшись в Свердловск, доложили о результатах своей работы, об уникальной попу- ляции северного оленя и о многочисленных лоси- ных отстоях. В целях охраны животного мира

Госохотинспекцией при Свердловском облиспол- коме в районе Конжаковского Камня был орга- низован егерский участок и всякая охота здесь ограничивалась.

* * *

ИВОТ, почти десять лет спустя, я снова еду в Кытлым, еду по новой дороге, которая напрямую прорезала тайгу ме- жду Кытлымом и Карпинском. Рядом тянется ли- ния электропередачи. По пути ни поселков, ни деревень. Дорога ныряет с увала на увал.

Ко мне подсел белообрый турист-москвич. Ему не терпится побольше узнать о Конжаков- ских горах. Я начал вспоминать свою прошлую поездку. Рассказал и о кедрах, и об оленях в горах, и о таймене, которого мы с Валеркой никак не могли вытащить на берег, — настоль- ко он был велик; и о лосях, и даже о драгах, добывающих платину.

— Сказки! — вдруг обернулся ко мне с пе- реднего сиденья бородатый мужчина в рыжей собачьей дохе. — Сказки рассказываете, моло- дой человек. Ничего этого теперь нет — ру- бим лесок-то. Вон он, ваш кедр поехал! — И мужчина указал рукой в огромной vareжке за окно.

Навстречу нам двигался до предела нагру- женный лесовоз. Высоко над кабиной возвыша- лись розоватые торцы кедровых бревен.

— Даем кубатурку, — ухмыльнулся мужчина в бороду. — Видали?

Я не понял, чему он ухмыляется. Во всяком случае, в его темных, глубоко посаженных гла- зах не было и тени улыбки.

Шофер притормозил автобус.

— Кому на Буртыма?

Мужчина в дохе подхватил свой чемоданчик и почти на ходу выпрыгнул из автобуса. На про- щание он махнул нам своей огромной рукави- цей. Здесь был перекресток. Я уже слышал, что под Камнем Буртым развешивает работу еще один леспромхоз.

Автобус остановился среди тайги у какой-то маленькой речушки.

— Перекур, — объявил шофер через ми- крофон.

Вместе со всеми я вышел из автобуса. Огля- делся, и вдруг вспомнил, что уже бывал здесь. Ну, конечно же, бывал!

Вон и горушка с лиственками, вон ельничек в распадке. Да ведь это речка Иов, та самая, на которую мы добирались двое суток, перева- ливая две высокие цепи гор. Та самая, где лоси- ные отстой.

Да, изменился край! Раньше — двое суток утомительнейшей ходьбы по тайге, а теперь — всего час в комфортабельном автобусе.

Весь дальнейший путь до Кытлыма я не раз- говаривал со своим соседом. Теперь я боялся, что мои рассказы о богатствах Конжаковской тайги могут и впрямь оказаться просто красивой сказкой.

В Кытлыме я посетил своих старых прияте- лей — охотников, разговаривал с геологами и лесозаготовителями, съехал на машине (те- перь везде появились дороги) все окрестные по- селки. То, что я увидел, взволновало. Не могло не взволновать — Конжаковский горный узел, красивейший и богатейший памятник природы Среднего Урала, стал ареной интенсивнейшей хой- зайственной эксплуатации.

На горных реках работают драги, добывающие платину, леса рубят сразу несколько леспромхозов, охотничьи богатства эксплуатирует специализированный госпромхоз.

С другой стороны, развитие транспортных путей привлекает в эти места массу любителей природы, охотников, грибников, ягодников, шишкарей, рыбаков и туристов из окрестных промышленных центров. Летом по субботним дням на новой дороге можно видеть целые вереницы машин, на которых сотни горожан приезжают в лес.

Здесьняя тайга щедро одаривает людей своими богатствами. А люди относятся к ней не всегда по-хозяйски. Создалась реальная угроза основным природным богатствам. Драги раскапывают русла рек, перегораживают их плотинами. Отработав один участок, передвигаются на следующий, не восстановив раскопанное русло. В таких условиях рыба не может подняться до своих нерестилищ.

Водоохранная роль горных лесов общеизвестна. Все знают, как трудно вырастить новый лес на оголившихся склонах. Есть ли смысл вести здесь промышленные рубки? Я уверен, что, оголив склоны Конжаковского и других камней, мы навсегда загубим красоту этих гор.

А кедровники? Все лесные законы стоят на страже кедра, зеленого исполина. Однако, вопреки им, кедр здесь рубят. Не лучше ли вести рубку лишь в целях ухода за кедровниками? Тогда и древесины сопутствующих кедру пород будет достаточно, и кедровники превратятся в своеобразные сады. Нужно всерьез заняться и прижизненным использованием кедра.

Об охотничьем промысле стоит сказать особо. Существующее здесь промысловое хозяйство — промхоз — не имеет достаточного количе-

ства квалифицированных кадров. К промыслу лосей оно привлекает охотников-любителей. В результате варварского отстрела лосиное поголовье сильно страдает.

В прошлом промысловом сезоне в угодьях промхоза на лосей охотилось девяносто человек. Девяносто человек ежедневно бродили с ружьями в местах лосиных отстоев, там, где зверю нужен абсолютный покой!

Один очень деловой и достаточно серьезный товарищ сознался мне как-то, что на людей, пекущихся об охране природы, он смотрит как на вредных чудаков.

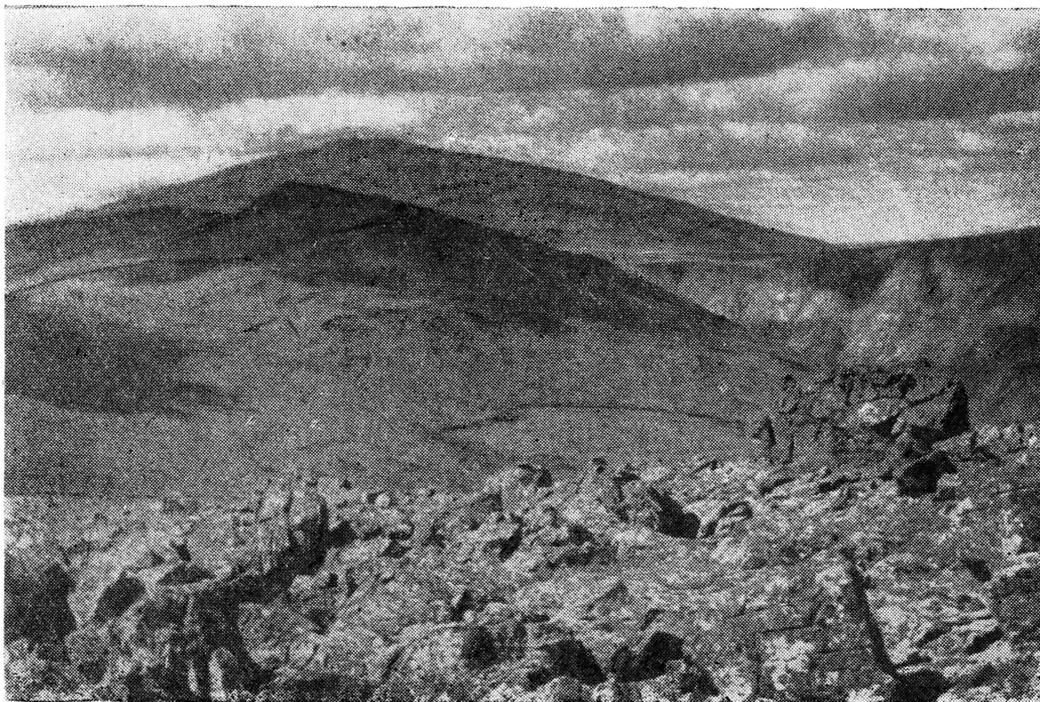
— Чего они лезут со своими памятниками и ландшафтами? — недоумевал он. — Зачем путаются в ногах у промышленного прогресса? Вред один получается. Так сказать, не в наших силах остановить эту машинку.

А мне лично такая диалектика не нравится. Это диалектика людей, привыкших быть исполнителями, наемными шоферами, позабывшими, что они хозяева и машины, и самой земли. У них всегда в запасе есть отговорка, что со своими служебными обязанностями они справляются, а остальное — не их дело. Начальству-де видней!

Но ведь есть и еще одна, самая священная обязанность гражданина — беречь родную землю! Мы нашу землю плохо бережем.

Взгляните на карту Урала. Десятки рек берут начало с восточного склона. А есть ли среди них такая, которая не засорена лесосплавом, не загрязнена промышленными и хозяйственными стоками? Ведь в некоторых из них вода не пригодна не только для питья, но даже для орошения полей.

Это лишь один пример того, как неразумно мы относимся к своим богатствам.

Мне вспоминаются стихи поэта о Чусовой. Рисуя картину ужасающей бесхозяйственности, он говорит:

Я гляжу с сыновьим сожаленьем
На тебя, уральская река.
Пусть мои стихи, как заявленья,
Разберет Президиум цека.

В нашем случае, когда речь идет о сбережении богатств Конжаковского горного узла, может быть, нет причин обращаться с заявлениями непосредственно в цека. Но областные организации, ведающие охраной природы, следует беспечно коить.

Надо просить Управление лесного хозяйства, нельзя ли перевести все леса Кытлымско-Сухогорского массива в первую группу, а необходимую древесину добывать в местах более отдаленных. Надо заставить рыбную инспекцию и Управление охотничьего хозяйства позаботиться о рыбных и охотничьих богатствах. Надо просить Областной Совет депутатов трудящихся взять под защиту закона весь природный комплекс Конжаковского узла.

Охотничьи племена, обитавшие на Урале до прихода сюда русских, выделяли из числа лучших охотничьих угодий особые урманы, где всякая охота была запрещена. Таких мест на Урале было множество. Кроме культовых, религиозных причин, выделение «священных» урманов имело и определенный практический смысл: здесь сохранялись животные, которых на другой территории безжалостно истребляли.

Мы, сегодняшние жители земли, не верим в лесных духов, научились добывать свой хлеб

без помощи лука и самолова. Но и нам, строителям космических кораблей, необходимы «священные» места. И чем дальше будет развиваться наша промышленность, тем больше таких заповедных мест потребуется. Одним из них должен стать Конжаковский горный узел.

Об организационных формах, о том, как юридически оформить его неприкосновенность следует подумать особо. Здесь нужно прислушаться к мнению специалистов. На мой взгляд лучше всего создать что-то наподобие заповедника. Но не того ведомственного заповедника, где занимаются лишь на-

укой, отгородившись от всего мира строгими аншлагами и кордонами. Нужен заповедник, где люди могли бы учиться бережному отношению к природе, любить свой край, познавать тайны природы.

С каждым годом растет число туристов, посещающих Конжак. Мой приятель Половников подсчитал, что за лето мимо его избушки на реке Тылай прошло более трехсот туристских групп. Идут они своими маршрутами, ни с кем не согласовав их, не имея ни в начале, ни в конце пути элементарного пристанища. Мне могут, конечно, возразить, мол, зачем оно туристу, ему под каждой елкой дом родной? Может быть, это и так, но горько было смотреть, как мои попутчики рыскали по Кытлыму в тридцатиградусный мороз в поисках ночлега.

И еще, хотя бывалые альпинисты и утверждают, что высота полторы тысячи метров — детская забава, однако зимой эта забава может для начинающих туристов кончиться весьма плачевно. Подобные факты уже были.

Позаботиться о том, чтобы у людей, приехавших издали любоваться красотой нашего края, остались хорошие впечатления и об Урале и об уральцах, — наше дело. Конжак должен стать не только красивейшим, но и культурнейшим уголком уральской природы.

А пока — Конжак просит помощи!
И она должна быть ему оказана.

Автор этого очерка охотовед Г. Бабаков поднимает очень важный вопрос — о сохранении для будущих поколений одной из жемчужин Среднего Урала — природного комплекса в районе Конжаковского Камня. Не скажут нам спасибо потомки, если мы неразумным хозяйствованием доведем эти места до полного истребления. Нужно заботливо, истинно хозяйское отношение к богатствам края.

Мы приглашаем наших читателей, всех тех, кому дороги судьбы родной природы, выступить на страницах журнала со своими предложениями о том, как лучше, разумнее использовать примечательности Конжака, что нужно сделать, чтобы сохранить их.

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

„ледопыта“

Перед публикацией очерка Г. Бабакова редакция познакомилась с ним «заинтересованных лиц» — ученых, хозяйственных работников, лесоводов, туристов...

— Ваше мнение, товарищи? — спросили мы их. — Что надо сделать, чтобы сохранить растительный и животный мир Конжаковского Камня?

Этот вопрос стал темой большого разговора, с которым мы и знакомим читателей.

Первой взяла слово кандидат биологических наук, старший научный сотрудник института биологии УФАна Мария Михайловна Сторожева:

Я считаю, что автор прав в своих выводах. Незабываемая красота кытлымских горных ландшафтов может смело поспорить с прославленными ландшафтами Швейцарии и Тироля в Западной Европе. И, конечно, не случайно Кытлым и его Конжаковский Камень привлекают туристов со всей нашей страны и даже из-за рубежа. Весь этот район — классическая местность уральского туризма.

И не только туристы привлекает Конжак, но и нас, биологов. Комплекс Кытлымского Урала открывает перед биологической наукой большое поле деятельности. Район между Качканаром и Денежкиным Камнем — это район, равного которому по богатству и красоте на Урале, пожалуй, нет.

Вершины гор здесь покрыты горной тундрой, образованной арктоальпийскими растениями, спустившимися с севера по Уральскому хребту. Время их появления в этой части Урала совпадает с ледниковой эпохой, когда на Конжаке и других горах лежали еще ледники.

В среднем же поясе гор встречаются, наоборот, растения южного происхождения. Даже зашедшие с Кавказа. Как раз у подножия Конжаковского Камня скрещиваются границы ареалов сибирских, сибиро-американских и европейских растений. Много здесь и эндемичных уральских видов, то есть растений, встречающихся только на Урале и нигде больше в мире.

Таким образом, здесь представлены все зоны Урала: лесной горно-таежный пояс, субальпийское криволесье и горные луга, горные тундры. Элементы здешней флоры, имеющей различное происхождение, создают уникальные сочетания.

Северная часть Среднего Урала издавна привлекала к себе ученых. Здесь побывали академики П. С. Паллас и Иван Лепехин. Ботанические исследования П. Н. Крылова, работавшего на Денежкином Камне в 1876 году, до сих пор служат современной биологической науке. Тем не менее здешняя флора еще мало изучена.

Интересен Кытлымский Урал и в историческом отношении как перевальный пункт из Европы в Азию. До XVI века здесь проходили пути русских в Зауралье и Сибирь.

Несомненно, что горы таят в своих недрах богатые запасы платины и других ценных металлов.

И тем обидней, что гибнет такой неповторимый край.

За последние годы Ново-Лялинский и Североуральский леспромхозы стали вести сплошную вырубку лесов на самом хребте, забывая о их огромном водоохранном и почвозащитном значении. Уже вырублены леса в самых истоках реки Катышер. Это, несомненно, поведет к обеднению горных рек. И, что самое страшное, — вырубается кедр.

Справедливы обвинения и в адрес туристов. Они захламляют места ночевки, уничтожают редкие растения, от туристских топоров и костров гибнут двухсотлетние кедровые великаны.

Нужно сохранить всю эту уникальную территорию, особенно ее растительный и животный мир. И только путем создания в горах Кытлымского Урала заповедника. Это позволит более разумно и дальновидно использовать его природные богатства.

А вот что говорит энтузиаст уральского кедра ученый-лесовод Михаил Филиппович Петров:

— Обидно и больно смотреть на отношение лесозаготовителей к кедру. В Кытлымском и Сухогорском лесничествах кедровники занимают площадь около 13 тысяч гектаров. В лучшие годы они дают тысячи тонн товарного ореха. Причем учтите, что кедр плодоносит не год, не два, а начинает плодоносить с 90—100-летнего возраста, и лишь только после 250—300 лет урожайность его снижается.

Пригодны кедровые леса и для непрерывной подсосочки, для добычи кедровой живицы, не связанной с вырубкой лесов.

Вот почему заслуживает внимания предложение о создании комплексного предприятия — «Уральского кедрогорода», на которое можно бы возложить заготовку ореха, добычу кедровой живицы, создание садовых кедровников и перспективных плантаций.

К сожалению, к такому предложению не прислушивается управление лесного хозяйства, хотя для осуществления его составлена необходимая документация и сделаны расчеты, доказывающие целесообразность и выгоду создания такого предприятия.

А тем временем в уникальном горном кедровом массиве идет хищническое истребление этого природного богатства. В центр Кытлымских кедровников, прилегающих к Конжаковскому Камню, врубился Карпинский леспромхоз, а с востока ведет сплошные вырубку кедр Лобвинский леспромхоз.

Территории, прилегающие к Конжаковскому Камню, нужно перевести на заповедный режим, только тогда мы спасем кедровые леса!

Заинтересованно отнесся к поднятой теме и директор бывшего заповедника «Денежкин Камень», ныне директор Салехардского научно-исследовательского стационара УФАНа Н. С. Гаев:

— Да, только заповедник поможет сохранить Конжаковский Камень и весь Кытлымский Урал. На стороне этого предложения подписанный еще В. И. Лениным и Я. М. Свердловым декрет о лесах, обязывающий нас, советских людей, заботиться о сохранении лесов и их увеличении. Вскоре после установления Советской власти В. И. Ленин подписал также декреты о создании Астраханского заповедника и государственного Ильменского.

Сегодня ощущаемый на Урале водный голод и обеднение фауны промысловых видов животных заставляют серьезно задуматься о будущем наших лесов.

В уральских горах выпадает много снега. Снежный покров в горах достигает двух метров. Это значит, что во время таяния с каждого трех квадратных метров склона сбегает тонна воды. Вода — сокровище не только в пустыне. «Водный голод» следует по пятам неумеренных рубок леса. Он уже виден по уровню наших уральских рек. Это предвидел еще Д. И. Менделеев, который писал, что «истощите тут леса — пустынями станут не только самые горы, но и плоскости... На Урале никоим образом не следует запускать даже начала истощения лесов». Эти слова великого ученого нужно особенно запомнить нашим хозяйственникам.

Поэтому нам нужно восстановить заповедник «Денежкин Камень».

В свое время он был замечательной лабораторией в природе. Мы занимались изучением динамики древостоев, проводили инвентаризацию его флоры и фауны. Вели учет численности промысловых животных и фенологические наблюдения. Данные учета отражены в летописи природы, которая велась 14 лет. Был создан и музей природы. Научная библиотека насчитывала 4 тысячи томов.

Сотрудники заповедника занимались охраной и изучением лесов, почвы, луговой и болотной растительности, ископаемых, ценных для народного хозяйства зверей: соболя, куницы, лося, северного оленя, птиц, проводили работу по акклиматизации промысловых видов животных (речной обобр, выдра и т. д.).

Надо заметить, что расходы на содержание штата заповедника не превышали 18 тысяч рублей в год. Лесхозы только на охрану такого количества лесов (147 тыс. га) обычно затрачивают больше средств.

Но заповедник, однако, все же ликвидировали. Восстановить его еще не поздно, так как леса еще не все вырублены.

А вот управляющий трестом «Серовлес» Виктор Андреевич Никитин на природу Конжаковского Камня смотрит иначе — с «сугубо деловой точки зрения»:

— У Конжаковского Камня мы вырубам ежегодно до 90 тысяч кубометров леса. А всего Североуральский леспромхоз даст в этом году около 600 тысяч кубометров. В этом районе будем работать и дальше. Будем капитально рубиться в здешние леса. Работы лесозаготовителям, по нашим подсчетам, лет на 15. Конечно, придется обрубить все горы. Кедровники? Ну, иногда и они попадают под топор, но пытаемся оставлять кедровые зоны. Что касается возобновления лесов, то ведь 45 процентов леса «самовозобновляются». Заповедник, говорите? Дело, конечно, хорошее, но стране нужен лес, и этим все сказано...

Начальник охотничье-промыслового управления при Свердловском облисполкоме Василий Иванович Гаев говорит:

— Меня тоже глубоко волнует проблема лесов на севере области. Места эти богаты зверем и птицей. Но, конечно, рассуждать так, как рассуждает товарищ Никитин, не следовало бы.

Ведь, наряду с задачами по увеличению заготовок леса, директивами XXIII съезда КПСС о развитии народного хозяйства страны на предстоящее пятилетие предусмотрены меры по усилению охраны природы для более эффективного использования ее богатств.

Одной из многообещающих форм комплексного использования таежных сокровищ является организация государственных промысловых хозяйств.

Урал издавна славился пушниной, добывалось много соболя, хорошие урожаи приносит кедр, непочатый край ягод и грибов. А уральский лось, северный олень, рябчики, глухари, водоплавающая дичь? Ничего этого на прилавках наших магазинов нет. Консервы

из той же брусники или клюквы поступают к нам из Белоруссии.

У нас в области действует уже три промысловых хозяйства, в том числе один в районе Кытлымского Урала. Последний встал на прочный путь рентабельности, дает приличное количество ягод, грибов, дичи.

И, конечно, если рассудить с экономической точки зрения, то сохранение лесов выгодней, чем их вырубка.

Как-то лесозаготовители, облюбовав леса Лявдинского соболино-бобрового заказника, пытались организовать здесь лесопункт. Мы очень просто доказали, что заказник даст за 80 лет (время восстановления леса) в 5—7 раз больше, чем одновременная рубка леса. С нами тогда согласились.

Сейчас такой вопрос стоит и в отношении Конжаковского Камня. За 80 лет находящийся здесь Кытлымский госпромхоз даст стране в

5—7 раз больше, чем стоимость заготовленного леса. Причем нужно учесть, что для восстановления горного леса нужно не 80 лет, а 120—140. Он же растет в более суровых условиях.

Теперь второй вопрос: охота. Слов нет, это хорошее занятие. Но давайте посмотрим, как те же карпинские охотники относятся к богатствам уральской тайги? Можно смело сказать, что большинство их не соблюдают правила охоты и нормы отстрела. По нашим данным, только в Североуральске за последние десять лет продано 2700—2900 ружей, в Карпинске — 2000—2500. А сколько ружей у жителей поселков, если только в том же Североуральске в прошлом году зарегистрировано 1200 ружей! Много и браконьеров, пользующихся ружьями в любое время года.

Кроме того, в сезоны охоты в район Конжаковского Камня прибывают сотни охотников из Нижнего Тагила, Серова и других городов. Вот и представьте себе канонаду, выбивающую все живое в этом районе.

Выводов напрашивается много. Нужно принять меры к сохранению леса, к запрещению охоты в этом районе.

Наконец, неплоха и мысль об организации заповедника. Но — с сочетанием госпромхоза. В таком случае выгода будет больше. Ведь госпромхоз сегодня имеет на охрану и воспроизводство всего лишь 3 тысячи рублей. Это ничтожная сумма.

Заповедник с госпромхозом более умело поведут работу по сохранению этого уголка природы, по воспроизводству леса и зверя. А пока одни заградительные посты и шлагбаумы госпромхоза, которые он выставляет на пути браконьеров, — плохая защита для природы.

Интересует, конечно, «проблема Конжака» и туристов Урала. Поэтому слово в разговоре попросил Валерий Степанович Шеломов, председатель клуба туристов Уралмашзавода:

— Сегодня тысячи уралмашевцев занимаются туризмом. И они предпочитают отдыхать не в Крыму или на Кавказе, а у себя на Урале. Конжаковский Камень — неперемное место наших походов. Много уралмашевцев побывало здесь, но еще больше хотя бы бывать.

И, конечно, мы — за сохранение Конжаковского Камня, за использование его как места отдыха для трудящихся индустриального Урала. Конжаковский Камень, как и Денежкин Камень, нуждаются в специальной защите. Это в интересах всех уральцев.

Здесь, может быть, следует использовать опыт польских, английских, североамериканских, африканских и других заповедников — так называемых национальных парков, учитывающих интересы туристов.

Поэтому и нам здесь надо наметить трассы трудных и облегченных маршрутов, создать палаточные городки и автостоянки. А лучше всего открыть хорошо оснащенную туристскую базу. Она окупит себя.

Наш клуб, все туристы завода, могут оказать всяческую помощь. Да и туристские клубы Североуральска, Карпинска, Серова, Нижнего Тагила и других городов помогут. Нужно только подсказать, что и как нам делать.

Беседу заканчивает ректор Уральского государственного университета, доктор биологических наук профессор Борис Павлович Колесников:

— Предложения ученых по Кытлымскому Уралу сводятся к тому, что весь этот район, включая бассейн реки Лобвы и верховий ее притока — реки Йов, следует объявить заповедником и категорически запретить на этой территории производство сплошных концентрированных вырубок леса. Для этого необходимо войти с предложением в Совет Министров республики о переводе лесов этой территории в I и частично во II группы, как горных лесов, имеющих водоохранное и комплексное защитное значение.

А до того, как такой перевод совершится, можно разрешить заготовку леса только на определенных условиях. А именно: рубить узкими лесосеками (шириной до 100 и длиной не более 500 метров) и только на склонах не круче 15—20 градусов. Можно разрешить пока и так называемые выборочные и постепенные рубки, но обеспечить при этом всемерное сохранение подроста — той «мелочи», что растет под пологом старого, вырубаемого леса.

Конечно же, нужно категорически запре-

тить рубку кедровников. Их следует выделить в специальное хозяйство, для которого правильными решениями установлен особый режим пользования.

Другое наше предложение — провести научно-краеведческое изучение Кытлымского Урала. Это необходимо для обоснования вопроса об организации здесь государственного комплексного заповедника или заповедного народного парка. Надо предварительно определить его границы, разработать основы индивидуального положения о заповеднике.

Такое изучение можно было бы провести силами краеведческой экспедиции при участии областного совета краеведения, общества охраны природы, свердловских отделений Всесоюзных географического и ботанического обществ, УФАНа СССР, географического факультета педагогического института и других заинтересованных организаций.

Частичное или полное заповедание Кытлымского Урала обязательно! Биолого-географическим научным учреждениям Свердловска пора обратить внимание на Кытлымский Урал и приступить к его систематическому изучению.

Весь комплекс научных задач такого изучения трудно сформулировать, но он, очевидно, должен включать целый ряд вопросов.

Прежде всего нужна научная инвентаризация всех классов и групп флоры и фауны, с выяснением особенностей исторических путей их формирования, а также картирование растительного покрова и глубокое изучение типов растительности (лесной, горно-тундровой) для научного обоснования методов их сохранения, рационального использования и восстановления с повышением продуктивности.

Необходимо стационарное изучение различных элементов всего природного комплекса для выяснения особенностей ритмов и закономерностей его жизни и развития, а также экологическое изучение животного мира территории, особенно таких ценных видов, как лось, медведь, соболь, белка, некоторых полезных насекомых, как, например, муравьев.

Перед туристами на первых порах надо поставить одну самую главную задачу: бережно относиться к природе Кытлымского Урала, не допускать ее разрушения и засорения.

Запись вел А. МОТЫРЕВ

В С Л Е Д У Ю Щ Е М Н О М Е Р Е :

...«На пороге командного пункта появляется начальник штаба.

— Связь с Мадридом есть? — спрашивает он строго.

— Самсонов у аппарата.

— Скажите...

Но Самсонов не дал мне дослушать.

— Идут!.. Три... пять... — раздается в трубке.

— Курс! — настораживается начштаба.

— Курс! — переспрашиваю у Самсонова и слышу в ответ:

— Девять... пятнадцать... На Мадрид!

— На Мадрид пятнадцать!

Начштаба как ветром сдуло. На поле уже рокочут моторы. Через минуту истребители отрываются от земли и, рассекая со свистом воздух, проносятся над головой.

А из Мадрида опять:

— Двадцать семь изменили курс, идут на вас!

Я бросаю трубку и выбегаю из комнаты. Начштаба стоит около дежурного звена Сережи Черных. Заметив меня, он взглядывает на небо. Фашистские бомбардировщики уже появились на горизонте. Звено Черных запускает моторы. На аэродроме все пришло в движение...»

Это — отрывок из воспоминаний участницы испанских событий 1936—1939 гг. Е. А. ПАРШИНОЙ. Они публикуются в следующем номере и называются «РАЗВЕДЧИКИ».

«ТРУЖЕНИК РЕВОЛЮЦИИ» — так называется очерк М. БУКИНОЙ и Ю. ПОСТНОВА о пламенном коммунисте, революционере-подпольщике, герое гражданской войны на Урале, неутомимом участнике восстановления хозяйства края и социалистического преобразования его — Борисе Владимировиче Дидковском. Многие следопыты Северного Урала собирают материалы о героическом походе красногвардейского отряда Дидковского через Уральский хребет зимой 1918 года. В очерке они найдут новые материалы об этом походе.

Очерк печатается в следующем номере.

ОТКУДА

ЭТО СЛОВО

Когда мы говорили о слове «гоить», то пришли к выводу, что оно восходит к тому же корню, что и «жить», хотя насколько на него не похоже¹.

Таких «незнакомых знакомцев», а вернее — корней-братьев, различившихся давно и до неузнаваемости изменившихся, в уральских говорах немало.

Например, **оплеть** — обгореть: «Повесил вачеги-те над железной печкой сушить, а оне оплели»; «Пожар погасили, только углы у избы оплели». Плеть относится к тому же корню, что и палить, пламя, пепел. Или вот еще уральское словцо — **запука**. «Я сроду ни в какие запуки не верю»; «Это все бабы запуки». **Запука** означает — примета, предзнаменование; оно было в древнерусском языке: «Остерегаться запуки, волхования и всяческих кобий» (чар, наговоров), — читаем мы в одном древнерусском документе.

Откуда это слово? Корень в нем тот же, что в словах **путы**, **препятствие**, **запятая**, **путать**; корень **пут** — **пят** — означал мешать, затруднять, запрещать, связывать. Следовательно, «запука» — первоначально помеха, а затем стало обозначать запрет, дурная примета.

Слово **потка** означает птичка. Корень здесь тот же, что в словах **птица**, **птичка**, только, как говорят лингвисты, на другой ступени чередования: в **потка** есть «о», а **птица** — без него. Сравните: **сбор** и **собрать**, **уборка** и **убрать**, **посол** и **послать**.

На Урале нередко встречается фамилия **Поткин**, но ее почему-то пишут неправильно — **Подкин**. Слово **подка** нет, а есть **потка**; значит, **Поткин** — это, так сказать, **Птичкин**. И еще одна уральская фамилия — **Селетков**; она происходит вовсе не от слова **селетка** (хотя

многие пишут неправильно — **Селетков**), а от древнерусского **селеток** — «жеребенок, родившийся в этом году, сим летом». Значит, **Селетков** — это **Жеребенок**!

Но о фамилиях речь будет особо, а пока вернемся к «незнакомым знакомцам».

Слово **облой** — мокрый снег, снег пополам с дождем. С каким корнем оно родственно? С тем же, что в глаголе **лить**. Чередование и-ой мы уже наблюдали в словах **жить** — **гоить**, а также сравните **бить** — **бой**... (**Облой** буквально — обливание; действительно, мокрый снег может промочить не хуже дождя.) Корень **лой** дал еще такие ветви: **пролой**, **промоина**, **рытвина** с **водой**, **полой** — **поток**, **сулой** — **сусло**, **невыбродившее пиво**. В древности было слово **лой** — **жир** (первоначально — то, что льется, текучее). А в литературном языке есть слово **слой**, которое значило **сливание**, а потом уже **пласт**. Слово **онавиться** в пермских говорах означает **сильно устать**, **утомиться**, **обессилеть**: **онова**, — **утомление**, **усталость**. Оно родственно глаголам **ныть**, **унывать**, прилагательному **унылый**. Здесь мы видим чередование **ы-ав** (сравните **плыть** — **плавать**; **прибыль** — **прибавка**; **слыть** — **слава**).

В древности существовало слово **навь** — **мертвый**; следовательно, **онавиться** значило **сперва смертельно устать**, а затем просто **сильно устать**.

Среди «незнакомых знакомцев» есть и такие, которые полностью совпадают по звучанию с известными нам словами, но имеют совсем другое значение.

Веко — **покрышка** (от **берестяного сосуда** — **туеса**) в этом значении известно в древнерусском, чешском, польском, словенском и других славянских языках; а современное — «**кожистая складка**, **прикрывающая глаз**» — стало применяться позднее.

Древнее значение слова **вар** — жар, зной сохранено в уральском **вар** — **кипяток**. А в литературном языке это — **смола** (первоначально — «то, что сварено»).

Уральское **изумиться** означает сойти с ума: «Ты что, изумился, што ли, босиком на снег выбегаеш?». В древней Руси глагол **изумиться** употреблялся именно в этом значении, а лишь впоследствии он стал равен удивляться.

Древние значения уральский говор сохранил во многих словах. Вот еще примеры; **губа** — **гриб** (отсюда **губница** — **грибной суп**); **соха** — **жердь** с **развилкой** (отсюда **сохатый** — **лось**, названный так из-за рогов); **стая**, **стаяка** — **хлев**, **загон** для скота (древнерусское **стая** означало то же); **строка** — **овод**, **слепень** (от древнерусского **стрекати** — **колоть**, **щипать**).

Есть еще одно интересное слово: **волна** с ударением на **о**; означает оно «**овечья шерсть**»; но, по мнению ученых, оно ничего общего не имеет с **волной**, хотя очень на нее походит. Это совсем самостоятельное слово. Внешнее сходство бывает обманчиво. Так, например, **руно** — **овечья шерсть** ничего общего не имеет со словом **руно** — **стая рыб**: «**рыба руном ходит**». Точно так же слова **лук** — **растение** и **лук** — **оружие**; **ключ** для открывания замка и **ключ** — **родник** совсем не родственны. Они просто совпадают по звучанию.

Много в уральских говорах слов, заимствованных из разных языков — татарского, удмуртского, коми, мансийского, хантыйского. Это и понятно: русские поселенцы, осваивавшие Урал, многое переняли у коренного населения. Но об этом речь впереди.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

¹ Смотрите «Уральский следопыт» № 5, 7 за 1966 год.

Ромашки

Поля, поля...

А рядом с дружной озимью
колышутся ромашки белым озером.
А желтые глазки,

как блики
солнца,

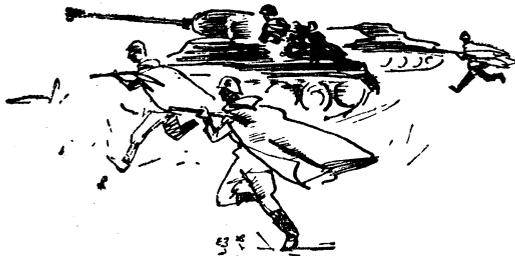
и озеро поэтому смеется.
Я в волны снежно-белые бросаюсь,
и плаваю,

и лепестки
ласкаю,
и забываю сразу об ошибках,
о неудачах,

синяках и
шишках.

Мне хорошо!

И холодно, и жарко!
Целебный аромат глотаю жадно.

Как густо пахнут

эти волны
белые
землей,

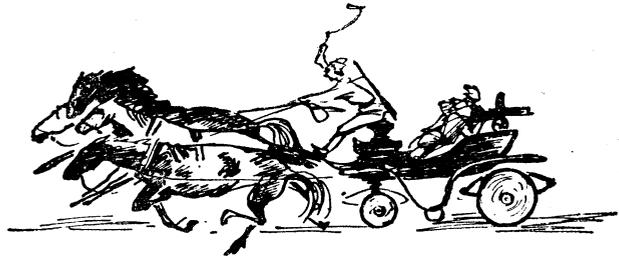
от ран и
шрамов
загрубелю,
пропитанной

соленым
русским
потом,

и кровью,
и бензином самолетов!
По ней ходили

тракторы
и танки,
носились, будто

молнии,
тачанки,

в лаптях ее топтали и в ботфортах,
гуляло чужаков по ней до черта!
А это...

Очень тонкий запах кожи...
Под голову седло ему подложено,
он спит,

великий князь
земли

российской,
в ромашках белолиственных росистых,
А утром прогремит:

— Иду на вы!

И печенег
лежит
без головы...

О, запахи ромашковой волны!
Вы горестью и радостью полны,
величием

и силой не

простой...

Я пью и пью целебный ваш настой!

СКУЛЬПТУРЫ НЕПТУНА

НА заре геологии установлено, что в формировании лика Земли участвуют породы осадочные и кристаллические, изверженные. Наши предки считали, что строительный материал для осадочных горных пород поставляет бог океанов Нептун, а глубинные изготавливает в подземных кузницах Плутон. Причем, первые принимают наиболее причудливые формы. Ну, вспомните хотя бы живописные скалы, похожие на замки, развалины дворцов, ископаемых чудовищ или же на огромные статуи людей... Правда, большая доля труда принадлежит здесь третьему, веселому богу древних греков, — Эолу.

Но есть «скульптуры», которые лежат в земле. Изготавливает их Нептун единолично.

Если побывать на старых песчаных карьерах Урала, то можно найти множество причудливых изделий из кварцевого белого песка, превращенного в камень. На сухом языке геологов они называются фигурными секрестиями и могут украсить витрину художественного музея.

Конечно, их никто не примет за изделия человеческих рук. Хотя...

Хотя однажды в моей практи-

ке произошел удивительный случай, когда Нептун посмеялся над людьми.

Это случилось в поселке Мотыгино на Ангаре. В контору геологической экспедиции приехал с песчаного карьера машинист экскаватора и сказал, что из забоя ковш вынул какие-то диковинные сосуды из обожженной глазированной глины. Мы тут же отправились в карьер, решив, что обнаружена какая-то древняя стоянка человека.

Прошло много лет, а я как сейчас вижу груды крупных «амфор», вывороченных экскаватором из галечника. Круглые, с горлышками или без, емкостью от пол-литра до двух. Снаружи «посуда» была слеплена топорно, словно наспех, с выступавшими по поверхности камешками. Но внутри сплошь покрыта блестящей полировкой, как оказалось, состоящей из окислов железа. Необыкновенно красивыми были «вазы» из белого песка с вкраплениями темного галечника, полные ярко-красной «эмалью» изнутри.

Многие специалисты задумывались над образованием мотыгинских «амфор», отличавшихся от других распространенных фигурных секретрий своими уникальными внутренними пустотами. Но пока так и не известно, как они возникли.

К. ФЛУГ, геолог

В ПОИСКАХ ИСЧЕЗНУВШИХ РУДНИКОВ

ШКОЛА № 91 находится на окраине Перми, в Новоплоском поселке. Гордость школы — музей, созданный членами следопытского клуба «Алмаз». А в музее одно из самых почетных мест занимают образцы медистых песчаников, которые ребята нашли, исследуя старые заброшенные рудники.

Сто, сто пятьдесят лет назад Прикамье славилось медистыми песчаниками. Со временем месторождения истощались, медеплавильный центр Урала переместился на восток. Рудники оказались забытыми и затерянными.

Но вы спросите, зачем же их исследовать, изучать?

Был такой случай в Перми: жилой дом, уже готовый принимать новоселов, стал оседать, дал трещины. Так и стоит он до сих пор незаселенный. А причина? Оказалось, здание поставили над заброшенным рудником.

Значит знать, где были раньше рудники, — очень важно для проектировщиков новых промышленных и жилых районов. Кроме того, поиски рудников связаны с изучением истории района.

Вот почему следопыты школы № 91 взялись за это интересное и сложное дело. За три года они нашли, описали, составили схемы девяти исчезнувших медных рудников.

Ребята начали исследование с территории, прилегающей к школе. В воспоминаниях старожилов проскальзывало упоминание о том, что некогда их прадеды добывали медные руды прямо «за околицей». Но никто не мог указать даже приблизительно место. Восемидесятипятилетний Иван Филатович Толстикова сообщил ребятам, что забои находились на глубине 18—20 саженей (более 40 метров), недалеко от поселка. И следопыты прошли метр за метром не одну версту. В конце 1965 года во время землеройных работ на Пионерском проспекте глубокая канава пересекла места отвала. Выяснили, что медная руда поступала отсюда на знаменитый Егошихинский медеплавильный завод, основанный в 1723 году. С этого завода и началась, собственно, Пермь.

Название рудника не дошло до нашего времени, следопыты сами назвали его Данилихинским, по имени протекающей рядом реки Данилихи.

А о существовании Ново-Троицкого рудника рассказала шестидесятилетняя Вера Сергеевна Костарева. Точных координат она не знала. Поэтому ребята обратились в Пермский краеведческий музей. На карте 30-х годов XVIII столетия рудник обозначен в верховьях реки Урвы. Но когда пришли на предполагаемое место, никакой речки, даже ручья, там не оказалось. Это было ровное, слегка всхолмленное в одном месте поле, на которое со всех сторон надвигаются кварталы трех-, пятиэтажных домов. Решили исследовать небольшую возвышенность. И здесь-то нашли куски медистого песчаника. Холмики — это отвалы, выбросы пустых пород и плохих руд. Судя по величине, подземные выработки были больших размеров.

Благовещенский рудник — самый крупный из тех, с которыми ребятам приходилось встречаться. Работы на нем прекратились во второй половине XVIII века. Большие отвалы двухсотлетней давности свидетельствуют о громадных подземных выработках. По склону отвалов валяются глыбы песчаника. Он хорошо слонится, и в местах излома явственно вырисовываются прожилки окиси меди зеленого и местами синеватого оттенков.

Любопытно, что одна из ям остается незаполненной водой даже весной. По-видимому, вода

уходит в ствол шахты через песчаник и затем растекается по горизонтальным воронкам — в каком направлении, трудно сказать. А знать это необходимо: жилые массивы подошли вплотную к руднику.

Субботинские рудники заложены на юго-западе Перми, по правобережью реки Мулянки. Их здесь несколько. Один отстоит от другого примерно на 250 метров.

В записях управляющего горным делом Урала Де-Генина Субботинские рудники упоминаются как главная сырьевая база Егосихинского медеплавильного завода. Хорошо сохранилась площадка рудничного двора. Есть выход родниковых вод — питьевой источник рудокопов. На площадке ребята нашли слиток металла. С большим трудом следопыты проникли в штольню и здесь, на одной из стен, прочли выцарапанную на песчанике надпись: «Мы будем сражаться до последнего!..»

Кто этот свидетель смертельной схватки с врагом? Жив ли он или кто-либо из его боевых товарищей?.. Есть предположение, что надпись сделана в годы гражданской войны, когда Колчаку на непродолжительное время удалось захватить Пермь... Может быть, эта надпись восстановит еще одну из героических страниц истории?!

Высоко оценили работу ребят специалисты и краеведы области. Но точка еще не поставлена. Нынче летом новые походы и новые исследования.

И. СЕРГЕЕВ

А МЕТЕОРИТ ТАК И НЕ НАЙДЕН

СТОЯЛА тихая июльская ночь. Но здесь, в горах, было прохладно. Возле костра у подножия горы Буртым отдыхали геодезист-картограф Н. И. Махалов и проводники-охотники из поселка Кытлым Иван Петелин и Владимир Космин. Позади остался тяжелый путь через каменные завалы, старые горельники.

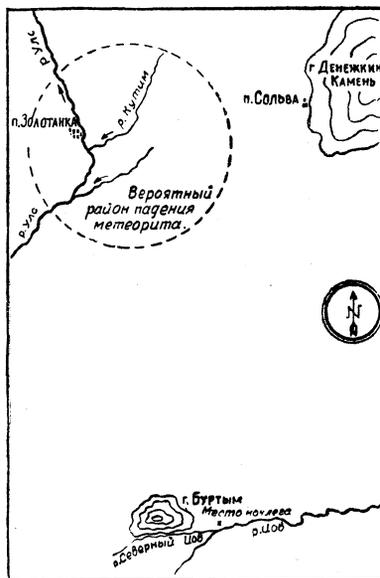
Неожиданно все кругом залил ослепительный свет. Разрезая черноту неба, промчался яркий болид и скрылся за грядями гор, обступивших горизонт. Схватив

компас, Махалов засек место исчезновения болида и машинально посмотрел на часы. Через четыре с половиной минуты до слуха людей донесся глухой грохот: космическое тело врезалось в землю.

Зная скорость прохождения звука, Махалов отложил на карте по азимуту 345 градусов 80 километров и определил примерное место падения метеорита. Гость из космоса мог приземлиться где-то между поселками Золотанка на берегу реки Улс и Солва у западного склона Денежкина Камня. Случилось это 4 июля 1935 года.

Прошло более тридцати лет, но, возможно, что еще живы свидетели — жители поселков Золотанка и Солва. Они уточнят место падения метеорной массы.

И сейчас, когда наступило время каникул и отпусков, следопыты разных возрастов могли бы

включиться в увлекательный поиск. Правда, задача не из легких. Район падения почти не обжит.

Когда будет определено место падения болида, потребуются максимальная наблюдательность, чтобы среди многочисленных камней найти упавший метеорит. Если он железный, то дело упрощается: обычно это бесформенные металлические куски, покрывшиеся ржавчиной. Труднее определить каменный болид. Его поверхность покрыта корой плавления черного или серого цвета. Со временем она приобретает буроватый или даже ржавый оттенок. Один из характерных признаков каменных метеоритов — вмятины-регмаглипты на поверхности.

Уральская комиссия по метеоритам ставит нелегкую задачу. Но среди следопытов, посещающих район Денежкина Камня, много смелых и решительных людей. И, кто знает, может быть, тайна будет разгадана.

Л. ФЕДОРОВ

СМЕРТЬ КРАСНОГОЛОВОГО

Э. БУТИН

Рисунки Ю. Ефимова.

Р а с с к а з

Жара. Пыльные чахлые акации, слепящая глаза белизна купеческих особняков. Церковь, надменно вознесшая свою колокольню в серое горячее небо... Город словно вымер. Лишь просеменит изредка в тени домов сухонькая старушка, затянута в черное, да пробежит обалдевший от жары бездомный пес. Робкий ветерок, вырвавшись из переулка, завихрит неуверенно пыль на безлюдных улицах, подхватит бумажки, листья, поиграет ими лениво и стихнет. Духота. Зной. Пусто даже на базаре. Сиротливо сереют длинные столы и прилавки. Раскрыв клювы, копошатся, купаются в пыли куры да пьяненький местный дурачок Мишка-атаман спит в тени магазина «Чай, кофе и другия колониальные товары».

И только около бывшего купеческого собрания толпится кучка казаков. Спешиваются, привязывают коней к толстому дубовому бревну коновязи и торопятся нырнуть поскорее в тень сиреневого садика. Один из них замешкался, ослабляя подпругу. Его-то и окликнул Санька Арзамасцев, который медленно ехал по самой середине улицы, возвращаясь из форштадта. Под предлогом перековки жеребца он ездил со станичными новостями к тамошнему кузнецу...

— Эй, дядя! Что это коней-то у тебя сколько? — лениво крикнул Санька, ткнув нагайкой в сторону коновязи. — Продай одного!

«Дядя» ничего не ответил, только еще сильнее засопел, возясь с подпругой. Санька, нагнувшись с седла, заглянул казаку в лицо и удивленно воскликнул:

— Дядя Ефим! Чего ты в такую-то пеклу из дома вылез? Да еще у купеческой собрании трешься? А?

Дядя Ефим, который когда-то был Санькиным соседом, а теперь жил на дальнем хуторе, покончил наконец с подпругой, вытер руки о штаны, одернул выгоревшую с темными пятнами пота гимнастерку и недружелюбно посмотрел на Саньку.

— А то и трусь, что надо. Сход тут будет. Красноголовый толковать с казаками собирается, — Ефим расправил усы, сплюнул и в развалку зашагал к сирени.

Санька присвистнул.

«Это надо послушать. Неспроста собираются мужики. Да и Красноголовый зря перед такой оравой горло драть не будет».

— Ефим! — крикнул Санька скрывшемуся в садике казаку. — А во сколь сход-то?

— А пес его знает... — помолчал, ответили кусты.

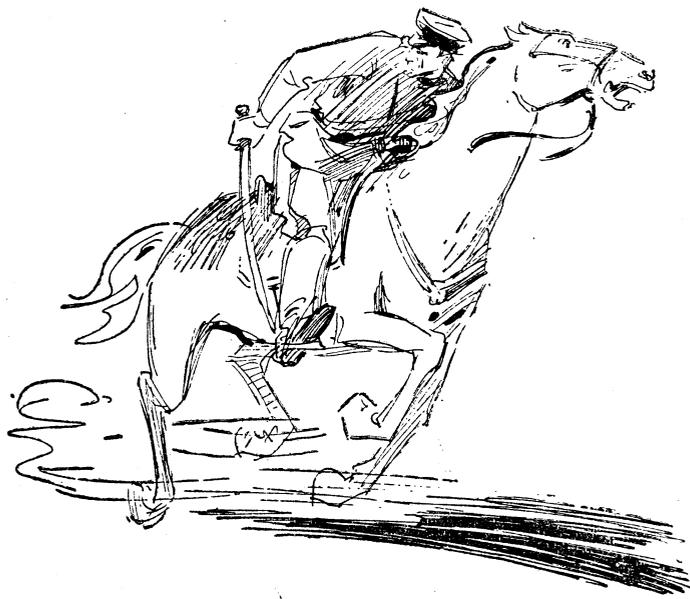
— Ладно, — пробормотал Санька и соскочил с коня. — Будем слушать.

Он привязал своего вороного. Тот заплясал на месте, задрал голову и, скосив глаз, оскалил зубы.

— Ну-ну! Потерпи, дурашка! — улыбнулся Санька и погладил вороного по мягкой бархатистой нижней губе. Потом поправил шашку, подвинул поудобней карабин на спине и, согнувшись, юркнул в прохладную полутьму сирени.

Казаки валялись на траве, радуясь прохладе и возможности вытянуть затекшие ноги. Все они были из дальних станиц, пропылились и порядком поизмотались, пока добрались до города.

Санька осмотрелся. Ефим с незнакомым сонным казаком уже деловито колдовал над огромной четырехгранной бутылью с мутным самогоном. Санька вы-

брал местечко чуть поодаль от них, плюнулся на траву и закрыл глаза. Народ между тем все прибывал. Санька слышал, как подходили еще казаки, здоровались, смеялись, о чем-то балагурили. Постепенно их голоса слились в неясный гул, ровный и однообразный. Санька задремал...

Казаков в садике набилось действительно много. Расположились они обстоятельно. На траве под кустами валялось уже несколько пустых бутылок, на холстинках лежала домашняя снедь, огрызки огурцов, ломти хлеба.

— Едет! — разбудил Саньку чей-то полуиспуганный, полувосторженный крик.

Мужики вскочили и стали с любопытством наблюдать за приближением Красноголового. Солнце вызолотило газыри на черкеске есаула, кубанка, которую он носил и зимой и летом и за красный верх которой получил прозвище, была надвинута на самые брови. Небрежно, боком сидел Красноголовый в седле и, казалось, спал. И его серый, в яблоках, красавец-аргамак, словно боясь побеспокоить хозяина, ступал осторожно, выгнув лебедем шею, зло скосив глаза. Сзади кучкой ехало около десятка бородатых, почерневших от жары угрюмых мужиков — охрана есаула.

Они остановились у крыльца. Красноголовый медленно, словно нехотя, сполз

с коня и, не глядя ни на кого, прошел в помещение. Коня уже подхватили под уздцы чьи-то заботливые руки, отвели к самой стене в тень, чтобы солнце не донимало, привязали там. Вся свита протопала по крыльцу и скрылась в дверях.

Казаки переглянулись и, суетливо собирая свои пожитки, трусцой заспешили к входу.

— Лют! Не в духе сегодня...

В зал казаки входили робко, сдергивали фуражки, кивали приветственно в сторону Красноголового и быстренько рассаживались на стульях.

Санька зашел одним из последних. Снял фуражку. Поплевал на ладонь, пригладил свои выгоревшие соломенного цвета волосы, кивнул головой сперва сходу, а потом в ту сторону, где стоял есаул, и прошел в задние ряды. Казаки, сидевшие впереди, насупились и провожали Саньку взглядами исподлобья. Нельзя сказать, что они ненавидели его. Но Санька был из плохих казаков. Отец его — хозяин не «справный», после войны сгинул куда-то. Ходили слухи, что у красных, под Оренбургом, командует полусотней. Да и сам Санька, когда пришли красные, что-то вертелся вокруг них. Правда, с ними не ушел, но в последнее время зачастил в форштадт, а там, известно, одна рвань, инородцы, краснопузая сволочь... Однако сейчас говорить Саньке ничего не стали. Замерли, повернувшись к сцене, ожидая, что скажет Красноголовый.

А тот стоял, широко расставив ноги, заложив руки за спину и поигрывая стеклом. Был он тощ, но не сутулился, держался прямо, слегка откинув назад голову и ощупывая всех тяжелым взглядом немигающих черных глаз. Желтое испитое лицо его было неподвижно, только иногда верхняя губа дергалась, приподымая франтовато закрученные уски.

Зал понемногу затихал. Казаки — кто с испугом, кто с удивлением — поглядывали на есаула, прятали в кулак самокрутки и осторожно разгоняли дым рукой. Стало совсем тихо.

— Ну-с, господа станичники, казачки-разбойнички, — ровным, чуть-чуть с хрипотцой голосом начал Красноголовый. —

Вы что же это так горячо красную бештанную сволоту полюбили? Жить без них не можете?

Казачки зашущукались недоуменно.

Красноголовый улыбался. И это было страшно. Его никогда не видели улыбающимся. Разве что однажды, когда он стоял на крутом берегу Урала и, похлопывая стеклом по ладони, смотрел, как выстраивали над обрывом неровную цепочку пленных. А потом, когда воздух разорвал нестройный хруст залпа, есаул зевнул, прикрывая из деликатности рот ладонью, и пошел прочь, постукивая стеклом по голенищу своего сверкающего сапога. Красных он ненавидел люто. И не зря Дутов, оставив его здесь, был спокоен и в город почти не приезжал: наместник знал свое дело. Запылали дома казаков, ушедших к красным, скатывались в омут у старой мельничной запруды порубанные тела их родственников, долго висели, покачиваясь на ветру, иссушенные палящим солнцем тела «комиссаров» и «агитаторов», и обнаглевшее воронье недовольно каркало, когда кто-нибудь проезжал мимо, взлетало тяжело и лениво, сыто кружило над площадью. А Красноголовый медленно проезжал, окруженный адъютантами, по улицам замершего городка и сонно посматривал вокруг изпод надвинутой кубанки...

— Ну-с! — снова начал есаул, и улыбка сползла с его лица. — Для нас, а значит, и для вас, — ни людей, ни лошадей нет! А вчера целый эскадрон ваших лихих казачков на конях тайком ушел в горы, на заводы. К большевикам. В Совдепию! — голос его начал дрожать. — И это под вашим носом! Полфорштадта ушло!

Красноголовый с силой ударил стеклом по столу. Пыль золотистым столбиком метнулась вверх и заплясала в ярком снепе солнечного света.

Санька, сидевший сзади всех на подоконнике, улыбнулся про себя и с безразличным видом стал смотреть на улицу. «Добро бы форштадт только, — довольно думал он, — а то, почитай, полстаницы ушло. И какие казаки! Фронтовики. Рубаки».

Два дня назад дядя Михаил собрал всех ночью, достал из-за пазухи бумажку, расправил ее осторожно и, покашливая, зачитал решение комитета. В горах у рабочих готовится наступление, поэтому пора и нашим казакам в путь. И они ушли. Вчера ночью. Хотел и Санька уйти, но

дядя Михаил не разрешил. Здесь тоже люди понадобятся в нужную минуту.

А Красноголовый свирепел. Тихим, шипящим от сдерживаемого бешенства голосом он цедил сквозь зубы.

— Ну, вот что, господа казачки, опора веры и престола. Вы меня знаете хорошо. Оч-чень хорошо знаете! Ваше барахло, вашу землю и вашу вольницу никто защищать не придет. Хотите, чтоб Советы вас в бараний рог скрутили — валяйте Ваньку... Но мы не позволим! Распустились! Ожирели! — все более взвинчиваясь, уже почти кричал Красноголовый.

С первого ряда вдруг тяжело поднялся огромный, лохматый Максим Филлипов.

— Так, господин есаул! Ушел-то форштадт. А какие там казаки? Их там отродясь не было. Инородцы да дерьмо всякое...

— Молчать! — Есаул подскочил к не-

му и сплеча замахнулся стеклом, но удержался под угрюмым взглядом Максима и медленно опустил руку.

— Инородцы? А у вас, станичники, рыльце не в пушку? А? — он пошел назад, но, не дойдя до места, резко повернулся и, впившись в Максима взглядом, добавил: — А не ваш ли бывший станичный атаман в прошлом году здесь воду мутил? А не его ли сынки в красных командирах ходят? И не из ваших ли лихих казачков у красных сформирован отдельный кавотряд?

— Это так! — прервал его Максим. — Пушай. Но ведь у господина Дутова тоже наши люди имеются. И немало. А дерутся, упаси бог как! — Филиппов восторженно покачал головой. Зал зашевелился и зашумел одобрительно.

— Знаю! — оборвал есаул и устало закончил: — А форштадт, это крысиное гнездо, я сам сегодня разгону. Запалю со всех сторон. Есть у меня там пара большевичков на примете, — он опять оскалился, но глаза оставались злыми и настороженными. — Завтра же возле церкви вздерну!

Зал загудел. «Давно пора... Разогнать гадючник... Ишь, на землю пасти-то поразевали...» Максим потерял фуражку, оглядел зал, буркнул что-то, сел и насутился.

Санька насторожился.

«Уж не дядю ли Михаила? — встревоженно подумал он. — Его, кого же еще... Ах, собака, выследил!.. Что же делать?.. Упредить бы надо». Санька облизал пересохшие губы и стрельнул глазами в зал.

Казачки слушали. Красноголовый объявлял о завтрашней мобилизации и необходимости всем собраться для проверки по полной боевой.

Санька слез с подоконника. Ему стало не по себе, в комнате показалось особенно душно. Он посмотрел на окно, щелкнул щеколдой и потянул створки на себя. Давно не открывавшееся окно стонущее закрипело, и в помещение ворвался уличный зной.

В доме напротив — дьяконовы дочки гоняли чай у открытого окна и, зевая, поглядывали на улицу. Увидав Саньку, они заулыбались и жеманно опустили глазки. Санька отвернулся.

А есаул все говорил, роняя слова в зал мерным металлическим голосом. «Вот растрепался! — Санька досадливо поморщился. — Чтоб ты сдох...»

И вдруг эта мысль словно обожгла его. «Сдох!» Саньку аж в пот бросило. Ему самому страшно стало от этой мысли. Но она уже завладела им и разрасталась в Санькином мозгу, словно дразня его. «Сдох!.. Убить!.. Никто не узнает...» Санька осторожно и испуганно оглянулся. Не понял ли кто, о чем он думает? Но на него не смотрели. Санька покосился на есаула и вздрогнул. Ему показалось, что есаул смотрит только на него и только ему улыбается своей хитрой и хищной улыбкой. Санька заерзал на подоконнике и вытер рукавом вспотевшее сразу лицо.

Как его, гада, убьешь? Его и пуля-то не берет... Сколько раз мчался он в атаку, не гибаясь, не прячась за шею коня. А ранен ни разу не был. Заговоренный он, что ли? Дважды стреляли в него здесь, в

городе, и не попали, хотя ездил он всегда шагом и не хоронился. Зато сколько людей потом похватали да постреляли... Но все равно, надо с ним кончать!

Санька зябко повел плечами и снова посмотрел на есаула. «Сегодня же, после схода... Наши ругать не будут... Давно бы его, змею подколодную, надо было порешить, меньше бы кровушки утекло...» И он, приняв решение, стал обдумывать, как выследить Красноголового, где удобней покончить с ним и как быть самому.

В комнату ворвалась вдруг игривая мелодия разухабистой полочки «Ойра-Ойра». Это дьяконовы дочери, изнывавшие от жары и скуки, поставили граммофон на подоконник и направили трубу на улицу.

Сидевшие в последних рядах казаки, полупьяные, разомлевшие от духоты, повернули головы и зашикали, зашипели на Саньку. Тот отмахнулся.

Есаул поморщился и замолк.

— Эй, там, закрый-ка, голубчик, окно! — приказал он.

Санька растерялся от его голоса и неожиданно для самого себя ляпнул:

— А чего закрывать-то. Пуцай так. Все веселее.

Есаул даже замер.

— Закрой! — медленно повторил он.

— Вот еще.— У Саньки внутри все похолодело, но он смотрел уже на Красноголового как на человека, участь которого решена, и поэтому слушаться его считал необязательным. Да и барски презрительный тон его разозлил Саньку.

— Иди сюда, ска-а-тина! — закричал срывающимся фальцетом есаул.

У Саньки напряглись все мускулы. Он не спеша слез с подоконника, не торопясь снял через голову карабин и, прижав его к правому бедру, медленно пошел к есаулу. Зал замер. Казаки со страхом смотрели то на Саньку, то на Красноголового. Санька шел бледный, крупные капельки пота выступили на его облупившемся носу. Есаул, не выдержав, сам подскочил к нему и замер перед казакон, по привычке широко расставив ноги.

— Ты что же это, падлец! Дерзить! — выдавил он из себя.

Санька стиснул зубы.

— Поверни морду, хам! — Красноголовый стеком повернул к себе Санькино лицо и вдруг удивленно свистнул.

— Фью-у! Да уж не ты ли, голубчик, тот добрый молодец, что зачистил в форштадт к большевичкам в гости?

— Большевистский прихвостень! — взвизгнул есаул и резко взмахнул стеком.

Обжигающая боль резанула Санькину щеку, перед глазами поплыли красные, зеленые круги.

— Ах, ты... — выдохнул Санька, а правая рука его уже резко дернула карабин. Есаул отпрянул.

— Ты что?! — испуганно крикнул он, но в плечо Саньке уже мягко ударила отдача, и мушка, дрожавшая между глазами есаула, слегка подпрыгнула вверх.

Есаул как-то странно, подгибая колени, стал заваливаться на бок.

А Санька был уже у окна. Левою рукой, в которой держал карабин, он замахнулся на метнувшегося к стене казачишку и взлетел на подоконник.

Под окном танцевал, взматывая головой, напуганный выстрелом красавец-аргамак. Санька прямо с подоконника плюхнулся в седло. Аргамак присел на задние ноги.

— Н-ну, дура! — простонал Санька, рывком выдернул шашку и, не глядя, рубанул ею по уздечке. Освобожденный конь закрутился на месте, вздымая тучи пыли. А Санька, набросив ремень карабина на луку седла, ловил левою рукой уздечку, а правой рубил и рубил привязи других коней. Те, напуганные, уносились прочь.

— Воронок, за мной!

Санька свистнул, пригнулся, почти лег на холку аргамака и ударил вниз по улице. Хлопнули первые выстрелы, и пули затенькали над Санькиным ухом. Воронок ровным наметом шел следом за аргамаком, и через минуту только облачко медленно оседавшей пыли да разухабистый мотив полочки остались в переулке...

...Красавец-аргамак с разгоряченным, еще дрожащим от возбуждения Санькой уже стлался где-то за городом по дороге, ведущей на север, в горы. Сзади, как тень, почти прижавшись мордой к крупу серого, легко шел Воронок. Санька обернулся назад, бросил шашку в ножны, показал кулак городку и улыбнулся.

А сверху, тяжело ворочаясь, вздыхая и погромыхая, наползала огромная черная туча. И уже где-то вдали поблескивали зарницы, и глухо рокотал дальний гром. По пыльной дороге ударили первые тяжелые капли. Не зря так палило.

ИЗ МАСТЕРСКОЙ
НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РСФСР

В. А. ИГОШЕВА

ЧАБАН.

СТАРАЯ ТУВИНКА.

Народный художник РСФСР Владимир Александрович Игошев часто путешествует. Из недавней творческой поездки в Туву он привез много интересных работ: здесь и горные пейзажи, и бытовые зарисовки и портреты тувинцев. Некоторые из них мы публикуем.

Сейчас В. А. Игошев готовится к зональной художественной выставке, посвященной пятидесятилетию Советской власти. На этой выставке будут экспонироваться и его тувинские полотна.

У КОНОВЯЗИ.

КОЛХОЗНИЦА.

Аркадий Гайдар. Скульптура С. Клюпанова.

Первая встреча

БЫЛО это тридцать четыре года назад. Дальний Восток административно представлял тогда единый край — от юга Приморья до Чукотки. Как ныне на новые земли, на строительство сибирских гидроэлектростанций едут тысячи юношей и девушек, так и в те — тридцатые — годы комсомольцы спешили к берегам Тихого океана: на угольные шахты и лесные участки, на рыбные промыслы и золотые прииски. На берегу Амура молодежь заложила новый город — Комсомольск.

Была и еще одна причина, заставлявшая ехать на Дальний Восток людей стойких, смелых. Японские милитаристы захватили Маньчжурию, северо-восточные провинции Китая. Черной тучей нависли их войска над нашими границами. Не было такого дня или ночи, чтобы у пограничной полосы стояла мирная тишина. И на помощь дальневосточникам съезжались молодые патриоты.

У нас в редакции газеты «Тихоокеанская звезда» работала целая группа опытных журналистов, прибывших из Архангельска, — Борис Шишакин, Петр Кулыгин, Александр Фетисов и другие. Они бывали в тайге, выходили в море с китобоями, летали на колымские прииски. Их статьи и очерки печатались чуть ли не в каждом номере газеты. Я же, самый молодой в редакции, никуда не ездил. Было мне всего шестнадцать лет. Правда, от меня требовали не менее пяти заметок в день, но ни одна из них не шла в газете за подписью. Легко понять, как это дей-

В. КОРОЛЕВ

Рисунки Н. Мооса

ДНИ С ГАЙДАРОМ

ствовало на мое самолюбие. Какой же ты журналист, если твоя фамилия ни разу не появилась в газете?! Выручил Петр Кулыгин — послал проверить, как на бондарном заводе готовят к путине бочки. И вот в газете напечатана, наконец, моя первая статья за подписью. Не то чтобы статья — скорее расширенная критическая заметка. Кулыгин поздравил меня с выходом в «большую журналистику» и доверительно сообщил:

— Скоро приедет Гайдар. Молодежь он любит. Поможет и тебе.

— А кто такой Гайдар?

Кулыгин выдвинул ящик стола и молча протянул книгу. На светло-коричневой обложке крупными буквами вытиснено: «Школа». А на обороте — автограф и подпись «А. Гайдар».

В тот день Сергей Петрович не получил от меня ни единой заметки — я не отрывался от книжки и заработал первый в жизни выговор...

С этого дня у меня началась какая-то совсем новая жизнь. Не видел в глаза Гайдара, я уже столько знал о нем: и о его детстве, и о том, как отважно он воевал в гражданскую войну, будучи подростком, как стал писателем и вообще какой он «чудной» человек. Многие порассказали товарищи, знавшие Гайдара по работе на Севере. Дни, оставшиеся до его приезда, я считал буквально по пальцам, не подозревая о том, что наша встреча будет такой необычной...

Январским вечером меня вызвал редактор Иосиф Исакович Шацкий.

— Есть одно задание, — сказал он. — Сегодня ночью должен приехать Гайдар. Вот его телеграмма, в ней номер поезда и вагона. Поезд опаздывает. Надо караулить. Оставляю в тво-

распоряжение машину. Как встретишь, так вези его прямо ко мне домой.

— Хорошо.

Какая это была ночь! В редакции ни души, ты один в ней хозяин. Прежде всего, я проверил, где шофер и машина. Колька Козырев, шофер, здоровенный парнище, преспокойно похрапывал в кочегарке. Приоткрыв сонные глаза, он попросил разбудить его за час до выезда, чтобы нагреть воды для радиатора.

Стояла лютая стужа, а в редакторском кабинете — тепло и уютно. Хорошо быть редактором! Огромный стол под зеленым сукном, массивный письменный прибор из мрамора, остро отточенные цветные карандаши. На стене висит телефон — прямой провод: не надо накручивать ручку, тормошить сонную телефонистку. Снял трубку и говоришь: «Дайте мне линейного уполномоченного!».

Я размышлял. Шофера будить рано, время еще есть — можно и поваляться на редакторском диване...

И вот я деловито вхожу в здание вокзала. Старший линейный уполномоченный, узнав, что я из редакции, тут же согласился:

— Да, по такому случаю необходим оркестр! — Он позвонил куда-то и распорядился: — Немедленно пошлите музыкантов.

Мы вышли на перрон. Заснеженный поезд остановился на первом пути. Капельмейстер взмахнул руками, но слышащийся почему-то только звуки барабана...

Я открываю глаза и вижу из-под пальто, как нога в хромовом сапоге отстукивает в такт мелодичному посвистыванию. Взгляд мой скользит снизу вверх. Замечаю черные галифе, темную меховую шубейку. Через плечо висит кожаная полевая сумка, какую носят командиры. Крепкого телосложения человек с чисто выбритым ширококулым лицом и высоким выпуклым лбом сидит на краю редакторского стола, весело насвистывает и постукивает ногой об пол. Шапка-кубанка лихо заломлена на затылок, из-под нее выглядывает короткий льняной чубчик. В кабинете светло, незнакомого человека я вижу очень хорошо. Я лежу, не шелохнусь, не знаю, что делать. Чувство стыда и досады охватывает меня. Понимаю, что случившееся невозможно поправить. Кажется, что синеватый блеск озорных, хитроватых глаз, устремленных на меня, проникает не только в щелку под пальто, но и в самую душу, что человек этот видит и знает все. И тут я слышу:

— Ну что? Проспал малость, растяпа? Вставай, вставай! Давай знакомиться.

Он протягивает широкую ладонь, улыбается и говорит:

— Аркадий Гайдар...

Петька-адъютант

В «ТИХООКЕАНСКУЮ ЗВЕЗДУ» приезжали новые люди, а жилья не было. Вскоре городской Совет выделил для редакции нижний этаж дома № 67 по улице Фрунзе. Первыми новоселами его стали Аркадий Гайдар и Борис Закс, выполнявший тогда обязанности выпускающего. К ним присоединились Елпидифор Иннокентьевич Титов, Борис Дмитриевич Шишкин. Позже сюда переехал Петр Гаврилович Кулыгин. Меня поместили в большой проходной

комнате с тремя дверями. По возвращении из Красной Армии моим соседом стал Дмитрий Дмитриевич Нагишкин. Завхоз разделил нас, поставив фанерную перегородку, выкрашенную в зеленый цвет.

Отопление в доме было печное. Натопишь печки — блаженствуй, поленился или просидел в редакции — будешь дрогнуть от холода до утра. Начальство вошло в наше положение, и к нам приставили сторожуху-уборщицу, женщину с двумя ребятишками, выделив для нее уголок напротив кухни. Старшего сына уборщицы, белобрысого паренька с густыми веснушками по всему лицу, звали Петькой, а пятилетнего карапуза — Кузьмой. Жили они без отца. Естественно, что эта семья стала предметом всеобщей нашей заботы. Раньше, чем к кому-либо другому, ребятишки потянулись к Аркадию Петровичу.

О том, что Гайдар вообще любил детей, все знают. Известно, что и дети, особенно мальчишки, липли к нему невероятно. И власть над ними свою, гайдаровскую, он имел ни с чем не сравнимую. В его характере, в отношениях не только к детям, но и к взрослым, было нечто такое открытое, правдивое, что обычное знакомство как-то незаметно переходило в дружбу.

Мне ни разу не доводилось видеть, чтобы Гайдар наделял ребят гостинцами — конфетами или иными сладостями. Но прихода Аркадия Петровича с работы Петька и Кузьма ждали с нетерпением. О его возвращении можно было легко догадаться по звукам, доносившимся из кухни. Гайдар любил строгий порядок, и сам придерживался его во всем. Промерзлую скрипучую входную дверь он плотно захлопывал, тщательно вытирал ноги о тряпку. Потом проходил в свою комнату.

Если между братьями весь день царил мир, если они ни в чем не провинились, Петька немедленно являлся к командиру с докладом. Задержка означала, что в доме стряслось ЧП. Тогда слышался громкий голос Гайдара:

— Адъютант!

Петька прибежал незамедлительно и вытягивался в струнку, виновато отводя глаза в сторону. Кузьма робко поглядывал из-за дверного косяка, шмыгая мокрым носом.

— Выдрала? — строго спрашивал Гайдар.

— Так точно, товарищ командир! — признавался Петька, едва сдерживаясь, чтобы не разреваться.

— Проступок?

— За пимы...

— Сжег?

— Никак нет! Подрезал...

Валенки Петьке стали малы, перешли по наследству Кузьме, а новых приобрести не удавалось. Кузьма катался на санках, и старший брат с завистью поглядывал на него сквозь заледенелые стекла окон. Иногда мать разрешала ему покататься в своих валенках. Но они были велики, и Петька до красноты натирал ноги под коленками. И вот, не спросив мать, парнишка подрезал пимы, за что и получил изрядную трепку.

Трудно тогда жилось: все по карточкам и талонам. Бывало и так, что талоны есть, а самой вещи в магазине уже нет, — всем не хватало.

Ребят Гайдар жалел, занимался ими ежедневно, но делал это так, чтобы не уронить авторитет матери в глазах сыновей.

— А как же теперь быть с дровами? — озабоченно спросил Гайдар, чтобы переменить тему неприятного разговора. — Дрова-то, смотрю, на исходе.

— Для дела она пимы даст! — радостно откликнулся Петька. — А кататься, говорит, шабаш!

— Значит, для дела не возражает?

— Так точно!

— Тогда — аврал!

Дрова нам привозили чаще всего долготьем, двухметровками. Пилили мы их с удовольствием. Но больше охотников было колоть мерзлые чурки. От удара топора они распадались, как са-

хар. Взрослые пилили и кололи дрова, а ребяташки, соревнуясь в усердии, таскали поленья на кухню.

Такие авральные вечера походили на праздники. Поработав, приступали к коллективному ужину. На столе появлялась вареная картошка, селедка. После чая Гайдар устраивался у открытой дверцы печки. Петька и Кузьма с нетерпением ждали этой минуты, чтобы послушать необыкновенные истории, которых у Аркадия Петровича было множество. То были не книжные сказки — не о царевичах и русалках, не о чертях и ведьмах, а о самых что ни на есть обыкновенных людях, о земных ребяташках — о хороших и плохих, о пионерах и октябрятах, занятых делами важными и срочными. И мы засиживались у открытой печки, позабыв о времени, пока за ребяташками не приходила мать. Тогда Гайдар спохватывался, обращаясь к Петьке:

— Вот так да! Прохлопали мы с тобой, адъютант, отбой...

Петька вскакивал, вытягивал руки по швам и по-военному спрашивал:

— Разрешите, товарищ командир, объявлять?

— Объявляй, адъютант. Распорядок дня не положено нарушать.

Паренек скидывал голову, поднимался на носки и, как молоденький петушок, пронзительно кричал на весь нижний этаж:

— Отбо-ой!

Петька и Кузьма покорно отправлялись за матерью, а Гайдар садился за письменный стол и, глядя на своего черноглазого сына, вопросительно уставившегося с фотографии, как-то подомашнему говорил:

— Ну, Тимур, займемся делами.

Эта самая фотография парнишки в матросской форме вызвала у Петьки ревнивое беспокойство. Он долго косился, делая вид, будто не замечает ее, но однажды спросил у Аркадия Петровича:

— Кто такой?

— Тимур, мой сын.

Петька глядел на портрет откровенно хмуро, насупив белобрысые брови. Начав разговор, к которому, видимо, давно готовился, мальчишка выкладывал все свои вопросы.

— Он, что, моряк?

Гайдар отвечал сдержанно, понимая, что за расспросами Петьки кроется нечто большее, чем обычное любопытство. Он сказал, что для матросской службы у Тимура еще года не подошли, но ему, Аркадию Петровичу, очень хотелось бы, чтобы сын его стал военным моряком — человеком смелым, волевым.

— А что же он тогда в Москве остался? Побоялся сюда ехать?

— Это уж не его вина. Так обстоятельства, Петька, сложились...

Едва ли слово «обстоятельства» удовлетворило подозрительный интерес Петьки к фотографии Тимура, но расспросы он прекратил и больше к этому разговору не возвращался.

Частенько Гайдар работал не в редакции, а дома. Когда он писал, Петька и Кузьма не мешали ему. Они знали, что Аркадий Петрович непременно позовет их, как только понадобятся. А дела для них обязательно находились.

Вот Гайдар закончил письмо, заклеил конверт, прилепил марку.

— Адьютант! — слышится его голос.

Ребята только этого и ждут.

— Одеться по форме! Предстоит важная операция...

Через минуту-другую хлопчики стоят уже одетые «по всей форме»: рубашки подпоясаны белой тесемкой, у поясов висят сабли, выструганные из кедра, на головах — картонные шлемы с алыми пятиконечными звездами.

— Этот пакет надо срочно доставить в штаб, — стоя объясняет Гайдар. — Следовать будете прежним маршрутом. Предварительно разведайте главную магистраль. По ней, я видел, прошмыгнул Митяй с отрядом...

Адьютант прячет под рубашкой письмо, спрашивает разрешения выполнять задание, и вот уже братья во дворе. Гайдар наблюдает из окна. Верхом на хворостине, как на иноходце, скачет к калитке Кузьма. Он высовывает на улицу голову, высматривая, нет ли поблизости Митьки — паренька с соседнего двора, затем подает знак рукой, и к нему несется Петька — тоже на палочке верхом.

Ребятишки выбегают на проспект Карла Маркса, направляясь к почтовому ящику, висящему у входа в книжный магазин. До ящика слишком высоко. Петька присаживается на корточки, Кузьма вскакивает ему на спину, и командирский пакет исчезает в узкой прорези.

Гайдар был от природы крепким и здоровым. Но однажды он прихворнул, и его положи-

ли в больницу. В те дни Петька стал неузнаваем, его словно подменили. Ходил он хмурый, задумчивый, часами просиживал на подоконнике, поглядывая на калитку. Кузьма разделял переживания брата.

Внезапный топот по тротуару под окном и последовавший потом пронзительный вопль Петьки «Смир-рн!» заставил выбежать во двор и меня. У калитки стоял Аркадий Петрович. Как всегда, на нем были хромовые сапоги, черные галифе, темная гимнастерка, перетянутая широким армейским ремнем. Через плечо висела полевая сумка. Приложив руку к козырьку фуражки, он вытнулся перед Петькой по команде «смирно» и принимал доклад адъютанта. На лице его не было ни улыбки, ни характерной для него лукавинки. Он вел себя так, как и положено командиру при исполнении служебных обязанностей.

С улицы в калитку с любопытством заглядывали прохожие. Что это — взрослый человек играет с ребятишками или тут происходит нечто другое?

Трудно сказать, что ответил бы на такой вопрос сам Гайдар. Ни он, ни ребята не чувствовали грани, отделявшей игру от реальной жизни.

Кролик — не жираф

ВТОТ вечер я возвращался домой позже других и уже издали увидел людей, толпящихся возле наших ворот. С досадой подумал: видно, кто-то отыскал камеру от волейбольного мяча, спрятанную за моим чемоданом под кроватью, и на площадке началось сражение. Покрышки в магазине продавались свободно, а камер не было. Поэтому ту, единственную, добытую с таким трудом, приходилось беречь как зеницу ока.

Еще ранней весной мы устроили домашний субботник и сделали рядом с садиком площадку. Получилась она покатою в одну сторону, да и меньше, чем требовалось по правилам. Но нас это не смущало. Волейбольная страсть захватила всех жильцов нашего дома. Несмотря на хромоту, Елпидифор Иннокентьевич был непрременным участником игры. Перед выходом на площадку он снимал пиджак и белоснежную сорочку, оставаясь в нижней рубашке и в подтяжках. Борис Дмитриевич Шишакин, человек скромный и даже застенчивый, проявил настоящие бойцовские качества. Шумлив и весел, как всегда, был Петр Гаврилович Кулыгин. Играл он в очках, подвергая себя немалому риску.

Коронным номером Гайдара считалась подача. Вносил он в нее массу изобретательности и смекалки: подавал, чередуя, то навесные, то крученые, то «зенитные»... Становясь на угол площадки, Аркадий Петрович кричал на весь двор: — Эй, люди, трепещите! Идет смертельный... Следовал сильнейший удар, и мяч свечой взвивался в высоту.

В стане противника наступала тревожная тишина. Задрал головы вверх, каждый прикидывал, куда опустится «смертельный» мяч — застрянет ли в ветвях деревьев сада, грохнется ли о железную крышу дома или все-таки опустится на площадку. «Зенитную» подачу Гайдар еще только осваивал, и драгоценные голы она приносила его команде редко. Естественно, каждая неудача вызывала на противоположной стороне сетки ликование.

Гулкий стук мяча, воинственные крики разносились далеко по улице. У ворот и калитки в такие часы толпилось немало любопытных различного возраста.

Я ускорил шаг, вошел во двор и... остановился как вкопанный. На площадке от дома к дому панически метались два белоснежных кролика. За одним из них по пятам мчалась рыжая вислоухая собака, волоча ременный поводок. Собаку преследовал Аркадий Петрович. Он бежал за ней без фуражки, размахивая руками и оглашая двор угрожающими воплями. За Гайдаром несли босоногий адъютант Петька, за ним — Митяй, предводитель враждебного Петьке отряда. Несколько поодаль суетилась стайка ребятишек разных возрастов.

Собака, увлеченная близкой и соблазнительной добычей, вышла из повиновения. Она гналась за очумелыми от страха кроликами, не обращая никакого внимания ни на грозные крики

Гайдара, ни на тщетные попытки Митяя образумить зарвавшегося пса.

— Следопыт, назад! — с отчаянием кричал Митяй. — Назад, Следопыт!

Но собака уже настигала кролика, и драматическая развязка казалась неотвратимой. И тут произошло неожиданное. Очутившись у веранды особняка, кролики мгновенно юркнули в едва приметную дыру. Следопыт тоже сунул было голову, но щель оказалась явно не по нему.

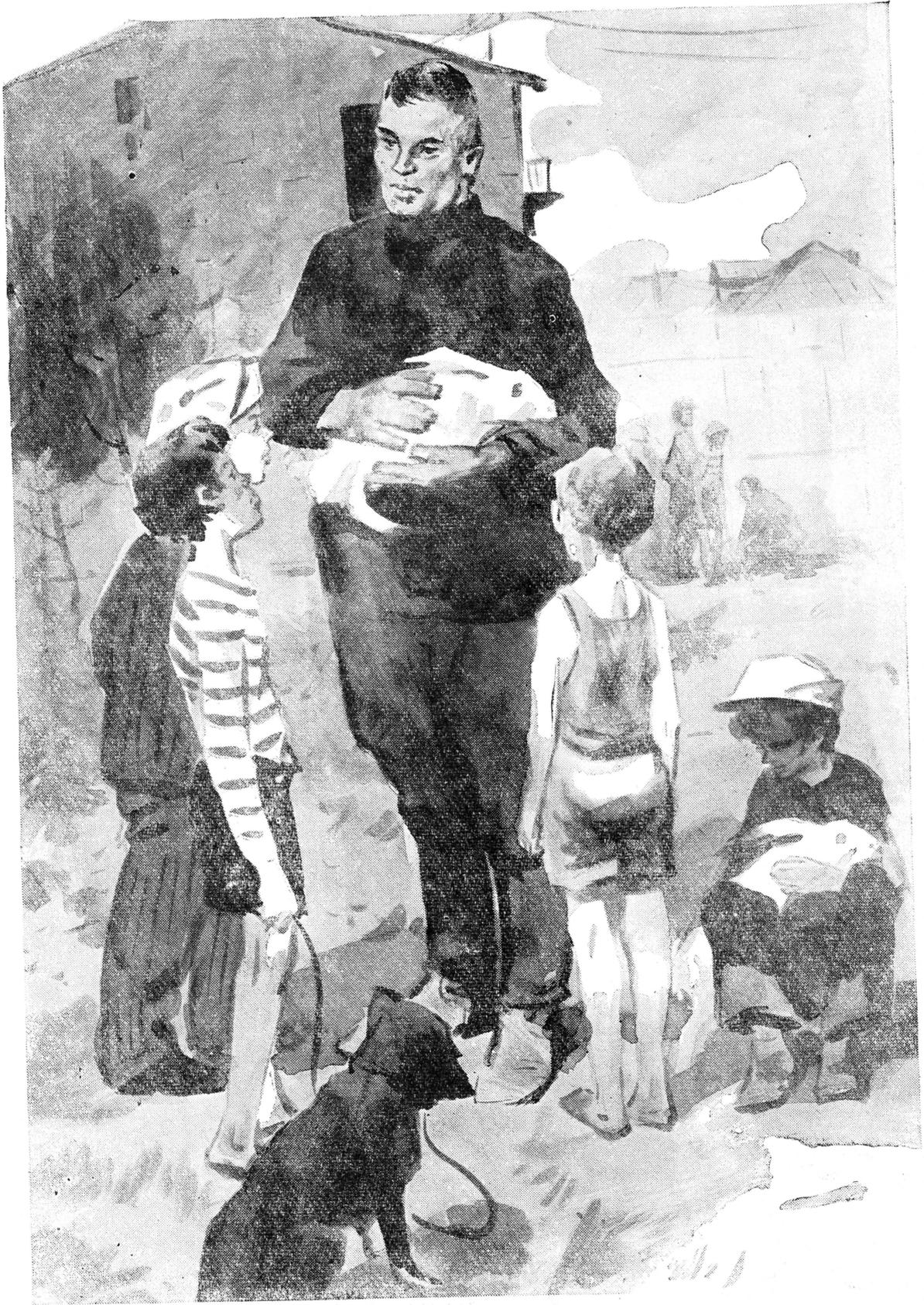
Тут-то Гайдар и нагнал вислоухого пирата. Довольно бесцеремонно он дал ему пинка. Собака, взвизгнув, присела на задние лапы, как бы соображая, откуда на нее свалилась такая напасть, потом, поджав хвост, рванулась к подворотне.

Митяй бросился за своим питомцем, но его остановил грозный голос Гайдара:

— Стой! Назад!

Путь к калитке Митяю успел преградить

Петька. Ворота закрыты, а через забор, увенчанный остроконечными пиками досок, перемахнуть не так-то просто. И Митяй покорно вернулся.

Аркадий Петрович обошел веранду и, убедившись, что другой дыры, в которую могли выскочить кролики, нет, приступил к расследованию чрезвычайного происшествия. Он еще не остыл от возбуждения.

— Кто такой? — строго спросил Гайдар.

— Это тот самый Митяй, товарищ командир, — доложил Петька.

Гайдар пропустил подсказку адъютанта мимо ушей.

— Имя и фамилия?

— Дмитрий Козодоев, товарищ Гайдар, — ответил понуро Митяй.

— А эта неученая дворняга твоя?

Митяй встрепенулся как ужаленный.

— Это не дворняга! Это самых чистых кровей сеттер-гордон!

— Сет-тер-гордон! — усмехнулся Гайдар. — Дворняга! Самая что ни на есть дворняга!

— Никакая не дворняга! — не давался хозяин собаки. — По следу ходит. Вот!

В глазах у Гайдара заиграли едва приметные искорки.

— Ученая собака не будет нападать на кроликов. А если так, то чему ты ее учишь?

Из дальнейшего выяснились смягчающие вину обстоятельства. Следопыта совсем маленьким щенком подарил Митяю отец. Он сказал, что лучше воспитать свою чистокровную, охотничью, чем чужих собак по улице гонять. Когда щенок подрос, ребята приметили, что он и в самом деле ходит по следу. Значит, может пригодиться не только на охоте, но и для другого дела, более важного. И стали учить Следопыта еще усерднее. Тренировку проводили на Амуре. Бросали палку возле самого утеса, где, как все знают, вода течет бешено и адски крутит. Там и люди то боятся плавать. А Следопыт бесстрашно бросался в бурлящий поток.

— А около вашей калитки, — объяснял Митяй, — Следопыт вдруг стойку сделал, кроликов увидел. И без команды так кинулся, что поводок вырвал...

— Не надо рот разевать, — примирительно сказал Гайдар. — Знаешь, какая беда могла случиться! Кролики-то не простые. Понимаешь, особые кролики... Адъютант! — позвал он Петьку. — На письменном столе лежит газета. Тащи ее сюда!

Значение случившегося в тот вечер на нашем дворе не будет достаточно ясным, если не сделать небольшого отступления.

Все началось с приказа по редакции. Однажды утром, придя на работу, мы увидели на доске объявлений, висевшей в редакционном коридоре, самый свежий приказ редактора, датированный 11 июня 1932 года. Был там такой параграф:

«Временно возложить на тов. Гайдара Арк. обязанности по освещению вопросов животноводства (кролиководство, свиноводство и т. д.).»

Аркадию Петровичу поручалось дело особой важности. В те годы в стране ощущалась острая нехватка продуктов питания. В рабочих кооперативах, в столовых предприятий и строек не доставало мяса, жиров. Проблема эта приобрела важнейшее значение, и решать ее надо было на месте. Вот почему, в частности, разведе-

нию кроликов стало уделяться такое большое внимание. В крае была создана специальная организация — Крайкроликоцентр.

Гайдар немедленно приступил к работе. Он начал с того, что собрал необходимую литературу о кролиководстве, изучил состояние дела не только в нашей стране, но и за рубежом. Потом обратился к местным руководителям и специалистам, побывал на фермах. И тут выяснилось, что разговоров о кроликах много, а самих кроликов до обидного мало.

Аркадий Петрович садится и пишет статью «Мало голосовать за кролика. Кроликов надо разводить». Это было страстное, безукоризненно аргументированное выступление журналиста. Но автор хорошо знал, что живет на земле особый сорт скептиков и ехидных критиков. Придет иной человек в редакцию и, потирая руки, молвит с улыбочкой: «Хорошую статью написали, товарищ Гайдар. В самый раз. А то иные думают: сел за стол, взял ручку и бумагу — и все готово».

И чтобы отбить охоту у таких людей показывать на него пальцем — дескать, статья пишет, а сам ни единого в жизни кролика не вырастил! — Аркадий Петрович купил в питомнике на Черной речке двух белых великанов, самку и самца. Дома кролики вызвали настоящий аврал. Я был срочно командирован за ящиками, из которых мы смастерили великолепную клетку. Петька с Кузьмой позаботились об угощении неожиданных гостей — сбегали на кухню редакционной столовой и набрали у поварахи всякой всячины. И белые великаны отлично у нас жили, пополнив и без того густонаселенный первый этаж.

Все это Аркадий Петрович вкратце поведал Митяю и его приятелям, показал и самую статью, которая занимала добрую треть полосы. Под статьей были изображены кролик, курица, свинья и корова, причем кролик выглядел так внушительно, что курица по сравнению с ним казалась цыпленком. Глянув с недоумением на Аркадия Петровича, посмелевший Митяй заметил, что сколько он ни живет на свете, но такого чуда, чтобы кролик был с корову, ему еще не доводилось видеть.

Аркадий Петрович растолковал ребятам, что рисунки сделаны художником условно, что дело не в размерах животных, а совсем в другом — в питательности, в полезности их мяса. С этой — главной — стороны кролик действительно великан. Ведь надо съесть почти два кило говяжьего мяса, чтобы заменить один килограмм крольчатины.

— Теперь понятно, какой он, кролик? — подвел итог разговору Аркадий Петрович.

— Понятно, товарищ Гайдар, — ответил Митяй.

— Ну вот, и тебе понятно. А находятся еще такие взрослые, которые этого понимать не хотят. Им говорят: «Разводите кроликов». Они отвечают: «Хорошо! Но дайте нам...» И требуют чуть ли не мачтовый лес, чуть ли не железобетонную арматуру и прокатные рельсовые балки. А кролику все это ни к чему. Есть вот такая дырка под какое-нибудь строение, он и шмыг туда. Кролик, он, скажем, не какой-то там жи-раф!..

Сказав последнюю фразу, Гайдар весело повел глазами и от удовольствия даже присвистнул.

Мы еще посидели, надеясь, что белые великаны сами выберутся из норы. Но они делать этого, вероятно, не собирались. Пришлось братья за лопаты. Под веранду слазили Петька с Митяем, и беглецов водворили в клетку.

На прощание Гайдар сказал Митяю:

— Отец твой прав. Вместо того, чтобы собак по улице гонять, лучше делом заняться. Появится у нас приплод, мы твоему отряду парочку дадим на развод. Дадим, Петька?

* * *

Прошло несколько дней. Утром читатели развернули свежий номер газеты и увидели на третьей полосе рисунок: рядом с маленьким кроликом возвышался жираф, надменно вскинувший голову в небеса на необычайно длинной шее даже для него самого, жирафа. А под рисунком — подпись: «Кролик — не жираф. Ему вовсе не нужен тропический пояс».

Хабаровск, 1 Мая

— **М**ОЙ юный друг! — раздался за моей спиной голос Елпидифора Иннокентьевича.

Он стоял в дверях, подперев плечом косяк. Это была его любимая поза. За подчеркнuto вежливым и несколько покровительственным обращением неизменно следовал вопрос. И я услышал:

— Известно ли вам о том, что Аркадию поручено написать отчет о завтрашнем параде?

Я отрицательно покачал головой.

— Так вот, сударь, — продолжал Титов, — у меня есть, как мне думается, не лишнее предложение. Не угодно ли и вам отправиться на этот парад? Не за тем, разумеется, чтобы просто поглазеть, а в качестве, так сказать, дублера основного репортера. Каждый — сам по себе. И отчеты напишете порознь. Чей получится лучше, тот и пойдет в газету.

Титов любил шутить. Он умел так мастерски прятать иронию, что я по своей неопытности не раз попадал в ловушку. И сейчас я насторожился. Но в лице Титова — узком, изъеденном оспой, с крупным носом, и в умных глазах не было и тени ехидства.

— Ведь вам, мой друг, — развивал свою мысль Елпидифор Иннокентьевич, — когда-то придется осваивать и эту форму газетного ремесла. Случай удобный. Попробуйте силы. Тем более, что Гайдар страхует.

От предложения Титова мое сердце приятно заглодело.

На праздничных демонстрациях я бывал, а вот на параде войск — случая не выпадало.

— А пропустят ли по удостоверению?

Титов и это предусмотрел. Он вручил мне специальный пропуск для беспрепятственного входа на площадь Свободы.

— Только Гайдару — ни звука! — строго наказал Елпидифор Иннокентьевич.

Гайдар появился дома уже вечером. Был он весел и, как мне показалось, даже хвастлив. Едва переступив порог, громко начал:

— Елпидифор! Милый мой мосье! А известно ли вам, милорд, что ваш сосед, то бишь Аркадий Гайдар, сам командовал парадом?!

— Возможно, вполне возможно! — в тон ему ответил Титов. — Представляю ватагу бесштаных сопляков, а во главе...

— Елпидифор, — спокойно и вкрадчиво прервал Гайдар, — я вовсе не шучу...

Я прикрыл дверь в свою проходную комнату и занялся газетной подшивкой, стараясь придумать начало для отчета о первомайских торжествах. Но ничего путного не приходило в голову.

Проснулся рано утром. Настроение было далеко не праздничное. Захватив тонко отточенные карандаши и блокнот, поспешил на улицу.

День начинался яркий, солнечный. Город выглядел необычно нарядным. Со всех сторон к центральному проспекту двигались шумные колонны людей. А на площади Свободы уже четкими квадратами выстроились войска. Они занимали не только всю площадь, но тянулись далеко по проспекту. Часов у меня не было, и я с нетерпением оглядывался вокруг. Но вот от памятника Ленину метнулась фигура редакционного фотографа Алексева с гармошкой фотоаппарата на груди. И тут началось. Артиллерийский залп заставил невольно вздрогнуть. Замерли четкие ряды красноармейцев. На площади появился Василий Константинович Блюхер и члены Реввоенсовета Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии...

— ...Поздравляю вас с праздником Первого мая — днем пролетарской солидарности трудящихся всех стран! — донесся голос Блюхера.

Единое мощное «ура!» покатилося над площадью.

После обхода войск командарм начал речь. Я выхватил из кармана блокнот и стал лихорадочно записывать, не пропуская ни единого слова. Стоя писать было трудно, рука то и дело соскальзывала. Но вот раздалась звуки «Интернационала». Занемевшие руки сами собой опустились. Я повернул голову и увидел Гайдара. Он стоял у подножия памятника Ленину. Стоял не как репортер, корреспондент газеты, а как командир, держа правую руку у козырька.

Вернулся я домой голодный и переполненный впечатлениями.

Из полуоткрытой двери, ведущей в соседнюю комнату, плыла синеватая струйка табачного сладковато-медового дыма.

Гайдар писал отчет. А я, склонившись над столом, зачеркивал одну фразу за другой в тщетных поисках начала. По тротуару мимо окон, припадая на поврежденную ногу, прошел Елпидифор Иннокентьевич. «Будто саженью землю меряет!» — мелькнуло в голове. Я был зол на свою беспомощность и на Титова, втравившего меня в эту историю с отчетом, испортившую всю радость праздника.

Елпидифор Иннокентьевич, стараясь не шуметь, направился в соседнюю комнату.

— А вы-то как раз мне и нужны, милейший мосье! — встретил его Гайдар. — Хотите послушать начало? — И в полный голос, словно стихи, начал читать:

«Гулко грохнул артиллерийский салют, и громко прокатилась команда: «Смирно!...».

— Гулко грохнул артиллерийский салют... Гм, динамичное начало, — похвалил Титов.

— Вы, Елпидифор, спец-международник, — продолжал Гайдар, — вот этот кусочек еще послушайте:

«Товарищ Блюхер говорил о том, что неподалеку от советских границ все ярче вспыхивают языки дымного, пахнущего порохом пламени и что за густой завесой лжи и клеветы капита-

листический мир лязгает оружием, готовясь к новой войне за передел карты земного шара. И этот передел капитализм хочет начать прежде всего с того, чтобы навеки стереть ту страну, которая зовется Советским Союзом, ту страну, в которой пробуждающийся пролетариат всего мира видит свое социалистическое Отечество».

— Неплохо, право, неплохо! — одобрил Титов. — Только, по-моему, в этом месте просятся прямая речь генерала Галина.

— Какого генерала? — насторожился Гайдар.

— Нашего командующего Блюхера, Василия Константиновича. Там, в Маньчжурии, в Китае и вообще за рубежом, Блюхер широко известен под именем генерала Галина. И, смею вас уверить, его голос не пропускают мимо ушей.

— Галин... Галин... — бормочет Гайдар. — Очень интересно! Краем уха я об этом где-то слышал... Вы, Еллидифор, дьявольски мудры. Как сто Сократов! Газетный отчет — не рассказ, не отрывок из художественного произведения. Это политический документ!

— Вот именно. Вставьте самое яркое место из речи — и дело с концом.

— Понимаете, Еллидифор, — замылся Аркадий Петрович, — речь Блюхера у меня вся в голове... Но тут надо заковычить, дать слово в слово. Как гвоздь вогнать по самую шляпку!

— Ну и что же? Кто вам мешает?

— Говорю, вся она в голове... Блокнота, понимаете, не было...

Я начал кое-что понимать. Гайдара увлекла торжественность парада, и он, видимо, не приронул к блокноту, понадеявшись на свою отменную память.

Затруднение, в которое попал мой страхующий, не обрадовало меня. Стало даже как-то неловко: сию, невольно подслушиваю разговор, знаю, как нужна Аркадию Петровичу речь Блюхера, а она лежит у меня на столе.

— На Востоке говорят, — послышался назидательный голос Титова, — «самые бледные чернила лучше самой хорошей памяти».

— Ну, то Восток, — сказал Аркадий Петрович. — Восток набит одними мудрецами... И надо ж было — забыть блокнот...

В моей проходной комнате вновь повеяло сладковато-душистым запахом. Это означало, что Гайдар опять распалил свое «кадило».

Понизив голос, Титов сказал Гайдару:

— А известно ли вам, милейший, что наш юный друг сейчас пытит над тем же самым, что и вы? По-моему, он пишет отчет о праздновании для ДальТАССа. Быть может, он не совершил вашей ошибки?..

Я схватил карандаш и стал бойко водить по бумаге, делая вид, что очень занят. Гайдар влетел в комнату и будто выстрелил в упор:

— На параде был?

— Был.

— Речь Блюхера слушал?

— Слушал.

— Записал?

— Записал.

Попыхивая трубкой, Аркадий Петрович прошелся по комнате, подозрительно посмотрел на меня сначала с одной, потом с другой стороны. В его взгляде было не то удивление, спрятанное под хитрой улыбкой, не то еще что-то новое.

— И меня там видел? — спросил испытующе, сощурив синие с лукавинкой глаза.

— Видел, — уже смело подтвердил я.

— А что же я там делал?

Вскочив со стула, я вытянулся перед Гайдаром по стойке «смирно» и, заломив ладонь правой руки за самое ухо, выпучил глаза.

Лицо Аркадия Петровича вдруг дрогнуло, переменялось. Выходка моя застала его врасплох. Он смотрел на меня растерянно, беспомощно. Потом выпуклые щеки его налились пунцовою краской. Гайдар схватился обеими руками за живот и так громко, раскатисто расхохотался, что в дверях появился Титов, недоумевая, что у нас происходит.

— Еллидифор! — хохотал Гайдар. — А ведь он у нас артист! Настоящий артист!..

Успокоившись, Аркадий Петрович сказал, что ему нужна запись выступления командующего. Я взял блокнот и пошел следом за ним.

— Прочти дословно то место, где Блюхер говорил: «Но мы спокойны!» — попросил Аркадий Петрович, садясь за свой стол.

Перелистав странички, я нашел нужные строчки.

Гайдар переписал их на чистый листок.

— Вставим это вот сюда, — разговаривал он про себя. — А дальше пойдет так: «Будем же начеку!» — заканчивает командующий, — этот человек, который прошел через уральские степи, через каховский плацдарм Сарагозы, через оружейный грохот Перекопа и Юшини и стал во главе ОКДВА — этого дальневосточного отряда армии Советской страны и мировой революции. И громкими «ура», боевым маршем «Интернационала» отвечали бойцы и трудящиеся на его призыв крепить экономическую мощь страны и быть готовыми несокрушимой яростной лавиной обрушиться на тех, кто попытается напасть на страну, строящую социализм».

— И еще один абзац послушайте. Он мне самому нравится... — Гайдар вышел на середину комнаты, вскинул руку, как бы обращаясь ко всему миру, и громко, во весь голос прочитал: «Внимание: в течение нескольких часов проходит Красная Армия. Имеющие уши — да слышат! Если много лет назад оборванные и вооруженные разнокалиберными винтовками — от русской берданки до мексиканского винчестера — отряды Красной Армии сумели отбросить банды отечественной и иноземной белогвардейщины, то теперь, хорошо вооруженные и обученные дивизии, могут сделать это быстрее...» — И концовка — о том, что мы победим, обязательно победим, потому что за нами правда, за нами сама жизнь!

Он обвел нас торжествующим взглядом, хитровато подмигнул и добавил:

— И еще одна концовка: «Арк. Гайдар».

— И как вы озаглавили отчет? — спросил Титов.

— Совсем просто: «Хабаровск, Первого мая...».

Пакетик соли

Прошумев, умчались годы.

С той поры мне так и не пришлось встретиться больше с Гайдаром. Но как часто, как близко со мной он был все это время!

Мне довелось повидать немало, познакомиться с тысячами замечательных советских людей — творцов новой жизни. Их упорному, на-

стойчивому труду, их ратным подвигам обязана Родина своими богатствами, несокрушимым могуществом, славой своей.

И всматриваясь в знакомые лица, я нетерпеливо жду, что вот появится широкоплечий, повоенному подтянутый человек в походных сапогах, темной гимнастерке, перетянутой ремнем, с полевой сумкой через плечо, как всегда, с гордо поднятой головой.

Всей своей жизнью, от первой атаки, когда под красным знаменем с саблей наголо Гайдар шел за дело партии Ленина на врагов революции, и до последнего выстрела в роковом бою; с первой творческой строчки и до последней фронтовой корреспонденции в газете — Аркадий Петрович Гайдар был всегда впереди.

Чаще всего Аркадий Гайдар возникал в моей памяти, когда было особенно трудно. Не случайно он вспомнился и там, в заволжской степи.

...Осень 1942 года. Голая, без единого кустика степь. От летнего нестерпимого зноя съжилась, пожухла негустая трава. А дорога, что пролегла через равнинные просторы от Саратова до Астрахани, вся изрыта, перепажана авиационными бомбами. Рядом с шаткими, стонущими шпалами тянутся по свежему, не успевшему осесть полотну две стальные нитки рельсов. Станции пустынные, постройки разбиты. Уцелевшие хаты не дымят привычным дымком. Пусты глаза, выбитых взрывной волной.

Эшелон идет через степь медленно, как бы крадучись. Но, выбравшись на нетронутый повреждениями участок дороги, он, словно прищипленный рысак, рвется вперед.

Всю ту памятную ночь мы без сна провели в санитарной теплушке возле пышущей теплом железной печки. Наш спутник, доктор, запевал негромким, приятным тенорком, а остальные подпевали ему.

Гитлеровцы налетели с восходом солнца, когда эшелон стоял на безымянном разъезде, где-то между солеными озерами Эльтон и Баскунчак. Самолеты шли прямо на наш состав. Бурый султан разрыва вспыхнул у входных стрелок. И тогда в обе стороны от состава в степь брызнула черная россыпь матросских бушлатов. Вражеские машины круто развернулись.

Моряки-тихоокеанцы впервые в то утро увидели своими глазами ненавистную фашистскую свастику и зловещие кресты. У нас еще не было оружия, нечем было защищаться. В голой степи нам пришлось бы совсем худо, но выручили летчики. После первого захода фашисты удрали, завидев красноезвездные истребители.

Под ковыльный посыл ветра мы схоронили погибших товарищей. Эшелон наш оказался разбитым. От моих личных вещей осталась пробитая осколком записная книжка, подаренная приятелем в день отъезда на фронт, с пророческими строками:

Да, друг, нам нечего скрывать,
Что этот час нелегок.
Бои жестокие опять,
И бомбы на дорогах.

Солнце еще не коснулось горизонта, когда двухтысячная колонна взяла направление к Волге, прямо через степь. То был трудный, изнурительный марш. Где-то далеко впереди густое, как залякшая кровь, полыхало зарево. Мы торопились. Десятиминутный отдых — и снова в путь. Мучил голод, одолевала жажда. Я машинально

ощупал карманчик для часов — там хранился пакетик с солью. Да-да, именно соль утолила нестерпимое желание пить.

И тут, в ночной степи, на пути к уже видимой линии фронта, я вновь с благодарностью вспомнил Аркадия Петровича Гайдара.

...В тот давний воскресный день наш коллектив выехал в совхоз на прополку. Поле разбили на делянки. Выполнил работу — свободен. Мы с Аркадием Петровичем управились много раньше других. День стоял солнечный, жаркий — так и тянуло на Амур искупаться. Шофер грузовой машины ждал, когда освободятся все.

— Пойдем пешком? — предложил Гайдар. И мы вышли на шоссе на дорогу. Гайдар чему-то улыбнулся и тут же спросил:

— Солдатский бег знаешь?

— Нет.

— Показать?

Аркадий Петрович побежал — не то, чтобы быстро, но и не тихо. Мальчишеское самолюбие не позволило мне «плестись в хвосте», и я, конечно, обогнал Гайдара.

— Не торопись! — предупредил он. — Возьми равномерный темп.

Примерно через километр Аркадий Петрович сбавил скорость. «Ага, устал!» — подумал я не без гордости, продолжая отрываться от него. Спустя некоторое время Аркадий Петрович поравнялся со мной, а затем и обошел. Резвости моей как не бывало. Во рту стало как-то сухо, в груди будто подгорает. А Гайдар бежит, как и первый километр, не быстро и не тихо. Метров через четыреста-пятьсот сбавляет темп, но на шаг не переходит. Теперь я стараюсь бежать за ним след в след. Только мне становится все труднее поспевать за Гайдаром. Растратил вначале силы, а теперь чем их восполнишь? В висках стучит. «Эх, хотя бы один глоток воды!».

Поравнялся со мной Аркадий Петрович и жарко выдохнул:

— Дай ладони!

Посыпал на нее какого-то белого порошка.

— Проглоти!

Горькая соль свела скулы. Но что за чудо: жажда стала спадать! Потом Гайдар протянул два кусочка сахара.

— Съешь! Сил прибавится...

Не знаю, то ли от сахара с солью, то ли от того, что стыд подгонял — ведь я был моложе Гайдара — но до железнодорожного поселка все же добрался гайдаровским «солдатским» бегом. С тех пор, отправляясь куда-либо пешком, я всегда брал с собой соль и сахар...

В железнодорожном поселке Аркадий Петрович не разрешил мне сразу ни есть, ни лечь. Взял под руку, водит по поляне и приговаривает:

— Дыши глубже! Руки в стороны!

И пить не позволил. Когда уже поостыли, Аркадий Петрович выкрутил бадью с ледяной водой и заставил снять майку.

Идем не торопясь городскими улицами. Он говорит:

— Понимаешь, по всему видно — не дадут они долгой передышки нам, заставят воевать. Ну, а если так, надо каждому готовиться. Война — штука трудная, сил много потребует!.

Спустя годы, в той холодной ночной степи, достав пакетик с солью, я по достоинству оценил и тревожные думы Гайдара, заглядывавшего далеко вперед, и то, чему он меня учил, как добрый старший товарищ.

ОЖЕРЕЛЬЕ

ИОМАЛЫ

Евгений БОГДАНОВ

Рисунки С. Киприна.

Повесть-легенда

Чужеземные паруса

В становище Ой-Ял все пришло в движение. Биармы, прознав о приходе нурманнов, отсылали жен и детишек в леса, в укромные охотничьи чумы и шалаши, поспешно закапывали в землю одежду, запасы пищи, дорогие украшения и, у кого было, серебро. То тут, то там ширкало железо о точильные камни: мужчины вострили оружие, готовили доспехи на тот случай, если Вик-Инг пришли с войной. Старейшина Хальмар отправил гонцов-охотников в соседние городища и стойбища оповестить соплеменников о том, что гости на подходе. Слишком уж недоброй была слава нурманнов. Чаще всего встречи их с местными жителями начинались с торга и кончались грабежом. Закованные в железо, с острыми мечами и копьями, нурманны лавиной устремились в леса и, встретив на своем пути хижины биармов, жгли и ломали их. Копьями, точно щупами, разыскивали ямы с запрятанным добром, насиловали женщин, врубались в ряды плохо вооруженных воинов лесных племен. Костяные стрелы охотников мало причиняли вреда викингам, защищенным кольчугами и крепкими щитами. И только в ближнем смертном бою отважные биармы топорами и палицами чинили врагам немалый урон.

Зимними долгими ночами в хижинах, у очагов, старые биармы рассказывали, что много лет назад на Вину пришел викинг Гаральд Волчий Зуб. Он

сначала открыл торг, а потом его люди бросились с оружием на биармов и стали отбирать все, что сами продали им. Биармы взялись за кистени и рогатины, но битва не принесла победы. Большой овраг, где звенели щиты и летали стрелы, до краев был заполнен трупами сынов Иомалы. Гаральд Волчий Зуб ушел с берегов Вины целым и невредимым, потеряв лишь с десятков воинов...

Насторожился дремучий лес. За каждым деревом — дозорный. Одна птица передавала другой весть о том, что чу-

¹ Продолжение. Начало в № 7.

жеземцы близко. И едва нурманны появились в устье Вины, на всем пути к берегам Ой-Ял их провожали зоркие, недремлющие глаза.

Ватажный староста Владимирко привез новгородским поселенцам, жившим выше по реке, тревожную весть о викингах, которые в горле моря Ган-Вик ястребами налетели на мирные поморские ладьи. Потопили две из них, а третьей под покровом ночи удалось спастись только чудом. Она ушла от погони, скрывшись в волнах, в густеющей сутемени. Всю ночь гребцы, выбиваясь из сил и непрестанно отливая воду из ладьи, гребли к берегу, где наспех починили посудину.

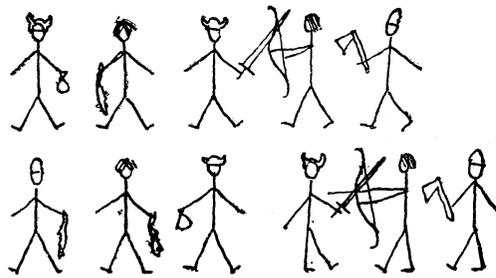
Едва Владимирко добрался до острова на берегу Вины и, усталый до полусмерти, ввалился в свою избу, к нему явился молодой биарм. Крепкая обувь из кожи на нерпичьей подошве разбита в прах, одежка разодрана в клочья — пробирался, видимо, ночью по лесу без пути без дороги. Но лицо у парня молодое, не очень утомленное. Он подал Владимирку горячую крепкую руку и залопотал по-своему, по-чуждому. Владимирко плохо понимал его.

Тогда биарм достал из-за пазухи небольшой скрученный лист бересты. На бересте были вырезаны ножом какие-то знаки.

Владимирко накормил биарма. Жена принесла кусок холста и разодрала его надвое. Биармину дали сапоги и холст. Он переобулся в сухое и, приложив руку к сердцу, поблагодарил хозяев. Он все заглядывал в лицо Владимирка, силясь угадать мысли ватажного старосты. Владимирко задумчиво рассматривал рисунки на бересте. Мало-помалу значение рисунков стало для него понятным.

Нурманн стоял с мешочком денег в руках. Биармин рядом с ним держал шкурку песца. Значит, нурманны приехали на торг. Следующие рисунки означали, что после торга, может быть, нурманны нападут на биармов. Владимирко знал повадки викингов. Нурманн держал в руке меч, биармин — лук. Будет бой. А кто же этот пятый? Судя по топору, который был в его руках, — ватажник, новгородец. Он должен быть рядом с биармином, прийти к нему на помощь.

— Понятно, — сказал Владимирко,

свернув бересту. — Ваш старейшина просит помочь ему в случае войны...

Биармин, видя, как взгляд Владимирка прояснился, радостно закивал и опять залопотал по-своему. Владимирко положил руку ему на плечо.

— Придем. Не оставим в беде! — он показал жестами, что новгородцы непременно явятся на помощь.

Затем Владимирко взял острый охотничий нож и рядом с рисунком биармов стал вырезать свои фигурки.

Он вырезал новгородца и биармина рядом, со шкурками в руках, а за ними нурманна с мешочком денег. Это означало, что и новгородцы и биармины будут вместе на торге. А когда нурманны после торга вздумают драться — об этом говорила фигурка нурманна с мечом, — то биармины возьмут в руки луки, а новгородцы — топоры.

Закончив работу, Владимирко поправил повязку на голове и подал бересту посланцу. Тот взял ее, посмотрел на фигурки и опять радостно закивал головой и приложил руку к сердцу. Владимирко смотрел на него с улыбкой. Он вдруг вспомнил что-то и радостно воскликнул:

— погоди, парень, не тебя ли мы встретили, когда мы торопились домой на своей ладье?

Владимирко поднял руку с тремя растопыренными пальцами, потом загнул два. Биармин радостно закивал и ткнул пальцем себе в грудь.

Это был Рейе.

Владимирко дал парню на дорогу харчей и проводил его за бревенчатый острожек. Рейе шел, поглядывая по сторонам на высокие, крепко срубленные избы, на женщины в длинных сарафанах, которые несли от колодца воду на коромыслах.

В тот же день Рейе, пройдя около тридцати верст, вернулся домой и передал ответ Владимирка Хальмару.

* * *

Наступил тихий, зоревой вечер. Вина лишь кое-где была подсинена рябью. И там, где небо склонялось к воде, лесные люди увидели большой полосатый парус. Отблески заката играли на нем. Красные полосы казались кровавыми, зловещими, а синие напоминали о чужих, неведомых морях.

За полосатым парусом показался другой, поменьше, с изображением черного морского орла. Драккары шли на веслах друг за другом. Можно было опустить паруса — ветер очень слаб, — но викинги хотели, чтобы лесные люди увидели их быстроходные корабли во всей красе.

Туре Хунд-Собака в голубом шелковом плаще неподвижно стоял на носу, опираясь на меч, обшаривая берег прищуренными вороватыми глазами. Туре догадывался, что с берега за драккарами следят десятки биармов. Пусть жалкие лесные людишки видят силу и могучесть викингов, богатых ярлов и купцов, сыновей фиордов, знатных воинов и настоящих мужчин!

В конце пути, повеселев, викинги дружно и сильно взмахивали веслами, и радужные брызги, подсвеченные зарей, вспыхивали возле черных смоленых бортов драккаров, на которых поблескивали развешанные боевые щиты.

На носовую палубу поднялся Орвар. Он стал рядом с хозяином, сжав крепкой рукой рукоять меча. На телохранителе Туре — боевые доспехи: рогатый шлем, пластинчатая кольчуга, в левой руке — овальный бронзовый щит.

Зоркий взгляд Туре заметил в камышах под берегом кожаные лодки. Викинг уверился в том, что городище биармов близко. Он поднял над головой меч и бросил его на палубу. Орвар также бросил меч и снял шлем. Затем поднял заранее приготовленный шест, на котором была привязана шкурка белого песка. Это должно было означать намерения гостей: «Мы пришли сюда не воевать, а торговать. Бояться нас не следует».

Биармы видели все это с берега, но никто из них не показывался. Они выжидали.

Викинги вынули весла из весельных

дыр и сложили их вдоль бортов. Опустился полосатый парус. За борт упал якорь на канате из кашалотовой кожи. Рядом с драккаром Хунда бросил якорь корабль Карле.

Викинги вскочили с румов и с любопытством смотрели на незнакомый берег. Потом они стали приводить в порядок свои корабли. И совсем уже в сумерках прозвучал гонг — сигнал к ужину.

Ночью вверх и вниз по реке шныряли дозорные лодки викингов с вооруженными моряками. А по берегу, у городища Ой-Ял, крадучись и прячась за деревьями, до утра ходили дозорные биармов, стерегли каждый шаг незваных гостей.

Дары норвежского короля

Едва занялась заря, Туре Хунд уже был на ногах: пришло время больших дел, — спать, нежиться на мягких шкурах некогда. К нему на корабль прибыл Карле, и они стали готовиться к высадке на берег.

Туре знал обычаи лесных людей: без ведома старейшины торг не мог состояться. Поэтому еще с вечера викинги приготовили дары Хальмару. Давний обычай торговых людей. Отступить от него нельзя.

Туре Хунд взял кожаный мешок, принесенный Орваром, и вывалил его содержимое на палубу. Тут было ожерелье из тонких, как ноготь, золотых монет, ножной и ручной медные браслеты, стеклянные бусы, дюжина металлических наконечников для стрел, две женские рубашки из тонкого полотна, на тот случай, если у старейшины окажется жена, отрез сукна в десять локтей и норманнский нарядный плащ из тонкой шерсти с позолоченной пряжкой.

— Скажем ему, что все это послал король, — проговорил Туре. — Хватит этого?

— Вот еще несколько эйриров¹ серебра, от нас с Гунстейном, — сказал Карле, бросив в кучу мешочек с монетами. — Этого вполне хватит. Я и то думаю, что жирно будет.

Туре вздохнул.

¹ Эйрир — денежная единица у норманнов.

— Прошли времена, когда людишки эти довольствовались пустяками. Они узнали снег тигля¹, марку сукна² и, будь уверен, могут отличить английскую шерсть от холста!

— Это верно. Лесные жители стали корыстолюбивы, — сказал Карле. — Как бы нам не продешевить на торге!

— Ничего! Мы свое возьмем. Я старейшине припас еще особый подарок. Я знаю вкусы этих биармов, черт их побери!

Туре достал из кошелька бронзовую фигурку на витом шелковом шнурке. Фигурка изображала медведя с поднятыми передними лапами и разинутую пастью.

— Амулет! — пояснил Туре. — Допустим, что он охраняет охотника в рукопашной схватке со зверем. Таких медведей тралло Минор отливают сотнями и продает по пять пеннингов³ за штуку, — рассмеялся Туре. — Биармы очень ценят амулеты!

— Будем ли брать с собой охрану? — спросил Карле.

— Возьмем десятка два викингов и оставим их на берегу. Если будет опасность, протрубим в рог, и они прибегут на помощь.

— Успеешь ли протрубить? Скрутят — не опомнишься!

— Не посмеют! У нас на драккарах больше сотни воинов. Сотня викингов стоит тысячи этих двуногих! Они это прекрасно знают. И потом, они, кажется, редко нападают первыми...

Орвар, уложив дары в мешок, крепко завязал его. Спустили две лодки и поплыли к берегу.

* * *

С того времени, когда появился парус, с берега в дом старейшины маленький, юркий биарм Вадуга приносил вести о нурманнах:

— О, старейшина! Они бросили мечи на палубу и подняли на шесте белого песка!..

— Они притихли. Ударил бубен. У них, наверное, ужин...

— Их лодки мутят воду вокруг кораблей. В лодках оружейные нурманны...

— С зарей на большой корабль

¹ Снег тигля — серебро.

² Марка сукна — мера, равная эфриру серебра.

³ Пеннинг — самая мелкая монета.

прибыл с другого богато одетый нурманн. Видно, знатный человек...

— Они спустили две лодки, полные людей, и плывут к берегу!..

Еще ночью Хальмар позвал старого мудреца и шамана Пукана. В хижину неслышно вошел согбенный поджарый биарм с лысой головой и вислыми, как у моржа, седыми усами. Под мышкой он принес три сухих можжевельных полена и одно — с тремя сучками — осиновое. Пукан догадывался, зачем его позвал старейшина, но мудрецу не пристало без нужды распускать язык, словно собачий хвост, и он молча ждал у порога.

Хальмар сидел перед очагом на березовом чурбане. Он сказал Пукану:

— Я позвал тебя, чтобы ты разгадал мысли нурманнов. Будет литься кровь, или все обойдется миром?

— Чтобы ответить, старейшина, на твой вопрос, мне надо сесть к очагу, — скромно промолвил мудрец.

Хальмар знаком пригласил Пукана сесть у огня.

Пукан уселся на скамью и положил на свои тощие острые колени принесенные с собой дрова. Несколько минут он молчал и не сводил глаз с огня, пылавшего в очаге, как будто силился там что-то разглядеть. Наконец лицо его оживилось, усы вздрогнули, и он сказал шепотом:

— Прощу тебя, старейшина, молчать. Молчи, смотри и наостри ухо. Голубой огонь показался. Пришло время дух предков звать...

Пукан взял железную кочергу и подгреб к краю очага горку угольев, дышавших золотым огнем. Он подождал, когда пламя, исходящее от них, станет голубым. Потом положил на уголья крест-накрест три можжевельных полена, а сверху — осиновое. Поленья вспыхнули неожиданно быстро, дивным синим огнем. Пукан словно не замечал жара. Он склонился близко к пламени и впился в него острым взглядом. Хальмар тоже приблизил свое лицо к синему огню.

Пукан начал говорить, не сводя глаз с пламени:

— Смотри, старейшина, — точно сухая трава под ветром шелестел его голос. — Вон, в синем пламени, маленький человек. Это дух предков. Он показывается на мой зов...

Старейшина всматривался в пламя, но маленького человека не видел. Однако колдун приказал молчать, и Хальмар молчал.

— Дух предков! Добрый, всемогущий дух, — говорил Пукан. Я обеспокоил тебя. Прости меня и не гневайся. Мне надо ответить моему народу, зачем пришли к нам Вик-Инг. Какое лихо привезли они на своих ладьях под разбойными парусами?

Пукан умолк и, неотрывно глядя на пламя, прислушался. Хальмар застыл в неподвижности. Потрескивали головни в очаге. Дым стлался под потолком и уходил в трубу. И тут в хижине раздался тихий, совсем тихий голос:

— Они пришли торговать. Войны не будет. Но берегите Богиню Вод!.. Берегите мать Иомалу...

Голос умолк, и сильнее пламя сменилось алым. Пукан взял кочергу и осторожно сдвинул обугленные можжевеловые поленья в середину очага. Он выпрямился и вопросительно посмотрел на старейшину. Хальмар сказал:

— Я слышал.

— Все ли я сделал для тебя, старейшина? — спросил мудрец. — Могу ли я идти?

— Можешь идти. Спасибо. Иомала не забудет тебя...

Хальмар встал. Пукан тоже встал, поклонился и исчез за дверью.

Хальмар опять сел перед очагом. Позади послышался шорох. Придерживаясь за косяк двери, вошла Хальмиора. В длинной рубахе, худая, с распущенными волосами, она еле стояла на ногах. Глаза ее горели сухим лихорадочным огнем.

— Зачем поднялась? — спросил Хальмар. — Зачем делаешь себе худо?

— Я вижу тень заботы на твоём лице, — сказала жена. — Всю ночь хлопала дверь, и к тебе ходили люди. Скажи мне, что за беда стучится в дом?

— Пришли нурманны.

— Нурманны? Вик-Инг? Что им надо в нашем краю?

— Они пришли торговать. Не думай об этом. Все обойдется. Это забота мужчин. Иди, лежи.

— Мне стало легче. Я хочу посидеть с тобой! — настойчиво говорила Хальмиора.

— Скоро опять будут приходить люди. Не мешай. Давай, я отведу тебя.

Успокоив жену, Хальмар взял плоско со светильником и пошел в чулан с оружием. Он долго рассматривал свои доспехи — чешуйки железной кольчуги, щит, потрогал, крепко ли сидит копье на древке, и, наконец, взял в руки топор — подарок ватажного старосты Влاديمирка. У топора было широкое блестящее лезвие на длинной дубовой рукояти.

Он держал топор в руках и вспоминал о первой встрече с новгородскими ватажниками, когда они только еще пришли сюда и начали строить свои большие бревенчатые хижины.

* * *

Едва викинги высадились на берег и поднялись на крутой обрыв, как на тропе перед ними встали биармы. Впереди — низенький толстый человек в оленьей безрукавке до колен и рубахе из серого грубого полотна, с хитрыми, заплывшими жиром глазками, — виномчерпий Рутана Сантери. За ним высокий, стройный юноша в нарядной, шитой узорами меховой куртке, с непокрытой темноволосой головой и чуть-чуть раскосыми синими глазами — Рейе. И тот и другой были безоружны.

Туре, Карле и Орвар остановились, всматриваясь в лица биармов и сясья угадать их намерения. Сантери сверлил своими хитрыми глазками викингов и, казалось, видел их насквозь. Он не переставал кланяться и улыбаться, не без труда кивая круглой головой на толстой бычьей шее. Рейе стоял в настроенной позе.

На викингах были надеты кожаные куртки, а поверх — богатые плащи с золотыми пряжками на пруди. Под плащами топорщились длинные и тяжелые мечи. Орвар держал на плече мешок.

Наконец Туре поднял руку в знак приветствия. Его примеру последовали Орвар и Карле. От взгляда Хунда не укрылось то, что на лбу толстого биарма сохранился след клейма: страшный знак, который выжигали каленым железом викинги на лицах своих рабов-траллсов.

— Можно ли узнать, зачем к нам пожаловали славные викинги? — на ломаном норвежском языке спросил Сантери.

— Мы привезли много товаров. У нас есть золото и серебро, — отозвался Хунд. — На все это мы хотим

купить дорогие меха. Больше нам ничего не надо.

— Мирным купцам у нас дорога открыта, — сказал Сантери. — Видите, мы встречаем вас вдвоем и без оружия. Мы знали, что благородные викинги пришли к нам с миром, — говорил Сантери, не сходя, однако, с тропы и не уступая викингам пути.

Туре быстрым взглядом окинул густые кусты, росшие по сторонам. Кусты были неподвижны, но ярл чуял, что в них скрывается много людей.

Туре опять перевел взгляд на Сантери и вежливо сказал:

— Мы идем с дарами к вашему старейшине Хальмару.

— Старейшина вас ждет, — ответил Сантери. — Но к нему в дом с мечами не ходят.

— Хорошо. Мы оставим мечи у входа, — недовольно бросил Туре и добавил резко: — Веди, траллс!..

Сантери вздрогнул, глаза его сузились еще больше и обдали ярла холодком настороженности. Но виночерпий тут же овладел собой и натянуто улыбнулся.

— Знатный викинг сказал правду. Я был траллсом. Но мне удалось бежать... Теперь я уже не траллс. Идемте!

Сантери пошел впереди, Рейе следом за викингами. Дружина Туре и Карле осталась на берегу.

Перед входом в хижину старейшины Сантери остановился и знаком приказал снять мечи. Карле, Туре и Орвар отстегнули пояса с мечами и сложили их у входа. Сантери отворил низенькую дверь и пропустил ярлов вперед.

В большой комнате с закопченным потолком было пусто. Ярко пылал очаг. Сантери показал на широкую сосновую скамью у стены, и гости сели. Виночерпий отворил дверь в следующую комнату и громко сказал:

— Почтенный старейшина! Вик-Инг пришли к тебе в гости. Свои мечи они оставили за порогом.

Сантери отошел от двери и, обогнув очаг, стал за ним, рядом с Рейе. Лица биармов, багровые от пламени, стали непроницаемыми.

Из внутренней комнаты вышел Хальмар. На нем простор-

ная куртка из выделанной кожи, обшитая красивым узором по воротнику, подолу и рукавам, новые полотняные штаны и легкие сапоги из лосиной кожи с загнутыми носками, украшенные кусочками оленьего меха и цветного сукна. На голове старейшины массивный серебряный налобник с золотым амулетом — соболем.

Викинги встали и поклонились. Могучие ярлы чуть ли не задевали головами низкий потолок. Старейшина пригласил их сесть, сел и сам на трехногий стул с резной спинкой, приготовленный заранее.

Хальмар хлопнул в ладоши, и двое биармов внесли стол с угощением. Тут были деревянные блюда с пареным мясом лося, бочонок с медом, запеченая утка на глиняном блюде, вяленая и соленая рыба — стерлядь, семга, сельдь и щука.

Хальмар не подал виду, что знает по-норвежски, и сказал на родном языке:

— Гости устали и проголодались. У Холодного мыса им, наверное, подве-

ло животы. Все, что на столе, — прошу есть и пить. На голодный желудок серьезный разговор вести нельзя. В голодном животе поселяются злые духи. Изгонять их нужно медом и пищей. От пищи человек становится добрее и разумнее.

Хальмар улыбнулся и подал знак Сантери. Тот перевел эти слова. Викинги заулыбались, закивали и подвинулись ближе к столу. Хальмар налил в деревянные кружки меда.

Рейе, стоя позади очага, вглядывался в лица викингов, осматривал их одежды, вслушивался в отрывистую чужеземную речь.

Когда гости насытились, Хальмар начал говорить о деле.

— Что ищут Вик-Инг на нашем берегу? — спросил он.

— Прежде всего мы просим старейшину принять дары норвежского короля! — сказал Туре Хунд. — Мы желаем богатства и счастья твоему дому.

Орвар тотчас развязал мешок и выгрузил на прибранный стол подарки. Хальмар поблагодарил викингов и короля норвежского и хлопнул в ладоши. Из соседней комнаты юный биармин притащил туго завязанный кожаный мешок со шкурками соболей, выдр, бобров и куниц.

— Примите и вы мой подарок, — сказал старейшина.

— Спасибо, старейшина! Мы передадим все это королю, когда вернемся домой, — сказал Туре. Он достал из своего кошелька фигурку медведя и вручил ее Хальмару:

— Это священный амулет. Он хранит охотника в схватке со зверем. Мне его дал отец, вернувшись из похода в Исландию...

Когда с дарами было покончено, Туре попросил старейшину о том, чтобы все биармы были оповещены о торге — и те, кто близко, и те, кто живет в дальних лесах. Пусть все несут на берег Вины, на торг, побольше мехов, моржового зуба, выделанной и невыделанной кожи. Нурманны будут платить за все это золотом, серебром и своими товарами. Торг будет идти честно, без обмана. Ярл просил старейшину сказать всем биармам, что викинги пришли сюда с миром. Что тот, кто пожелает осмотреть их корабли, будет почетным гостем на драккарах. А после

торга викинги поднимут паруса и отправятся в обратный путь.

Хальмар дал согласие на торг.

Викинги распрощались и вышли из дома старейшины. Нацепив за порогом свои мечи, они довольные вернулись на корабли.

На торге

Торг с нурманнами являл собой зрелище любопытное и редкое в этих местах. Неподалеку от стоянки драккаров, на берегу, на большой луговине, открытой всем ветрам и солнцу, были устроены на вбитых в землю кольях длинные прилавки. На них нурманны разложили товары, небольшие весы с чашечками из тонкой бронзы, чтобы взвешивать серебро и золото.

К берегу приткнулись лодки викингов. В лодках сидели вооруженные скандинавы, готовые выйти на берег по первому зову ярлов.

Дни стояли погожие, ясные, и товары, разложенные на прилавках, и цветные плащи викингов, и праздничные наряды биармов — все выглядело пестро и красочно.

Внизу, на небольшом отдалении от берега, на реке стояли на якорях корабли викингов, легкие, изящные, с форштевнями, увенчанными резными золочеными фигурами.

Давно берега Вины не видели такого смешения красок, такого обилия людей и товаров.

Первым явился на торг купец Рутан. Едва викинги успели разложить свои товары и приготовить сундучки с деньгами, как он, подобно ежу, выкатился из леса и, отдуваясь и пыхтя, приблизился маленькими шажками к прилавку. Двое мужчин несли за ним объемистые мешки. Окинув наметанным взглядом торг, Рутан определил, что главный купец тут — пузатый, чернобородый викинг в плаще цвета крови, с золотой пряжкой на груди, Туре Хунд, — и направился к нему. Вскоре подошел и Сантери, которому отводилась роль переводчика. Толстое узкоглазое лицо виночерпия, гладкое и безусое, как у евнуха, выражало готовность и услужливость.

Рутан подошел к прилавку и, приложив руку к сердцу, поклонился Хун-

ду, затем отвесил поклон Карле и Гунстейну, стоявшим в двух шагах от Туре. Братья были в одинаковых голубых плащах и красных куртках.

— Рад видеть знатного купца из-за моря! — сказал Рутан.

— Рад видеть знатного купца с берега! — отозвался Хунд.

Сантери переводил разговор, познакомил купцов.

— Что хочет купить викинг Хунд? — осведомился Рутан.

— А что хочет продать Рутан? — улыбнулся Туре в ответ.

По знаку Рутана к его ногам мужчина положил мешок.

— Развяжи! — приказал купец.

Биарм быстро развязал мешок. Рутан запустил в него руку и, не сводя глаз с ярла, выбросил на прилавок несколько беличьих шкурок.

Туре Хунд усмехнулся, взял одну из шкурок и небрежно потряс ею в воздухе.

— Товар не по знатному купцу! Я бы на твоём месте выбросил на прилавок бобров или соболей.

Рутан сокрушенно закивал головой, затряс нечесанными, спутанными волосами и зацокал языком.

— Це-це-це... Нынешние годы неудачливы для охотников. Бобры ушли на новые места. Черные соболя убежали далеко в тайгу. Корму мало. А тех, что остались, выловили волки. Смотри, викинг, какой мягкий мех! Хорошее одеяло можешь сшить своей жене! А если у тебя не одна жена — всем хватит того, что в моих двух мешках. А не хватит, еще принесу!

Карле и Гунстейн переглянулись, догадавшись, что Рутан хитрит.

Но торг есть торг. Туре Хунд взял шкурку, вывернул ее наизнанку, осмотрел мездру, помял шкурку в своих толстых сильных пальцах и положил на прилавок.

— Сколько у тебя таких шкурок?

— В одном мешке полсотни, в другом полсотни, — ответил Рутан.

— Что ты хочешь за сотню белок?

— А что ты можешь дать за них? — прищурился Рутан.

— Шесть локтей красного сукна.

— Показывай сукно.

Туре Хунд склонился к большому кожаному кулю, лежавшему у его ног на траве, пошарил в нем и выложил

тонкое сукно вишнево-красного цвета. Рутан схватил отрез и стал его смотреть. Толстые, коричневые то ли от загара, то ли от грязи пальцы его быстро пробежали по кромке товара, стали ощупывать сукно, поглаживать его против ворса. Рутан посмотрел сукно на солнце, попробовал его прочность и с недовольным видом отпихнул от себя.

— Плохое сукно. На солнце просвечивает, как паутина. Такого сукна за мой товар надо двадцать локтей!

— Это сукно плохое? — изумленно воскликнул Хунд. — Это самый лучший товар! Что ты понимаешь в сукнах!

Он взял отрез и хотел было сунуть его обратно в куль, но Рутан удержал его.

— Пятнадцать локтей!

— Семь.

— Двенадцать!

— Восемь!

Сантери едва успевал переводить.

— Одиннадцать, — говорил Рутан.

— Девять, — прибавил Хунд.

— Ладно. Десять.

— Давай шкурки!

Рутан снова пощупал сукно, опять скорчил недовольную гримасу, но махнул рукой.

— Пусть будет по-твоему. Только из уважения к гостю я отдаю шкурки дешевле.

— Я ценю твое уважение, — отозвался Хунд и, взяв с прилавка дубовую мерку, показал ее купцу, чтобы тот убедился, что мерка сделана без обмана. Затем ловко, будто торговал всю жизнь, отмерил и отрезал острым, как бритва, ножом десять локтей. Рутан принял отрез и передал его биарму не глядя.

Он поднял руку, и тотчас из леса вышли еще двое мужчин, тоже с двумя мешками. На этот раз в одном мешке оказались шкурки горносталя, в другом бобровые. Глаза Хунда при виде такого товара загорелись. Он взял бобровую шкурку, потряс ею в воздухе, любуясь шерстью, положил на руку, пригладил ворс, провел рукой против шерсти, подул на мех, чтобы видеть подшерсток. Затем он вывернул шкурку и осмотрел мездру. Шкурка была выделана отлично, но Туре Хунд, боясь ошибиться в оценке, слегка прикусил зубами мездру, чтобы определить ее

вкус. О, он был опытен в таких делах! Руки ярла не только умели держать в руках меч и одним поворотом его делать Красного орла! Они знавали дела и потоньше.

Осмотр бобровых шкурок удовлетворил Хунда. Все они были выложены на прилавок. Карле и Гунстейн, заинтересованные сделкой, подошли и тоже стали смотреть шкурки, втайне завидуя Хунду.

Этот товар покупался на деньги. За тридцать бобров Туре Хунд предложил пять марок серебра². Рутан требовал десять. Сошлись на восьми марках, и Туре, отвесив серебро, довольный, пожал руку купца. Орвар стал прятать меха в мешки Хунда, еще раз внимательно просматривая их.

— Неси мне черных соболей! — сказал Туре Хунд.

— Всему свое время, — уклончиво ответил Рутан и, распрощавшись, ушел.

Туре Хунд, видя недовольные лица братьев, которым еще не удалось ничего купить, стал успокаивать их:

— Не вешай носа, Карле! Товары придут к тебе ногами биармов! Торг еще только начинается.

— Подождем, — отозвался викинг и стал смотреть на лес, откуда должны были появиться продавцы.

Орвар скидал мешки с мехами в лодку и отплыл на драккар. Туре Хунд стоял у прилавка в выжидательной позе.

С драккаров на торг стали прибывать и другие викинги. У кого товаров не было, а были деньги, те шли налегке, пряча кошельки под куртками. Кто имел барахлишко, те несли кожаные мешки. Прибывшие располагались на свободных местах за прилавком.

Из леса, осмелев, стали выходить охотники с мешками на плечах, и к полудню на торге сталолюдно. Быстрая речь биармов мешалась с нурманнской, звенело серебро, из мешков на прилавок выкладывались меха. Викинги предлагали свои товары — ожерелья из медных, бронзовых и серебряных монет, бусы, браслеты из серебра и меди, амулеты и другие безделушки и укра-

¹ Делать «Красного орла» — одним поворотом меча вырезать в бою из спины врага ребра.

² Марка серебра — единица веса (216 граммов).

шения, сало и масло, очень ценимые биармами.

Биармы несли меха соболей, куниц, белок, песцов, выделанные и невыделанные сырые шкурки и отливающие белизной клыки моржей. Один из жителей Ой-Ял принес на плече огромный и тяжелый, как железо, бивень мамонта, найденный им на берегу моря во льду.

Торг становился все оживленнее. Теперь уже и Карле с Гунстейном было чем поживиться, и они повеселели.

Следом за мужчинами-биармами пришли и женщины, вернувшиеся из охотничьих землянок. Их неудержимо влекла суতোлка торга, глаза при таком невиданном богатстве и разнообразии товаров разбегались. Женщины не отставали от мужей ни на шаг, показывали им на сверкающие ожерелья, на крошечные серебряные зеркала, на золоченые браслеты с головками диковинных птиц и зверей.

Под вечер снова явился Рутан, неся на этот раз небольшой мешок. Рядом семеня Сантери. Рутан сказал Хунду:

— Знатный викинг просил принести черных соболей. Я исполнил его желание!

— Выкладывай соболей, — весело сказал Туре.

Рутан запустил в мешок руку и нарочито медленно и бережно положил на прилавок черного соболя.

Туре привычно взял шкурку, встряхнул ее, любуясь переливами шерсти, и опять повторил процедуру осмотра: попробовал мездру на зуб, легонько помял в руках нежнейший шелковистый мех, который тотчас расправлялся, как живой.

— Сколько ты хочешь за него? — спросил Туре.

— А сколько даст викинг?

Туре знаком подозвал к себе Карле.

— Как думаешь, Карле, сколько стоит такой соболю?

— Не больше эйрира золотом, — отозвался Карле, осмотрев соболя. — Мех поврежден. Видишь, около шейки порез? Неаккуратно снимали шкурку!

Сантери шепнул это Рутану.

— Где порез? Какой порез? Ты лжешь! — воскликнул Рутан и, схватив шкурку, стал рассматривать ее. Шкурка и в самом деле была повреждена. По мездре неаккуратный охотник слег-

ка чиркнул ножом. — Ну, это совсем немного. Это не должно делать соболя дешевле. Остальные шкурки — все как на подбор! У меня плохого товара не бывает.

— Шкурка стоит меньше эйрира, — заключил Хунд. — Пятьдесят пеннингов ей цена. Остальные пойдут по эйриру.

— Э, не-ет! — протянул купец. — Дешево хочешь купить! Черный соболю раньше ходил на торге по три эйрира золотом!

— Времена меняются. Теперь соболю стали дешевле... Ладно, пусть он стоит эйрир! — сказал Хунд.

— Два эйрира! — крикнул купец, выставив для большей убедительности два пальца.

Торговцев со всех сторон обступили любопытные. Биармы, подталкивая друг друга и перешептываясь, смотрели, что будет дальше. От того, какую цену установит Рутан, зависели их успехи в торговле. Викинги, не сходя с мест за прилавком, тоже прислушивались, как торгуются Хунд и купец-биарм.

Туре Хунд настаивал на эйрире, Рутан стал прятать шкурку обратно в мешок. Такой оборот сделки ему не нравился.

— Пускай полежит. Найдется покупатель, — решительно сказал купец.

Туре Хунд переглянулся с Карле. Карле кивнул. Они без слов поняли друг друга: два эйрира за черного соболя — самая подходящая цена. Такие меха — большая редкость. Шкурка черного соболя в Норвегии стоила вдвое дороже. Шубы и душегрейки из такого меха были на плечах только самых знатных женщин. Парадная мантия конунга¹ была сшита из соболевых шкур, и он этим очень гордился.

— Два эйрира. Пусть по-твоему! — согласился Хунд. — Сколько у тебя таких соболей?

— Двадцать.

— Вытряхивай. Будем смотреть.

Каждую шкурку Хунд и Карле осматривали долго. Рутан стоял в напряженной позе, глаза его так и бежали: следил, чтобы ни одна шкурка не пропала. Наконец, осмотрев все, Туре сказал:

¹ Конунг — правитель в Норвегии до образования королевства.

— Десять соболей покупаю я. Остальных можешь взять ты, Карле.

Карле с радостью принял предложение Хунда и крикнул брату:

— Приготовь двадцать эйриров золотом. Черные соболя наши!

Из рук в руки ярлы передали деньги купцу. Он спрятал золото в кошелек и, недолго потолкавшись на торге, ушел домой.

Ярлы, довольные покупкой, сложили соболей в мешки. Слуги отвезли их на корабли.

Торг продолжался до сумерек. А когда на берегу стало темно, прилавки опустели. Викинги отплыли на корабли, а биармы вернулись в Ой-Ял. На поляне одиноко горел костер из толстых смолистых дров. Неподалеку от него торчал высокий шест со шкуркой белого песца на верхушке. И костер и шест обозначали место торга, чтобы лесные люди, приехавшие из дальних селений и стойбищ, знали, где можно продать свои товары.

На драккарах горели слюдяные фонари. Запрятав купленные меха в носовой отсек под надежный запор, Туре Хунд поехал на драккар Карле, чтобы отметить удачное начало торга кубком дорогого валлийского вина.

Цена черному соболю

В последующие дни на торг стали прибывать биармы, селившиеся в глубине лесов. Они привезли много мехов выдр, куниц, бобра, черного соболя. Их товары стоили дешевле потому, что эти люди мало понимали в ценах. Туре Хунд не зря тогда поделился шкурками черных соболей с Карле. Он знал, что у биармов, которые придут издалека, меха можно будет скупить за бесценок.

А потом на оленьих упряжках приехали биармы, что кочевали по берегам Холодного моря. Они заметно отличались от жителей Ой-Ял своими одеждами: носили меховые малицы и мягкую обувь из оленьих шкур с подошвами из кожи нерпы. Ни выделанных кож, ни льняного полотна эти люди не знали. Однако они наслышаны были о железе. Ножи, пики они делали из небесного камня — кремня, наконечники стрел, копий и гарпунов изготавливали

из кости. Их деревянные щиты были обтянуты толстой кожей.

Побережные биармы привезли немало песцов, шкур белых медведей, пыжика и нерпы, тюлений и китовый жир в кожаных бочонках, моржовый зуб и китовый ус — все, что им удалось добыть и летом и зимой у берегов и на ближних островах Холодного моря.

Биармы из дальних стойбищ и кочевники-оленоводы не продавали своих товаров на серебро и золото. Они брали только готовые украшения и настойчиво искали на торге железо. Им были нужны кованые наконечники стрел, гарпунов, стальные ножи и топоры.

На кораблях викингов было немало этого добра, но Туре и Карле договорились, что оружие они будут обменивать на товары только в крайнем случае. Нельзя вооружать биармов. Случись военная стычка — железо нурманнов обернется против них.

А лесные и побережные биармы все искали железо. Ни золото, ни серебро их не прельщали. Золото — красивый блестящий металл — не годилось для изготовления стрел и копий. Оленоводы не дорожили им.

Но викингам не хотелось упускать добро, и они, посоветовавшись, все же открыли на кораблях отсеки с оружием. В конце концов биармы вряд ли первыми нападут. А викинги, закончив торг, могут спокойно уйти в Норвегию, не ввязываясь в драку.

Увидев железные поковки, биармы повеселели и охотно вытряхивали на прилавки содержимое своих объемистых мешков.

Рейе подолгу толкался среди купцов и охотников, прислушиваясь к разговорам, глаза на разложенные на прилавках богатые товары, прицениваясь к разным безделушкам. У него было немного серебра, и он купил для Лунд налобник с золоченым амулетом — двухголовой птицей. Обруч налобника неизвестный мастер изготовил из латуни. Работа была тонкая, и Рейе польстился на нее. Он ткнул пальцем в изделие, лежавшее на прилавке, и спросил молодого рослого викинга с короткой русой бородой:

— Сколько хочешь за него серебра?

Толмач викингов, помогавший морякам в торге, подошел и перевел его вопрос. Молодой викинг ответил:

— Два эйрира серебром или два белых песка.

Это был Асмунд. Рейе достал кошелек и вынул несколько монет. Асмунд попросил у соседа весы и бросил монеты на чашечку. На другой чашечке была гирька, равная двум эйрирам. Рейе добавил еще монету, и покупка перешла в его руки. Асмунд спрятал серебро в кожаный кошелек. Теперь у него уже накопилось порядочно денег, и он мог приобрести соболей для своей невесты Гриды.

Рейе отошел от Асмунда и снова окунулся в сутолоку торгового двора. Дома, в хижине, у него хранилось пять резных кубков из моржового зуба. Молодой биарм видел, что такого товара на торговле нет, и кубки можно продать по высокой цене. Он решил принести их на торговлю.

Он сунул налобник за пазуху и отправился в Ой-Ял. По пути зашел к Лунд. Ясноглазая сидела перед входом в хижину и натягивала на правило только что снятую отцом шкурку лисицы. Увидев Рейе, она поднялась с

чурбана, на котором сидела, положила правило на траву.

— Где ты был, Рейе? Уж не продавал ли на торговле черных соболей?

— Черных соболей у меня нет. Смотри, что я купил! — Он вынул из-за пазухи налобник. Лунд стала рассматривать покупку. Глаза ее оживились.

— Красиво! — сказала девушка.

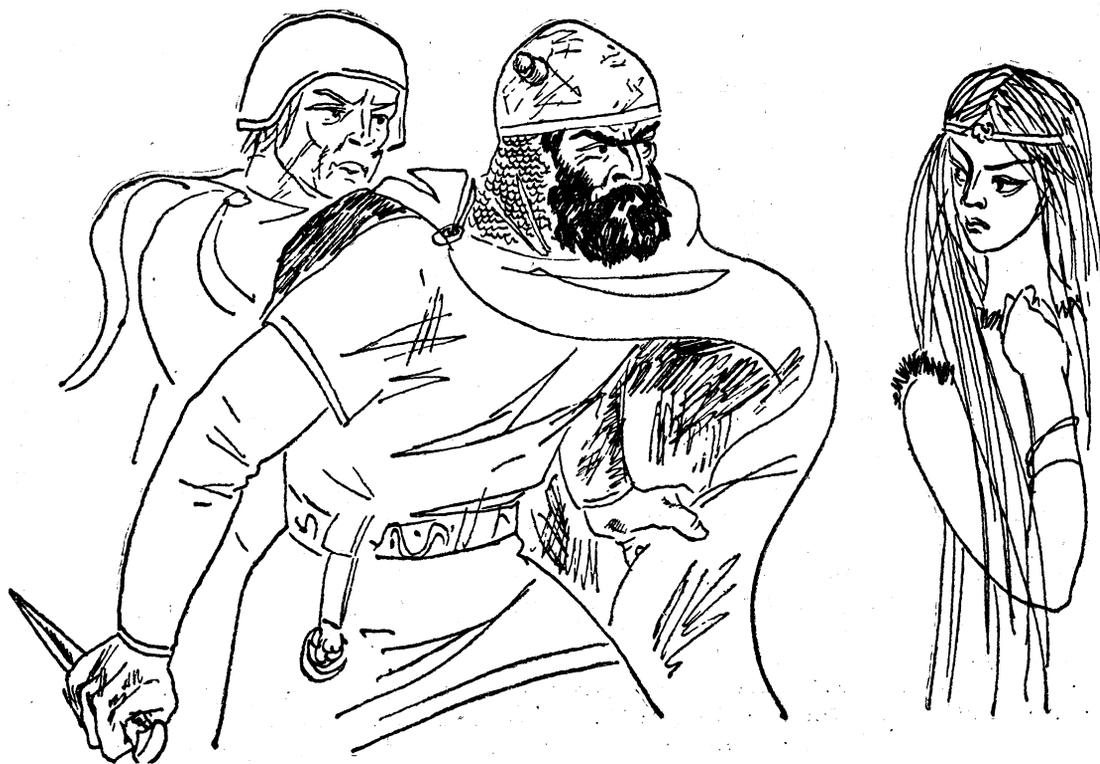
— Возьми это себе!

— Мне? Ой, Рейе, какой ты добрый! — Она примерила подарок, старательно расправив волосы. Золоченая птица с двумя головами и широко раскинутыми крыльями задрожала и замерла над ее переносицей. Крылья касались темных бровей девушки. Рейе залюбовался Ясноглазой.

— Спасибо, — сказала Лунд. — Не знаю, чем и отблагодарить тебя...

— Там, в чулане, есть восемь шкурки белого песка, — раздался за спиной Лунд голос Вейкко. — Слышишь, Лунд? Отдай их Рейе. Пусть продаст на торговле. Я не хочу смотреть на этих Вик-Инг! Меня мутит при виде чужеземцев.

Вейкко подошел к дерновой крыше

хижины и повернул палкой лежавшую на солнце пеке большую, вздувшуюся рыбину. Рейе узнал стерлядь, которую неделю назад принес в подарок. Вейкко, как видно, хотел, чтобы рыба протухла.

— Зачем ты испортил ее, Вейкко? — спросил Рейе. — Или ты любишь тухлую рыбу?

— Не обижайся. Она нужна воинам.

— Разве воины будут есть такое дерьмо?

— Ты еще молод и ничего не знаешь, — сказал старик. — В тухлой рыбе живет яд. Если потыкать стрелой в спинку рыбы, наконечник будет нести смерть нурманнам.

Рейе от удивления вытаращил глаза. «Вот уж никак не думал, что моя рыбина пригодится на такое дело. Тогда не жалко. Пускай тухнет».

Лунд принесла мешок со шкурками и подала его Рейе.

— Возьми и меня на торг, — попросила она.

— Пойдем. Только я загляну домой, чтобы взять свой товар.

Когда Рейе и Лунд появились на берегу, викинги сразу обратили на них внимание. Молодой, крепкого сложения

парень и высокая темноглазая девушка в длинном меховом безрукавом одеянии, опущенном по подолу белым мехом, смело подошли к прилавку, где стоял Туре Хунд. Ярл, не отрываясь, глядел на Лунд. Девушка ему понравилась, и он сказал:

— Полная луна взошла среди белого дня. Откуда у биармов такие красавицы? Что хочет купить дочь лесов?

Толмач, тотчас вынырнувший из толпы, перевел эти слова. Лунд смущенно опустила взор и, взяв Рейе под руку, припала к его плечу.

Туре Хунд выбросил на прилавок кусок голубого шелка. Шелк стоил очень дорого. Он попал к Хунду от венецианского купца, приходившего в прошлом году в Нидарос. Лунд не удержалась и погладила ткань рукой, но сказала с достоинством:

— В наших лесах такие шелка не носят: разорвешь о сучья. Не надо мне шелк.

— Красавица привередлива! — улыбнулся Хунд. — Тогда, может быть, ей понравится вот это? — Он небрежно выбросил на прилавок пурпурную накидку из тонкого бархата, отороченную

белым, как снег, кружевом. Такие вещи жены викингов носили по праздничным дням. Туре развернул накидку. Бархат переливчато заиграл на солнце.

— Что скажешь, черноглазая? Нравится? — спросил ярл, поглядывая на Лунд. — Хочешь, подарю ее тебе!

— Мне подарков не надо, — сказала Лунд.

Рейе взял накидку, хорошенько рассмотрел ее. Товар ему понравился, и он спросил:

— Сколько стоит эта тряпка?

— Тряпка? — Туре Хунд захохотал, и толстый живот его заходил ходуном, а плечи затряслись. — Это тряпка? Ты слышишь, Карле! Он говорит, что это тряпка!

Карле, видевший все это, улыбнулся.

— А ведь он прав. Тряпка есть тряпка. Хотя она стоит по меньшей мере три эйрира серебром!

Рейе положил накидку на прилавок

и вынул из мешочка один из кубков. Хунд перестал смеяться, в глазах его появился интерес. Он стал рассматривать изделие. Кубок был выточен из моржового клыка, на круглой подставке-доньшке. По бокам затейливый орнамент из веток деревьев, птиц и зверей. А по верху — ободок из колец. В каждом кольце по крошечной тонкокрылой чайке. Хунд передал кубок Карле и спросил:

— Неужели это дело твоих рук?

— Мои руки умеют еще не такое делать, — отозвался Рейе. — Хватит этого кубка за твою красную тряпку?

— Эге! — сказал Хунд. — Как видно, эта черноглазая — твоя невеста! Кубок хорош, но работа грубовата. Наверное, у тебя нет подходящего инструмента? Накидка все-таки стоит дороже.

Рейе хотел было достать еще один кубок, но Лунд удержала его. Она развязала другой мешок и выбросила на прилавок белого песка.

— Этого тебе хватит. Давай на-
кидку!

Туре Хунд взял шкурку и с покло-
ном вручил девушке покупку.

— Эй, парень! Есть еще у тебя та-
кие кубки? — крикнул Рейе викинг
Карле. — Подойди сюда!

Рейе пошел на зов. Туре Хунд по-
смотрел вслед девушке. Лицо его ста-
ло озабоченным. Он бросил толмачу
монету. Тот схватил ее на лету и пошел
к Карле.

Молодой охотник продал оставшие-
ся кубки братьям Карле и Гунстейну
за двадцать железных наконечников
для стрел. Теперь ему не страшно
встретиться на охоте ни с волком, ни с
рысью.

Он вспомнил о молодом викинге,
который продал ему утром налобник
для Лунд, и пошел к нему. Асмунд
стоял на том же месте. Как видно, его
скромные товары — ожерелье из брон-
зовых монет, несколько амулетов и
медные ножные браслеты — не пользо-

вались спросом, и Асмунд больше
смотрел, как торгуют другие. Рейе по-
дошел к викингу, попросил у Лунд
шкурку песца и подал Асмунду. Тот,
любясь пушистым, белым, как снег,
мехом, рассматривал шкурку. Толмач
был тут как тут. Он что-то быстро про-
говорил викингу. Асмунд кивнул и
спросил Рейе:

— Что ты хочешь за шкурку? Она
мне нравится.

Лунд с любопытством смотрела на
рослого иноземца с добродушным ли-
цом. Рейе пошептался с Лунд и сказал
Асмунду:

— Ты, как видно, не богат. Но у те-
бя, наверное, есть невеста? Отвези ей
эту шкурку. Мы дарим тебе песца.

Асмунд покраснел и не сразу на-
шелся, что ответить. Он поблагодарил
биармов и достал из мешка тонкий се-
ребряный ручной браслет в виде змей-
ки с раскрытым ртом. Изо рта высовы-
валось острое жало.

Асмунд протянул руку к Лунд, и
она тоже протянула ему свою руку. Ви-
кинг надел на запястье девушки брас-
лет и сказал:

— Это вам подарок от меня и моей
Гриды.

Браслет стоил дороже песца, но
Асмунд отказался от второй шкурки,
которую ему предложили биармы.
Он радушно пожал руку Рейе, и на
этом они расстались.

* * *

После полудня подул северный ве-
тер. На небе появились косматые об-
лака. Но торг шел своим чередом.
Из лесу выходили все новые и новые
продавцы мехов, и на чашечках весе-
лее позванивало золото и серебро.
В разгар торга, на тропе, ведущей в
Ой-Ял, появились трое мужчин, по об-
личью не похожие на биармов. Впере-
ди рослый, угрюмого вида, русобородый
человек в кафтане из домотканого сук-
на, в высоких кожаных сапогах. Из-под
распахнутого кафтана виднелась синяя
холщовая рубаха, перехваченная ко-
жаным поясом. На поясе висел охот-
ничий нож с костяной рукояткой, с дру-
гой стороны за ремень заткнута шкур-
ка соболя. Голова перевязана чистым
полотном.

За ним шли два молодых парня в
таких же серых кафтанах с мечами в

ножнах. Парни были высоки, широкоплечи и светлоглазы.

Это были Владимирко и два его товарища — Василько и Булат. Владимирко осматривал торжище и, по-видимому, искал кого-то в толпе. Наконец он заметил из-за спин биармов алый плащ Туре Хунда и направился к нему. Хунд тоже заметил ватажников. Смутная тревога не покидала его с того мгновения, как только Владимирко вышел из леса. Владимирко подошел вплотную к прилавку. Тяжелый взгляд ватажного старосты встретился с бегающим взглядом Туре Хунда-Собаки. Владимирко вытащил из-за пояса шкурку соболя и молча бросил ее на прилавок перед Хундом. Туре взял шкурку и стал оценивать ее, не сводя глаз с Владимирка и еще не понимая, чего от него хочет этот угрюмый мужик.

Толмач перевел Владимирку вопрос Туре Собаки:

— Сколько стоит этот соболя?

Владимирко, помедлив, сказал громко, на весь торг, так, что его услышали многие биармы и викинги:

— Двадцать три жизни!

Туре Собака нахмурился, в глазах его забегали злые огоньки:

— Я не понимаю тебя, купец!

— Двадцать три моих товарища, которых ты потопил в море.

Туре Собака вспомнил ветренный вечер в море Ган-Вик у мыса Варгав, три поморские ладьи, шедшие курсом на полуночь. Вспомнил, как он приказал направить драккары наперерез ладьям. Ему почудилось, что он слышит крики поморов, свист стрел, гулкие удары глиняных ядер о борта ладей: викинги забросали поморов ядрами из пращей. Две ладьи, подмятые форштевнями драккаров, ушли ко дну, третья спаслась бегством... Хунд прекрасно это помнил. Однако он, не теряя самообладания, отрывисто бросил:

— Я ничего не знаю. Скажи яснее!

— Не знаешь? — гремел голос Владимирка. — Коротка у тебя память! Соболя я тебе отдам, когда ты сполна заплатишь нам за смерть побратимов!

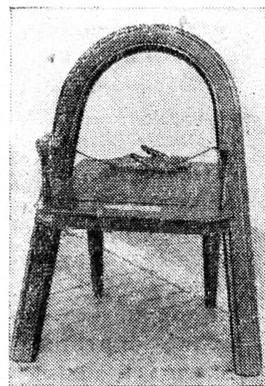
Владимирко взял соболя и сунул его обратно за пояс.

Туре Хунд-Собака провожал его встревоженным колючим взглядом.

Окончание следует.

По следам «Уральского следопыта»

СКАЗКА О КРЕСЛЕ

В июньском номере «Следопыта» была напечатана «Сказка о кресле». Она заинтересовала многих читателей. И вправду — интересная поэтическая история рассказана в ней. Но вот насколько правдива она — вопрос. И его надо непременно разрешить, ибо в газетах разных городов нередко еще появляются заметки об очередной находке «замечательного кресла», якобы уникального, нигде больше не встреченного, о том, что эти кресла — творения безвестных народных мастеров-умельцев и что они представляют собой образцы народного искусства. Так ли это?

Вот что показали разыскания. Кресла эти — не «образцы народного искусства», а подделка под него. Знайки старинной мебели искусствоведы Д. Н. Ермолаева и З. П. Попова так пишут о них в своей статье «Мебель», опубликованной в 3-м томе «Русского декоративного искусства» в 1965 году: «В последней трети XIX столетия особое место заняла мебель в псевдорусском стиле. В ней грубо искажались народные традиции и формы. Она была логически не связана с назначением предметов и не имела ничего общего со старинной и народной мебелью. Таким примером является кресло с дугой-спинкой, локотниками в виде топориков, с резной полосой на сиденье».

И, в самом деле, зачем бы русский крестьянин стал делать себе и односельчанам кресла, в которые толком и сесть-то нельзя? В русском народном искусстве украшательство вещей никогда не играло самодовлеющей роли. Стремясь украсить изготовленную ими вещь, русские мастера никогда не забывали о прямом назначении изделия — чтобы им было удобно пользоваться.

Но кто же, когда и зачем делал эти кресла? И это, оказывается, не так уж трудно установить. Тем более, что об этом не однажды писалось. Вот что, например, сообщала в «Огоньке» Е. Двойникова:

«Впервые такое кресло было представлено на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге в 1870 году, после чего мастер Василий Петрович Шутов добился льготного права на изготовление подобной мебели в течение десяти лет. Кресла, выполненные «под русскую старину» — с топориками-подлокотниками и деревянной рукавицей, — пользовались в то время спросом у купечества и некоторой части интеллигенции. Василий Петрович Шутов (1826—1887) был резчиком по дереву и художником. Благодаря своему упорству и таланту Шутов получил высшее художественное образование. Жил и работал главным образом в Петербурге. В. П. Шутову принадлежит много замечательных работ из дерева». Таких кресел было изготовлено более пятидесяти. Вот установить, где они сейчас — это тоже небезынтересная задача. И нужно это хотя бы для того, чтобы предупредить новые «открытия Америк».

А как же сказка? Что ж — сказка и остается сказкой. Не трудно представить себе и то, как родилась она. Увидел человек такое кресло в музее, задумался, вспомнил рассказы дедушек-бабушек о давнем житье-бытье, о древних нравах, о безвестных искусниках-мастерах — и незаметно для самого себя родилась в его голове сказка, где есть что-то от правды, а что-то от вымысла. И пошла эта сказка гулять по свету: не хочешь — не слушай, а врать не мешай. Зато, как и о каждой сказке, о ней можно сказать: «Сказка — ложь, да в ней намек». Намек, вернее, напоминание о том печальном прошлом, когда золотые руки мастеров-умельцев рвались к творчеству, к созданию художественных творений, но условия-то не способствовали этому и нередко приводили художников к трагическому концу.

А. ПОХОДОВ

ОХОТНИЧЬИ БЫЛИ

Максим ЗВЕРЕВ

Рисунки Н. Мооса.

Василий Иванович, пожилой очкастый толстяк, в день открытия охоты приехал на разъезд с ночным поездом, вышел из вагона, поправил за спиной рюкзак и зашагал по проселочной дороге в темноту ночи. Его крапчатый сеттер Лора бежал впереди, белея на фоне черных кустов.

На рассвете охотник добрался до знакомых заливных лугов. Утренний туман заполнял все низкие места. Но безоблачное небо обещало хороший августовский день.

Василий Иванович уселся на пригорке, достал из чехла ружье и собрал его. Выпив из фляги сливянки, он закусил бутербродом. Первые лучи солнца брызнули из-за горизонта.

Василий Иванович послал собаку вперед и бодро зашагал следом. Вскоре из-под ног фыркнул бекас и полетел, бросаясь из стороны в сторону.

После первых промахов Василий Иванович начал нервничать. Лора вспугивала одного бекаса за другим, но все они благополучно улетали. Собака разгорячилась и безудержно гонялась за каждым бекасом, мешая стрелять. Вскоре Лора разогнала всех птиц на болоте и,

высунув язык, поплелась за хозяином, наступая ему на пятки.

За кустами раздались голоса. «Наверное, рыбаки,— подумал охотник.— Куплю у них рыбки, а то неудобно возвращаться домой с пустыми руками». И он направился на голоса.

— Ишь, чего захотел! Рыбки!— огрызнулся один из рыбаков на вежливую просьбу Василия Ивановича.

— Мы еще не рыбачили сегодня,— сказал другой.— Пока сети ночью сохли, в них два ежа запутались и так все скатали, что ничего не можем поделать. Сидим за этим рукоделием все утро, распутываем... А собачка-то у вас породистая, красивая. Хорошо идет?

— Прекрасно! Медаль имеет за экстерьер!

— За что? — не понял рыбак.

— За общий вид,— пояснил Василий Иванович.

— А-а!

— Она у меня умница. Ей медный пятак в воду брось, она и то принесет! — зачем-то соврал Василий Иванович.

В это время раздался свист утиных крыльев, и над головой показалась утка. Василий

Иванович вскинул ружье и выстрелил не целясь. Утка камнем упала за кусты и громко шлепнулась в воду.

— Молодец, — похвалил сердитый рыбак. Василий Иванович бросился за кусты, сам не веря своей удаче. Утка неподвижно лежала на воде под противоположным берегом неширокой речки.

— Лора, вперед! Возьми! — кричал охотник, бросая в утку пустыми выстреленными патронами. Лора ни за что не шла в воду.

Василий Иванович разделся и, оглянувшись, полез сам. Речка была неширокая, но глубокая, с едва заметным течением. Охотник легко переплыл ее и вылез на том берегу с уткой в руках. Купанье освежило его, и он стал с удовольствием валяться в песке, по-мальчишески греясь на солнце. Ласточки с приятным щебетом носились над ним, ловя насекомых. Где-то недалеко скрипел коростель. Воздух был наполнен запахом душистых трав и цветов. Утка была большая и тяжелая — наконец-то он вернется домой с дичью! Даже Лора не казалась теперь дрянной собакой.

Между тем Лора беспокойно бегала на том берегу, скуля и повизгивая.

— Поди ко мне, Лорочка, поди сюда, собачка! — позвал охотник.

Собака радостно взвизгнула, схватила в зубы брюки и поплыла с ними к хозяину.

— Назад, дура! Назад! — испуганно закричал Василий Иванович. В карманах брюк были паспорт и деньги. Лора буксировала брюки за кончик одной штанины.

— Пошла назад! — иступленно кричал охотник, видя, как брюки медленно тонут. Он схватил утку и швырнул ее в собаку. Утка угодила прямо по морде. Лора взвизгнула и повернула обратно, выпустив штанину. Брюки мгновенно погрузились на дно. А Лора выскочила на берег и, не отряхиваясь, мокрая и грязная, уселась на остатки одежды хозяина, стуча зубами и трясясь.

Задыхаясь от гнева и отчаяния, Василий Иванович переплыл речку, прихватив по дороге утку, и бросился к собаке. Лора кинулась в сторону. Пробежав за ней босиком всего несколько шагов по скошенному лугу, Василий Иванович наколол ногу. Хромая, он вернулся, надел резиновые сапоги, схватил ремень и опять бросился за собакой. Но Лора не подпускала его близко. Василий Иванович закашлялся, его начала душить одышка и, запустив в Лору комком грязи, вернулся к одежде.

Как достать брюки со дна речки? Если попросить рыбаков — они просмеют. Но другого выхода не было.

В шляпе, куртке, трусиках и в резиновых сапогах предстал Василий Иванович перед рыбаками. Даже сердитый не мог удержаться от смеха при виде охотника в таком «парадном» костюме!

— Стал купаться, а собака за мной. И вздумала подать мне брюки... Ну и утопила... Достаньте, пожалуйста. Я заплачу вам, — лепетал Василий Иванович.

Рыбаки засмеялись еще громче.

— Слышали мы, как сами за уткой вместо собаки сигналы. Ха-ха-ха! Ну, да ладно, достанем! А собачку-то вы продали бы начальнику нашего разъезда — он давно ищет. Зачем вам такую? А тот живо выучит!

Охотник смущенно молчал.

Рыбаки с лодки багром достали брюки. Но деньги размокли. Пришлось за труды отдать рыбакам утку...

Домой охотник вернулся без собаки. Он за бесценок продал Лору начальнику разъезда и твердо решил бросить охотиться. Но вскоре купил новую собаку — горбатого могила исправит!

Люди и море

Изменчив, суров и непонятен Каспий. Со времен глубокой древности он то медленно наступает на сушу, затопляя острова, поселки, целые города, то быстро отступает, и тогда обнажаются береговые отмели, а приморские селения оказываются далеко на суше. Рыбаки перебираются поближе к морю, и на покнутые строения безмолвно и неотразимо наползают песчаные дюны.

Неисчислимы ущерб, причиняемый народному хозяйству капризами Каспия.

Проблемами этого изменчивого моря увлечены герои романов В. Мухиной-Петринской¹. Причем «Смотрящие вперед» и «Обсерватория в дюнах» объединены в книге не только одной темой, но и сквозным сюжетом и общими героями.

Талантливый океанолог Филипп Мальшет разрабатывает проект грандиозной дамбы, которая перегородит и наконец обуздает Каспий. Испокон веков человек всецело зависел от моря. Постройка дамбы в корне изменит положение вещей: теперь море будет зависеть от человека. И оно уже никогда не уйдет от рыбозаводов и рыбачьих поселков...

Дерзкий проект Мальшета привлекает многих энтузиастов. Нелегко и не сразу даются им первые победы: организация экспедиции на «Альбатросе», создание опытной Каспийской обсерватории... Немало мешают и мешают от науки, озабоченные лишь тем, как бы сохранить собственный престиж, уберечь от критики свои — пусть неверные, но привычные теории и построения.

Да, люди, окружающие наших героев, не всегда столь же преданы общему делу, как, скажем, сам Мальшет. Отсюда и острота и напряженность сюжета книги.

...С неба сыплет крупный мокрый снег. Все хуже и хуже становится видимость. В довершение всего — начинается обледенение самолета. А до берега далеко: внизу простираются изборозженные торосами и трещинами бескрайние ледяные пустыни зимнего Каспия. И вот Глеб Львов — казалось бы, первоклассный летчик, — совершает дикий, немислимый поступок: он высаживает своих пассажиров на лед.

Действительно, самолет не потянет троих: кончается горючее, покрытая льдом машина тяжелеет, теряет скорость, то и дело угрожающе клюет носом. Но — бросить товарищей?!... По вине Глеба почти месяц скитаются во льдах Яша Ефремов и Фома Шалый. Голодные, больные, вконец измученные, они все-таки добьются до берега, — им помогают в этом огромное мужество, целеустремленность, большая человеческая дружба.

Немало опасных приключений выпадает на долю героев В. Мухиной-Петринской, немало трудностей встает перед ними. И читающий книгу ни разу не разочаруется ни в Мальшете, ни в его друзьях и помощниках. Более того, их душевная стойкость, чистота и благородство их помыслов, безграничная преданность мечте заставят и читателя искренне поверить в осуществимость этой мечты, в то, что люди сумеют обуздать капризное море.

В. БУГРОВ

¹ В. Мухина-Петринская. Смотрящие вперед; Обсерватория в дюнах. Романы. Издательство «Детская литература», 1965 г.

Жарким августовским вечером медленно брел я по горному берегу реки Уфы. Охота за боровой дичью в этот день была неудачной. Когда до города Караидель оставалось километра два, увидел, что с горы в реку катятся какие-то кольца. Их было много, очень много. Прислонившись к сосне, я старался разглядеть «путешественников».

Сворачиваясь в кольцо, скатывались с горы змеи. Достигнув реки, они принимали обычный вид и плыли: из воды торчали только головы.

Дня через два в местной газете появилась заметка, в которой рассказывалось, что колхозники, косившие траву, обнаружили в реке огромное количество змей. Они убили семьсот двадцать одну гадюку.

Мне думается, что такой массовый переход змей объясняется очень жаркой и сухой погодой.

А. ВЕТРОВ

МЕДАЛЬ... С КУРЬЕЗОМ

Лица придворных были тревожны. Чиновники ждали резолюции царя на докладе о проекте медали. Медаль предназначалась для награждения участников русско-японской войны.

Успехи царской армии были далеко не выдающимися, и поэтому Николай II рядом с предлагавшимся текстом «Да вознесет вас господь» написал: «В свое время».

В канцелярии это решение «его величества» приняли за дополнение к надписи на медали. И на памятной награде из бронзы были вычеканены в четыре строчки: «Да вознесет вас господь в свое время»...

Одна из таких курьезных медалей хранится в Оренбургском краеведческом музее.

А. ДОБРУСИН

ПОЛДЕНЬ

Я лежу в траве высокой.
Сверху —

неба полоса.

В стороне шуршит осока,
Бродят чьи-то голоса.

Я надежно скрыт травой,
Разделяют нас кусты,

Слышно мне, что ходят двое,
Что корзинки их пусты.

Нипочем двоим жарница —

Смехом эхо веселят:

То ль нетерянное ищут,
то ль свое найти хотят.

А. РОМАНОВ

С ПЛА- НЕТЫ

Юмореска

В. НАРКИНСКОГО

Невозможно живому усидеть на месте. Люди желают на Марс, марсиане на Землю. Прилетает, наконец, один простодушный марсианин на Землю.

— Что тут у вас?

— Вообще ничего, — отвечают, — только, бывает, бюрократы заедают. Живучее племя.

Усмехнулся марсианин.

— Это ерунда. Мы своих антибюрократином травим. Препарат есть такой. У нас дело хуже. Есть на нашей планете четыре музыканта. Все четверо лодыри и лежебоки. Потому редко играют. А марсианин без музыки не может. Как месяц подряд не послушает, так напрямиком в канал и — бросается. А в каналах, будет вам известно, воды нет, сухость одна сплошная. Вот и калечатся до смерти...

И тут марсианин горько заплакал.

Тогда люди принесли стереомагнитолу. Музыка заиграла. Заслушался марсианин, плакать перестал.

— Что за дивная музыка!

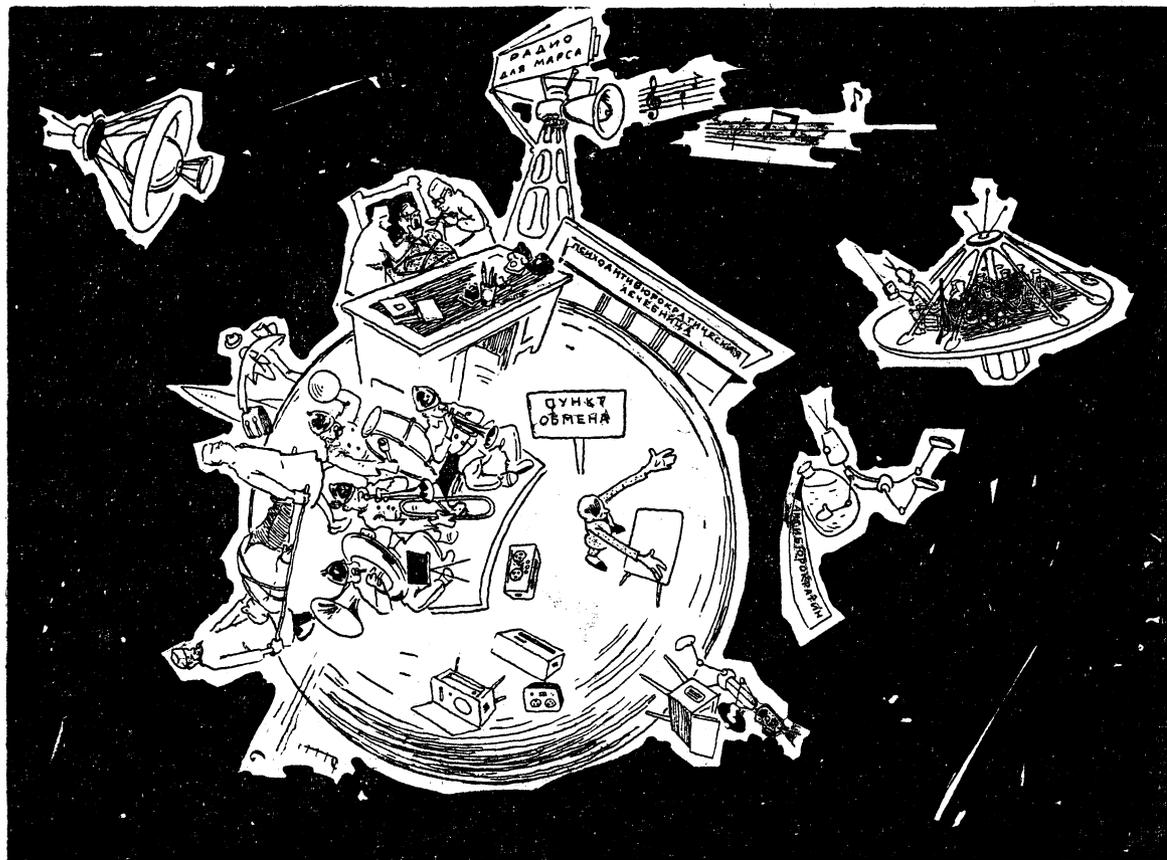
— Это «Баркарола».

— Бакарола! Бакарола! — закричал марсианин. Прыгает, дубасит себя по голове кулаками.

Поглядели люди, как запланетный турист радуется, улыбнулись.

— У нас не только «Баркарола»...

Живет марсианин на Земле месяц, другой припеваючи. На первое неизменно «Баркаролу» тре-

бует, на второе — Мендельсона, Сен-Санса — на третье.

— Ну-с, дорогой гость, пора тебе и домой.

— Не поеду! — завопил марсианин. Уцепился за магнитола — трактором не оттащишь.

— Нехорошо так, — сказали люди, — ты вроде дезертира получаешься. Домой надо, земляков выручать. Музыку им повезешь.

Один недоверчивый из землян, недовольный такой и нервный, руку тянет: «Музыки им не давать! Не давать, пока они наших бюрократов не потравят!»

— Молчи! — поправили своего люди. — Так связи не завязываются.

Отошли в сторонку, стали совещаться.

— Может, ансамбль пожарников пошлем?

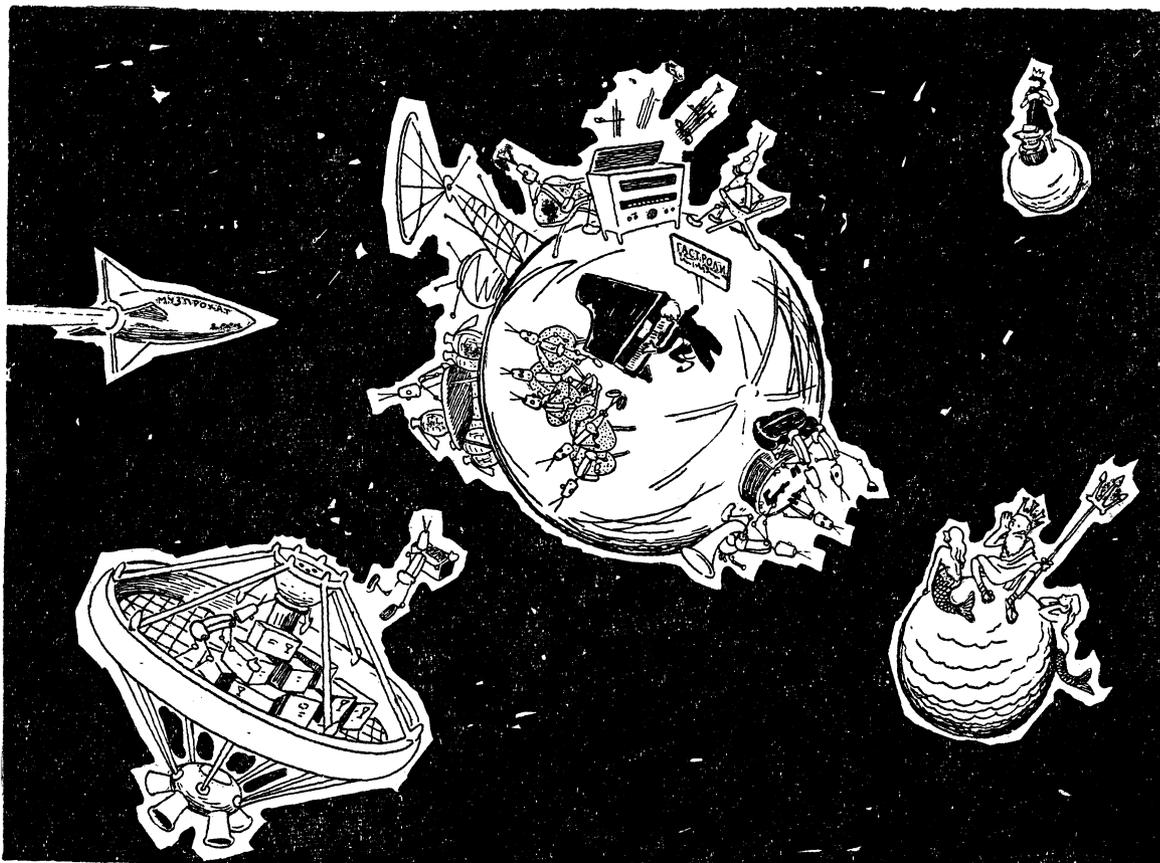
— Что вы? Неудобно.

Конфликт, как говорят, локальный. За рамки порядности не вышел. Упаковали магнитофонные записи Вана Клиберна, Давида Ойстраха и Муслима Магомаева. И закрутилась самая счастливая во всей Вселенной торговля. «Искусство — на Марс, антибюрократин — на Землю».

Веселей забегали вокруг Солнца планеты. Одна только Венера не желает пока принимать участия в межпланетном экспортеимпорте. Атмосфера у нее такая — непрозрачная, словно шторы на глазах.

НА ПЛА- НЕТУ

Рисунки
В. Бубеницкова

НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ МАРКА

Эту почтовую марку принес в редакцию газеты «За тяжелое машиностроение» филателист Уралмаш С. Л. Гольфанд.

— Смотрите, наш завод! — сказал он. — Не так уж много таких марок.

Мы стали ее рассматривать: шагающий экскаватор, в овале — корпуса цехов. А в левом верхнем углу — три ордена, которыми награжден Уральский завод тяжелого машиностроения.

Такую марку в серии «Первенцы советской индустрии» выпустило министерство связи СССР к 25-летию со дня пуска предприятия. Перефотографировали ее и принесли художнику Ф. Рыбакову на ретушь.

— У меня есть уже хороший снимок такой марки! — ответил художник. — С него клише получится куда лучше!

Он долго рылся в своих архивах и на самом деле разыскал отличную копию. Но марка на фотографии была другая. Нет, рисунок повторялся, а номинальная стоимость не 40 копеек, а 60.

— Вот здорово! — воскликнул Гольфанд. — А у меня такой нет! Интересно, интересно!

Не оказалось такой марки и у других филателистов.

Редакция опубликовала снимок художника Ф. Рыбакова и написала, «что такую марку найдешь не в каждой коллекции».

Так оно и вышло. Ни в одной коллекции марок достоинством 60 копеек не оказалось. Уралмашевские коллекционеры всполошились. Разыскали каталог. Но и там ничего не говорилось о второй марке.

Начались поиски. И все оказалось очень просто. Не было марки 60 копеек. Был только эскиз, представленный на рассмотрение Министерства связи СССР. (Он и попал к Рыбакову). Почтовую марку достоинством в 40 копеек Министерство связи СССР выпустило, а от 60-копеечной отказалось.

Л. КЕККЕЛЕВ

В НОМЕРЕ

ПОЛНОЙ ГОРСТЬЮ. Е. Спехов	1	СМЕРТЬ КРАСНОГОЛОВОГО. Э. Бутин. Рассказ	44
ФОТОТЕКА СЛЕДОПЫТА	12	ДНИ С ГАЙДАРОМ. В. Королев	49
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...	13	ОЖЕРЕЛЬЕ ИОМАЛЫ. Евгений Богданов. Повесть-легенда. Продолжение	59
ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК. Светлана Кузнецова	14	СКАЗКА О КРЕСЛЕ. А. Походов	74
ВТОРАЯ ТРАНССИБИРСКАЯ. Ю. Сигидин	16	МЕДАЛИСТКА. Максим Зверев. Охотничьи были	75
63 ЧАСА, 16 МИНУТ, СТАВШИЕ ВЕЧНЫМИ. Г. Мишкевич	18	ЛЮДИ И МОРЕ. В. Бугров. Книжная полка	77
НА ГРАНИЦЕ. Ю. Муравин. Фотоочерк	28	ПОЛДЕНЬ. А. Романов. Стихотворение	77
ДВУХЭТАЖНЫЕ РЕКИ. Г. Вахрушев, профессор	31	С ПЛАНЕТЫ НА ПЛАНЕТУ. В. Наркинский. Юмореска	78
КОНЖАК ПРОСИТ ПОМОЩИ. Г. Бабаков	32	НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ МАРКА. Л. Кеккелев	80
ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ СЛЕДОПЫТА	36		
ОТКУДА ЭТО СЛОВО. В. Житников, кандидат филологических наук	40	ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ Ю. ЕФИМОВА, НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ ФОТО ИВАНА ТЮФЯКОВА РЕКА ИСЕТЬ ОКОЛО КАМЕНСКА-УРАЛЬСКОГО.	
РОМАШКИ. Г. Сухорученко. Стихотворение	41		
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	42		

Технический редактор

Э. Максимова

Рукописи

не возвращаются.

Корректор

В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.

Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редактора, Д8-04-49, производ. отдел.

Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 15/VII 1966 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. Уч.-изд. л. 9,77.
НС 20200. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 441.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

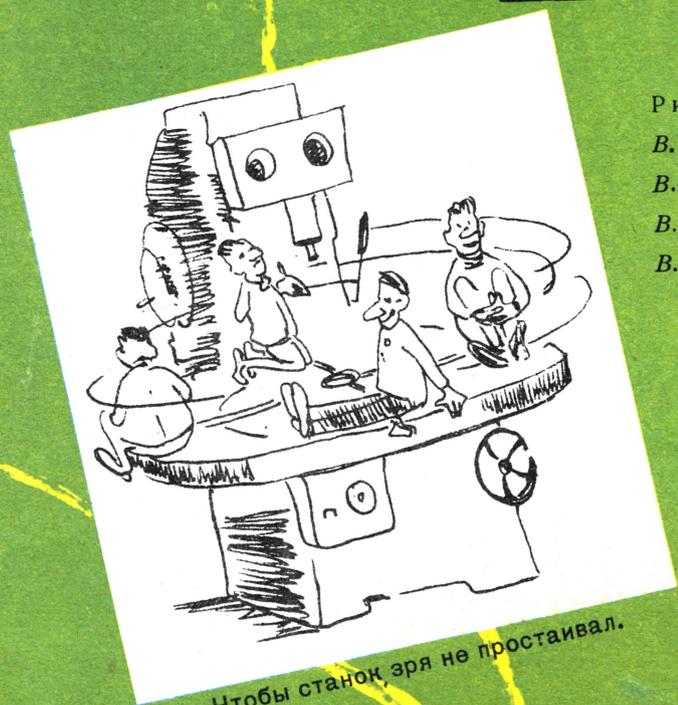
— Так ты все еще утверждаешь, что рыбалка — самое трудное дело?

Без слов.

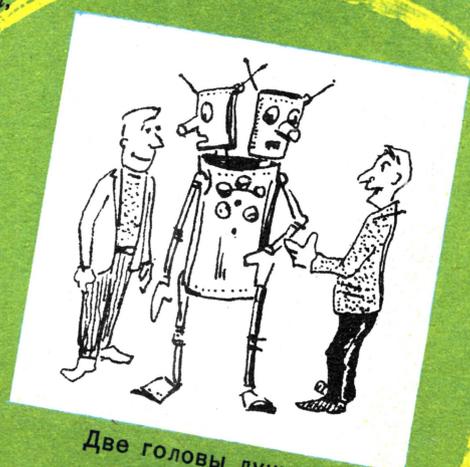
Феномен — виртуоз.

Чтобы станок, зря не простаивал.

Рисунки:
В. Тесленко,
В. Николаева,
В. Лисина,
В. Баранова.

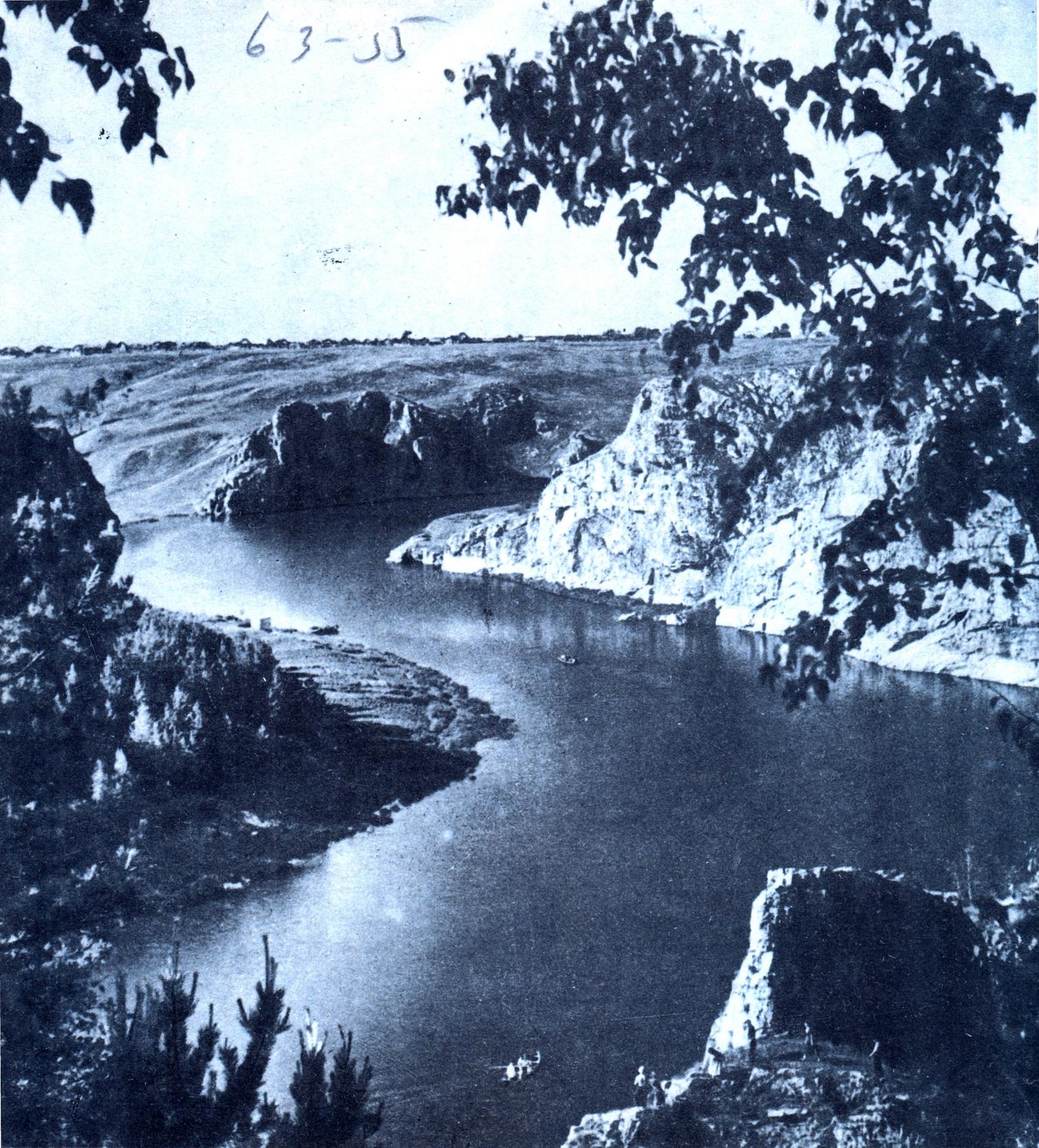

Две головы лучше...

Ю М О Р
Ю М О Р
Ю М О Р

63-35

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, МУСА ГАЛИ,
В ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора),
Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ.